

В. И. Бакулин

**ДРАМА
В ДВУХ АКТАХ:**

**ВЯТСКАЯ ГУБЕРНИЯ
в 1917-1918 гг.**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ВЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. И. Бакулин

**ДРАМА В ДВУХ АКТАХ:
ВЯТСКАЯ ГУБЕРНИЯ
в 1917–1918 гг.**

Киров
2008

ББК 63.3(2Р-4Кн)
Б19

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Вятского государственного гуманитарного университета*

Рецензенты:

А. А. Печенкин, доктор исторических наук, профессор;

А. А. Машковцев, кандидат исторических наук, доцент

Б19 Бакулин, В. И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–
1918 гг. [Текст] / В. И. Бакулин. — Киров, 2008. — 299 с.

ISBN 978-5-93825-532-6

Книга посвящена одному из наиболее сложных, наиболее интересных
периодов в истории Вятской губернии и всей страны. На обширном материале
источников рассматриваются различные аспекты в жизни региона.

ББК 63.3(2Р-4Кн)

ISBN 978-5-93825-532-6

ISBN 978-5-93825-532-6 © Вятский государственный гуманитарный
университет (ВятГУ), 2008
© Бакулин В. И., 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	4
АКТ ПЕРВЫЙ: ФЕВРАЛЬ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ	
Глава 1. Революционная эйфория и реальные проблемы: март 1917 года в Вятке	6
Глава 2. Начало обвала: март — апрель 1917 г. в уездах и волостях	21
Глава 3. Май — июнь: время обещаний и надежд	33
Глава 4. Углубление анархо-демократического процесса в апреле — июне	39
Глава 5. Поворот к реакции: путь в тупик (июль — август 1917 г.)	50
Глава 6. Осенняя катастрофа: власть, сельская община и продовольственный вопрос	68
Глава 7. Солдаты, рабочие и партийцы в дни агонии февральского режима	83
АКТ ВТОРОЙ: ВЛАСТЬ СОВЕТОВ — ГОД ПЕРВЫЙ	
Глава 8. Очередная смена власти	100
Глава 9. Формирование системы управления, силовых и правоохранительных структур (г. Вятка, декабрь 1917 — март 1918 г.)	112
Глава 10. Политическая жизнь региона (январь — апрель 1918 г.)	126
Глава 11. Социально-экономические проблемы новой власти (зима — весна 1918 г.)	137
Глава 12. Жаркое лето 1918-го	152
Глава 13. Вятская губерния на начальном этапе гражданской войны	168
Глава 14. Эволюция социально-экономической политики	180
Глава 15. Вятка в осенне-зимний период 1918 г.	189
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	201
ПРИЛОЖЕНИЯ	204
ПЕРСОНАЛИИ	204
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	229

ПРОЛОГ

В наших генах определенно живет историческое прошлое, понимаемое как чувства, стремления, страдания и радости бесчисленного множества поколений наших далеких и менее далеких предков, сородичей, земляков... Это осознаешь и «чувствуешь кожей», когда прикасаешься к предметам, которыми пользовались те незнакомые тебе люди, которых уже давно нет на земле, когда держишь в руках появившиеся на свет десятки, а то и сотни лет назад и ныне бережно хранимые в архивных фондах документы, письма, рукописные воспоминания, когда вглядываешься в лица мужчин, женщин, детей, которые смотрят на тебя со старых, пожелтевших фотографий. И наступает тот благословенный миг, когда прошлое оживает и ты начинаешь дышать воздухом иной эпохи, слышать ее голоса, пропускать через собственное сердце ее мечты, заботы, нужды. Воздух революционной эпохи — он особенно густ, насыщен пороховым запахом, время спрессовано и упруго, как мускулистое тело атлета, голоса легко переходят в крики, нередко заглушаемые «пистолетным лаем» и пушечной канонадой, а накал надежд и упований адекватен количеству тягот и страданий.

Девяносто лет тому назад Вятская земля и ее жители, пережив и перетерпев два с половиной года военного лихолетья, оказались ввергнуты в не менее грозную, но гораздо более бурную и сложную полосу революционных событий, которая начиналась революционной эйфорией, половодьем восторженных эмоций и радужных надежд, а завершилась переходом к братоубийственной Гражданской войне, отнявшей у страны миллионы жизней и еще два с половиной года, потерянных для мирного труда и экономического развития. Эта книга о том, **почему** это случилось и **как** это происходило в сердце великой страны, на территории Вятской губернии. Не впервые ставятся эти вопросы, но ответы на них и сегодня даются далеко не во всем совпадающие. А значит, есть еще о чем размышлять, спорить, значит, поиск исторической истины продолжается. Свой вклад в это дело попытался внести и автор этой книги, Что из этого получилось, судить тебе, читатель.

В жизни любой страны, тем более такой гигантской и пестрой по своему социальному и национальному составу, как Россия, трудно указать более сложные (а, соответственно, и более интересные) периоды, чем годы революционных потрясений. Драматическая ломка многовекового старого уклада, на обломках и из обломков которого вырастает, выстраивается новое, первоначально весьма не совершенное, но несущее в себе большие потенциальные возможности, а главное — пока еще невиданное в истории человечества здание нового

общественного строя — эта картина не может оставлять равнодушным любого интересующегося отечественной историей человека. Завораживают масштабы, динамика перемен и степень вовлеченности (волной или невольной) в них десятков миллионов людей — современников и участников исследуемых событий.

События 1917-го, а отчасти и связанного с ним 1918 года, давно привлекали внимание отечественных и зарубежных историков. Но в первую очередь это касалось событий либо столичных, либо всероссийского масштаба, региональный уровень и сегодня освещен слабее. Разумеется, было бы неверно абсолютизировать последнее утверждение. Можно назвать ряд авторов, исследовавших (и продолжающих делать это в последние годы) историю Вятской губернии в 1917–1918 гг. В связи с этим нельзя не упомянуть имена Е. С. Садыриной, Е. И. Кирюхиной, Ю. Н. Тимкина, Г. Г. Загвоздкина, В. Д. Сергеева, некоторых других авторов. Но есть, как минимум, два обстоятельства, подвигнувших автора данной книги вновь обратиться к указанной теме. Во-первых, труды как советского, так и постсоветского времени не лишены налета определенной политической заданности, в первом случае прокоммунистической, во втором — антикоммунистической, что нередко ставит под сомнение полученные историками результаты и выводы. Во-вторых, более полное, чем прежде, использование богатейшего пласта источников в кировских архивах и библиотеках (полностью он не исчерпан и в данном исследовании) позволяет постепенно преодолевать присущий многим прежним публикациям схематизм, упрощение картины событий, недостаточное внимание к проблемам социальной психологии, к общественным настроениям, действиям и поведению конкретных людей и т. п. Не претендуя на полный охват всех граней такого сложного феномена, как два этапа Великой Русской революции 1917–1918 гг. в масштабах одной из наиболее крупных губерний бывшей Российской империи, автор попытался в силу своих возможностей восполнить указанные выше историографические пробелы.

АКТ ПЕРВЫЙ: ФЕВРАЛЬ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Глава 1. Революционная эйфория и реальные проблемы: март 1917 года в Вятке

В последнюю неделю февраля 1917 г. народное восстание в Петрограде, поддержанное 300-тысячным столичным гарнизоном, смело династию Романовых. В ночь на 2 марта оформилось Временное правительство во главе с князем Г. Е. Львовым. Он же возглавил министерство внутренних дел. В либеральном по духу и по составу кабинете тон задавала пробуржуазная партия кадетов. При этом правительство заручилось поддержкой несколько ранее возникшего Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (далее — Совет РСД), в котором безраздельно господствовали умеренные социалисты (меньшевики, эсеры, энесы) и пока еще крайне слабо были представлены радикальные социалисты — большевики.

Лидеры умеренных социалистов, первоначально не претендуя на государственную власть, ориентировали своих однопартийцев и сторонников в регионах России на поддержку политики Временного правительства, включая дальнейшее участие страны в Первой мировой войне. Этой установке, которая тем более ужесточилась после непосредственного вхождения в мае умеренных социалистов в правительство, неукоснительно следовали вятские эсеры, энесы, меньшевики.

Князь Львов приобрел большую известность в российском обществе задолго до 1917 г. как видный деятель земского движения, а с 1915 г. как один из руководителей Земгора — всероссийского объединения земских и городских органов самоуправления на местах. Именно этим органам он, после некоторого колебания, отвел ведущее место в деле строительства новой системы управления в регионах, санкционировав своей телеграммой от 5 марта отставку губернаторов и вице-губернаторов, с передачей их полномочий председателям губернских земских управ, назначаемых по совместительству губернскими комиссарами Временного правительства [1]. В соответствии с этим распоряжением, в Вятке 6 марта губернатор Н. А. Руднев передал бразды правления руководителю регионального земства П. И. Панькову.

Однако ситуация в области управления с самого начала осложнилась инициативой «снизу». Тремя днями раньше (3 марта) на расширенном заседании Вятской городской Думы был сформирован в качестве полномочного революционного органа комитет общественной безопасности (КОБ). Подобные органы, выделявшие из своего состава для ведения текущей работы ис-

полнительные комитеты (исполкомы), в первые же дни марта возникли в большинстве регионов страны, причем не только на губернском, но и на уездном, а порой и волостном уровне. Правительство Г. Е. Львова какое-то время их игнорировало, явно не поощряя такие, ведущие к многовластию на местах инициативы [2]. Его опасения можно понять: уже в марте возникла так и не получившая в рамках февральского политического режима положительного разрешения проблема распределения властных полномочий и управленческих функций между комиссарами Временного правительства, КОБами и старыми органами местного самоуправления — земствами и городскими Думами.

Более того, список претендентов на участие в управленческих делах не исчерпывался лишь перечисленными выше. По мере развития революции к ним добавлялись быстро множившиеся профсоюзы, окрепшая кооперация, солдатские комитеты и офицерские Советы тыловых гарнизонов и, наконец, Советы рабочих, солдатских и (в сельской местности) крестьянских депутатов. В силу массовой социальной базы, включавшей в себя самые многочисленные и наиболее обездоленные слои населения, Советы несли в себе потенциальную угрозу новой власти даже в тех случаях, когда (как это было с марта по ноябрь 1917 года в Вятской губернии) они демонстрировали ей свою лояльность. Наконец, миной замедленного действия, подложенной под политический режим, рожденный Февралем, оказалось традиционное крестьянское общинное и волостное самоуправление.

Информация о революционных событиях в Петрограде первоначально доходила в Вятку в виде слухов, поскольку губернатор Н. А. Руднев запретил предавать огласке поступающие по телеграфу сообщения. Однако после отречения 2 марта Николая II и утром 3 марта его брата Михаила распоряжением того же губернатора в Вятке было официально обнародовано сообщение о падении монархии в России.

С этого момента местная элита торопилась выразить свои верноподданнические чувства новому Временному правительству. Губернатор, вице-губернатор П. П. Кандидов изъявили полное согласие подчиняться его распоряжениям, аналогичное решение было принято в тот же день, 3 марта, городской Думой. 4 марта издаваемая Н. А. Чарушиным газета «Вятская речь» опубликовала приветственные телеграммы губернатора Н. А. Руднева, председателя губернской земской управы П. И. Панькова, городского головы П. И. Шкляева первому председателю Временного правительства Г. Е. Львову. В лице епископа Вятского и Слободского Никандра присоединилась к этим приветствиям и поздравлениям и местная епархия, на несколько дней опередив в этом вопросе даже священный Синод [3]. В своем заседании 7 марта

городская Дума — по предложению городского головы — выразила Никандру благодарность за правильное понимание текущего момента [4].

Формальная смена власти в губернии прошла легко и быстро по той простой причине, что она имела характер поверхностный, косметический, мало что меняла по существу. В городской Думе, в земских органах, в других управленческих структурах были представлены, как правило, те же лица, что и в дореволюционный период. Правда, комитет общественной безопасности и, особенно, городской Совет РСД, несколько более «простонародные», чем прочие органы, внесли свежую струю в политическую жизнь губернского центра, впрочем радикально не изменив ее. Тем более остались непоколебленными отношения собственности и базировавшиеся на них взаимоотношения различных слоев и категорий местного населения. Лишь полицейские и жандармские управления, вскоре упраздненные Временным правительством, были ликвидированы и в Вятской губернии.

По указанной выше причине местные власти, городская и губернская элита были вполне удовлетворены первыми политическими результатами Февральской революции и приложили максимум усилий к тому, чтобы остановить ее на этом этапе, не позволить развиться массовому народному движению. В те же мартовские дни местная пресса пестрела обращениями должностных лиц к гражданам с призывами соблюдать спокойствие и полностью довериться (как это было сформулировано, например, у Никандра) «в заботах о родине избранныкам народным в Государственной Думе». Губернское объединение предпринимателей — Торгово-промышленный комитет — в его обращении к фабрично-заводским рабочим подчеркивал, что «свершившиеся для блага родины великие события» обязывают их трудиться с удвоенной энергией во имя победы над внешним врагом [5].

Интеллигенция, служащие, учащаяся молодежь к падению монархии отнеслись весьма одобрительно, нередко с ликованием. Газеты публиковали отклики на это событие как местных жителей, так и письма, поступавшие из уездов и с фронта. В них, как правило, присутствовали идеализация революции и уверенность в том, что светлое будущее уже наступило. «Вятская речь» напечатала текст телеграммы от земляка, земского деятеля Федора Польнера. В ней говорилось: «Из рядов ликующей армии приветствую родной край со светлой зарей новой жизни. Сбросив оковы, русский народ получил возможность свободного развития и самоопределения и начнет созидательную работу государственного строительства на началах права, правды и справедливости» [6].

Елабужское уездное земское собрание, проходившее под председательством гласного Н. А. Блинова, телеграфировало председателю губернской земской управы: «Чрезвычайное земское собрание приветствует в лице Вашем Вятское губернское земство с низвержением кошмарного управления измученной страны и осуществлением в действительности лучших чаяний всего русского народа» [7]. В столь же энергичных и восторженных выражениях (и на том же уровне политической наивности) была составлена редакционная статья чарушинской «Вятской речи» за 15 марта. Анонимный автор писал: «Героическим усилием великая страна сбросила, наконец, с себя ярмо политического деспотизма... Правительство теперь — сам народ в лице избранного им нового кабинета! Наша сила в нашем Новом Правительстве (так в тексте, — В. Б.): организовав его, мы организовали самих себя, и теперь для нас настали трудовые будни сознательного и планомерного, интенсивного и свободного труда» [8].

Остается только гадать, каким образом в сознании составителя данного текста самоназначенное и совершенно бесконтрольное Временное правительство князя Львова превратилось в образец демократизма и народного представительства. Да и радость восторженного интеллигента по поводу наступившей эры «свободного труда» вряд ли могли разделить в своей массе рабочие, продолжавшие и теперь трудиться на прежних хозяев, нередко за прежнюю, как правило не слишком высокую, заработную плату, в условиях инфляции и быстрого роста цен на предметы первой необходимости.

11 марта в переполненном вятском городском театре прошел первый массовый митинг. Присутствовавшие почтили память борцов, погибших за свободу в прошлые годы. Звучал похоронный марш Шопена, а хор учащихся исполнил популярный в революционной среде песню «Вы жертвою пали в борьбе роковой...». Дирижировал хором ученик городского реального училища, в ближайшем будущем один из лидеров местных большевиков юный П. П. Капустин. Секретарь редакции издаваемой земством «Крестьянской газеты» И. И. Войтов сделал беглый обзор истории революционного движения в России, а преподаватель реального училища И. П. Лашкевич произнес прочувствованную речь о задачах молодежи в новой России. К обороне Отечества призвал горожан выступивший после них солдат Григорьевский [9]. Наконец, все тот же Петр Капустин напомнил участникам митинга о том, что двое из числа выпущенных 4 марта из губернской тюрьмы политических заключенных находятся в зале, среди публики. Под бурную овацию на сцену театра на руках были вынесены меньшевики Манкевич и Смольчанский [10].

На следующий (воскресный) день в Вятке состоялся праздник револю-

ции. До тридцати тысяч человек собрались на площади кафедрального собора, в районе нынешнего Вечного огня. Развевались красные знамена, звучали революционные песни. Состоялся парад войск местного гарнизона, затем тронулись в путь колонны демонстрантов. Пройдя по улицам города (современным Московской — Карла Маркса — Красноармейской) и расположившись на площади Александровского собора, демонстранты устроили митинг [11].

В мартовские дни не было в Вятке более популярного слова, чем «свобода», а реализовалось оно в самых разных вариантах. Гласный губернского земского собрания Г. Ф. Шубин читал 26 марта в кинотеатре «Колизей» лекцию раненым солдатам на тему «Что такое свобода и для чего она нужна человеку»; на заседании городской Думы 27 марта затрагивался вопрос о переименовании главной улицы города Николаевской в улицу Свободы [12]. С другой стороны, в конце марта заместитель губернского прокурора Н. А. Липинский доводил до сведения граждан, что, в соответствии с указом правительства от 17 марта, вслед за политическими, в местах заключения города Вятки обретаю свободу «несколько сотен так называемых уголовных преступников» [13]. Рабочие же депо станции Вятка-1, получив известие о падении монархии, первым делом освободили от занимаемой им должности ненавистного им начальника депо Горшкова [14].

Бывший железнодорожник Петр Хлебников утверждал, что на этой станции накануне революции действовал стачком, руководимый Гамаюновым, а он, Хлебников, являлся членом этого органа. Весть о революции железнодорожники отметили митингом, где выступали врач Трейтер, начальник участка пути Желваков и другие, причем все ораторы клеймили теперь уже бывшее царское правительство за его «неправильные действия». Пассажирское движение было на некоторое время приостановлено, и пассажиры пропускались лишь по особому разрешению стачечного комитета [15]. В свете подобных событий понятно, в чей адрес в первую очередь звучали призывы местных высокопоставленных чиновников соблюдать спокойствие и порядок. Воспоминание о 1905 годе многих бросало в холодный пот.

Впрочем, события марта и ряда последующих месяцев в городах Вятской губернии можно рассматривать как подтверждение тезиса о том, что российский рабочий класс в это время не был ориентирован на непримиримую борьбу с властью и капиталом имущими. Один из наиболее интересных современных авторов, С. Г. Кара-Мурза, замечает: «Из материалов, характеризующих устремления, идеологические установки и практические дела фабзавкомов в Центральной России, где ими было охвачено 87% средних предприятий и 92% крупных, определенно следует, что рабочие уже с марта 1917 г. считали,

что они победили в революции и перед ними открывалась возможность устраивать жизнь в соответствии с их представлениями о добре и зле. Поэтому вплоть до лета 1918 г., когда началась иностранная интервенция и гражданская война «детей Февраля», установки фабзавкомов и Советов не были нацелены на классовую конфронтацию. Война никак не входила в планы трудящихся и их организаций» [16].

Думается, что автор приведенного текста обозначил слишком широкие хронологические границы описываемого явления. Скорее можно утверждать, что данная тенденция преобладала в умах и поступках вятских рабочих до середины осени, а в более крупных промышленных центрах России — не далее лета 1917 г. Но то, что она существовала, — не подлежит сомнению. Именно поэтому рабочие промышленных и транспортных предприятий Вятской губернии на протяжении большей части 1917 г. не выходили за рамки экономических требований и охотно отдавали свои симпатии реформаторам — меньшевикам (реже — эсерам), чем более радикально настроенным большевикам. Вместе с тем сказанное не отменяет факты колебаний настроений вятских пролетариев, постепенной эволюции в сторону левого фланга значительного их числа.

Март — время частичной перестройки системы регионального управления, появления в ней некоторых новых элементов. 3 марта оформился комитет по охране порядка и спокойствия в г. Вятке, вскоре преобразованный в наделавший себя большими властными полномочиями губернский комитет общественной безопасности (КОБ). Повседневную работу комитета вел более узкий орган — его исполнительный комитет. Подобные же структуры возникли в уездных центрах, а кое-где — и в волостях. Поскольку КОБы и их исполкомы рождались не по инструкциям и указаниям «сверху», а как продукт революционной инициативы политической активной части населения (в первую очередь — партийной интеллигенции), то и состав их определялся произвольно.

В губернском комитете были представлены старые органы местного самоуправления (Дума, земство), офицеры частей вятского гарнизона, члены партийных организаций кадетов, меньшевиков, эсеров, энесов. Кто-то вошел в него еще 3 марта, но состав комитета уточнялся, пополнялся и в последующие дни и недели. 17 марта солдатский комитет 697-й пехотной дружины уполномочил представлять его в КОБе своего члена А. П. Кучкина. 18 марта губернское земское собрание делегировало в КОБ четырех своих членов — Баранова, Жирнова, Ковалева, Тихонова. 23 марта региональное отделение возрождаемого всероссийского Крестьянского союза направило в него своим представителем энеса Н. А. Чарушина. От городской Думы заседал в КОБе

Косолапов, вскоре смененный Желваковым. В роли председателя комитета выступал эсер П. Т. Саламатов [17].

Комитеты общественной безопасности сыграли большую, но далеко не всегда конструктивную роль в революции. С одной стороны, они изрядно потеснили более опытные в делах управления, более структурированные и более самостоятельные в кадровом отношении городские Думы и земства, с другой — превратили в простое промежуточное звено между ними и «центром» комиссаров Временного правительства, призванных олицетворять «властную вертикаль». В результате этого многовластия в регионах послефевральская система управления Россией так и не обрела необходимой целостности и эффективности.

Лидер кадетов, министр иностранных дел в первом кабинете Временного правительства (март — апрель 1917 г.), профессор П. Н. Милуков в своих мемуарах спустя годы обвинял Г. Е. Львова в том, что тот фактически отдал бразды правления в провинции в руки всякого рода общественных организаций (далеко не последняя роль среди которых принадлежала КОБам. — В. Б.). «Такая санкция власти, — писал он, — разумеется, еще усилила и оправдала продукты «революционного правотворчества». Власть на местах вообще исчезла, как исчезли жандармы и полицейские в Петрограде. Партийные организации приобрели могущественное средство пропаганды самочинных действий» [18].

Будучи прав по существу проблемы многовластия, переходящего в безвластие, в своем упреке лично в адрес Львова лидер кадетов был не вполне объективен. Возможно, потому, что явно недолго любил князя. Не все было в силах последнего. Выше уже отмечалось, что глава правительства, возглавляемое им министерство внутренних дел в первой половине марта упорно «не замечали» общественные комитеты, а когда это стало уже невозможным по причине их активности и растущего влияния, спустили на места директиву от 14 марта, в которой КОБам предлагалось упорядочить внутреннюю структуру и отрегулировать отношения с другими учреждениями и организациями [19]. Разумеется, оба указания остались в области благих пожеланий. В условиях революции подобные вопросы не решались телеграммами из столицы: и состав комитетов, и место их среди других субъектов власти и управления определялись, главным образом, неустойчивым балансом социальных и политических сил в губерниях и уездах, а не директивами «сверху».

Революцией был рожден и Вятский Совет РСД. 7 марта на городском собрании рабочих было решено провести выборы его депутатов. В собрании участвовали члены рабочей группы областного Военно-промышленного ко-

митета, работники железнодорожных мастерских, кожевенных заводов, спичечной фабрики, губернской типографии, а также ремесленных объединений («цехов») — сапожного, портновского, столярного [20]. Поэтому в Совете оказались не только посланцы промышленных предприятий, но и мелкие товаропроизводители, а также присоединившиеся к ним избранные вониских частей вятского гарнизона.

На состоявшемся 14 марта в помещении Народного Дома епархиального братства Св. Николая (ныне здание ТЮЗа) первом заседании Совета около сотни депутатов избрали председателем этого органа меньшевика И. И. Войтова. Кроме него в президиум Совета РСД вошли В. Н. Бердников, Ф. С. Князев, Н. А. Кролюницкий — все меньшевики. В целях координации действий и контроля над коллегами-управленцами Совет делегировал последнего из них и еще пять своих членов в городскую Думу [21].

С момента возникновения Вятский Совет РСД встал на позиции безусловной поддержки Временного правительства и даже поручил сам себе «наблюдение за местными органами... в целях предупреждения уклонений их с намеченного Временным правительством пути». Депутаты не отказывались и от защиты классовых интересов пролетариата, но лишь в той мере, в какой это допускали условия военного времени. Наконец, они поставили перед собой задачу широкой пропаганды идей демократической республики и подготовки граждан к выборам в Учредительное собрание» [22].

Между тем жизнь продолжалась, и от эйфории, связанной с падением самодержавия, учреждения и их руководители возвращались к текущим проблемам губернского центра, которые в условиях продолжавшейся войны неизбежно обострялись. Приходило в упадок городское хозяйство. На одном из заседаний городской Думы конца марта представлявший в ней интересы «лиц частного труда» Ф. П. Кунилов поднял вопрос о состоянии городских улиц, «сделавшихся в настоящее время трудно проходимыми». Действительно, согласился с ним коллега по Думе Желваков, тротуары в безобразном состоянии: «...когда я шел сюда с вокзала, то провалился и промочил ноги» [23]. Говорилось и о водоснабжении города. Городской водопровод обслуживал лишь центральную часть города; на окраинах имелось несколько водозаборных колонок («будок») в количестве, явно недостаточном для 40-тысячного населения Вятки [24]. Если качество водопроводной воды еще и в начале XX века не вызывало нареканий, [25], то граждане, лишенные централизованного водоснабжения (например, в районе Хлыновки), употребляли воду, опасную для их здоровья. Тот же гласный Желваков рассказывал: «Когда дали хлыновскую воду когу, то он не стал ее пить». «А мы пьем», — откликнулся другой

участник заседания [26]. Отметив, что проведение водопровода на Хлыновку обойдется городу в 3 тысячи рублей, думцы передали вопрос на дальнейшую проработку в техническую комиссию, пополнив ее из своей среды Куниловым, Манохиным, Осокиным, Поповым, Рыжаковым [27]. Дальнейшая судьба проекта неизвестна, но вряд ли он был реализован в бурном 1917 году.

Часть городского населения из числа тех, кто не имел доступа к водопроводу, прибегала к услугам водовозов. Однако услуги эти дорожали, и в конце марта ведро воды стоило 3–4 копейки, что было уже не всякому вятчанину по карману. Отмеченное в это время сокращение потребления качественной воды ухудшало санитарную обстановку в городе, усиливало угрозу возникновения нередких в ту эпоху эпидемий тяжелых заразных болезней [28].

Растущие цены — естественный спутник военного лихолетья. Соотношение доходов граждан и их расходов на предметы первой необходимости — большая, требующая особого рассмотрения тема. В данном случае обозначим ее лишь «штрихами», дав читателям несколько цифр для сопоставления. В марте 1917 г. начальник милиции г. Котельнича получал зарплату 300 рублей в месяц, его помощник — 200 руб.; 1 фунт (около 400 граммов) муки стоил от 12,5 до 20 копеек (т. е. 30–50 копеек за килограмм), 1 кг сахара — от 62,5 до 72,5 копеек, 1 килограмм ореховой халвы — 4 рубля, 1 килограмм сливочного масла — 3 рубля 75 копеек [29]. К середине лета 1917 г., когда цены на все товары и продукты (за исключением немногих нормируемых и продаваемых по карточкам) значительно выросли, месячный оклад младшего милиционера в г. Вятке составлял 75 рублей, в сельской местности Вятского уезда — 50 рублей; старшего милиционера в обоих случаях — 100 рублей [30]. Тогда же, в июле, губернская земская управа приглашала желающих на вакантное место фельдшерицы родильного отделения губернской больницы с окладом 65 рублей в месяц. Правда, при этом она обещала 55 % прибавки «на дороговизну» и выплату квартирных [31].

Рост цен, но первоначально не на все, а лишь на некоторые продукты, обозначился уже на начальных этапах войны. Так, в декабре 1914 г., в сравнении с январем того же года, в среднем по Вятской губернии (при определенном колебании местных цен) ржаная мука подорожала с 3,8 до 4,9 копеек за килограмм, картофель — с 1,4 до 1,8 коп., овес — с 2,9 до 4,4 коп., сливочное масло — с 97 копеек до 1 руб. 02 коп., мед — с 60 до 75 копеек, а говядина, напротив, подешевела с 28 до 25 копеек за килограмм [32]. Таким образом, как видно из приведенных цифр, к марту 1917 г., в сравнении с концом года 1914-го, сливочное масло подорожало более чем в 3,5 раза, а ржаная мука — в 6–10 раз.

Базовым показателем жизненного уровня российских граждан в годы войны являлась степень удовлетворения их продуктами питания. Наиболее остро эта проблема стояла для жителей крупных промышленных центров, включая Петроград, и северных регионов России. Вятская губерния, отнесенная к числу продовольственных доноров («производящих» регионов), была обязана снабжать тех и других по подразверстке, введенной еще царским правительством в последние месяцы 1916 г. Впрочем, плановые задания спускались ей и в предшествующие военные годы, и планы эти выполнялись плохо. На состоявшемся в середине марта в Вятке губернском продовольственном съезде докладчик, агроном Юдинцев довел до сведения присутствующих, что задания на период 1915 — начала 1917 г. по заготовкам зерновых для нужд армии и населения страны Вятская губерния выполнила по овсу на 58 % (от плана в 12 миллионов пудов), а по ржи и вовсе на 22 % [33].

Большинство выступавших на съезде (проходившем под председательством все того же эсера П. Т. Саламатова) участников высказались за сохранение твердых, установленных государством закупочных цен на зерно, при некотором их повышении. Хорошо понимая жизненную важность обсуждаемой проблемы и ее неизбежное обострение в ближайшей перспективе, 160 делегатов форума по итогам обсуждения доклада Юдинцева приняли резолюцию, которая степенью радикализма вполне могла соперничать с «Апрельскими тезисами» В. И. Ленина (к тому времени еще не вернувшегося из эмиграции в Россию).

В ней говорилось о необходимости выработки Всероссийским продовольственным съездом единого общегосударственного плана, которым должны руководствоваться все продовольственные органы страны. Последним, в свою очередь, должно быть предоставлено право не только нормированного распределения продуктов и предметов массового потребления, но и принудительного отчуждения таковых, а также — контроля над их производством. Губернский продовольственный съезд признал целесообразной мобилизацию специалистов (техников, агрономов), просто «трудовых сил», сельскохозяйственных машин и инвентаря, а также использование труда военнопленных и солдат в той мере, в какой это «не вредит делу обороны». Кроме того, вопросы о снятии запрета на вывоз из губернии продуктов питания и о повышении фиксированных закупочных цен было решено передать на рассмотрение губернского продовольственного комитета. Орган этот, состоявший из 13 членов, также формировался съездом. Председателем губпродкома был избран кадет Л. В. Юмашев, его заместителями — Н. И. Евсеев и Г. М. Наумов. Пост председателя первоначально настойчиво предлагался П. Т. Саламатову, но тот, оче-

видно вынашивая более амбициозные карьерные замыслы, категорически отказался [34].

Продовольственная ситуация в стране в этот период была уже тяжелейшая. Собственно и сама Февральская революция в значительной мере явилась следствием продовольственных затруднений, в первую очередь в столице России [35]. Поэтому даже в целях самосохранения Временное правительство было вынуждено ввести государственную монополию хлебной торговли, а также утвердить положение о местных продовольственных органах — губернских продкомах, пришедших на смену уполномоченным бывшего царского министерства земледелия. Но тесно связанный с буржуазно-помещичьими кругами, не желая серьезного ущемления их финансовых интересов (в области спекуляций продовольствием в том числе), кабинет князя Г. Е. Львова действовал неспешно, как правило, вслед событиям, под давлением «снизу». Названные выше его решения датированы 25 марта 1917 г., в то время как необходимость введения государственной монополии была декларирована исполкомом Петроградского Совета РСД еще 4 марта [36], а полномочные губернские продкомы уже создавались по стране (что мы видели и на примере Вятки), по крайней мере, в середине этого месяца.

Впрочем, в отдельных случаях, особенно в их посланиях на места, министры проявляли решительность. Во время работы губернского продовольственного съезда в адрес вятского губернского комиссара поступила телеграмма ответственного за продовольственные дела министра земледелия А. И. Шингарева, в которой говорилось: «Реквизицию продовольственных продуктов, скрытых в целях спекуляций, можете производить немедленно...» [37]. Реквизировать (то есть принудительно отчуждать, но — в отличие от конфискации — за плату, по ценам, установленным государством) было что и в Вятской губернии. Накануне, на заседании городской Думы 7 марта, приводились факты злоупотреблений, о которых говорилось в телеграмме министра. Вятский комитет общественной безопасности уже в первые дни своего существования провел соответствующее расследование и выявил у ряда местных торговцев (Мамаева, Палкина и др.) огромное количество продовольствия, хранимого «про запас» [38]. Подобное укрывательство в условиях существования дефицитов, естественно, вело к искусственному вздуванию цен.

Однако гласные городской Думы, заслушав сообщение члена комитета Косолапова, ограничились обменом репликами и никакого решения по данному вопросу не приняли. Шокированный Косолапов тут же сложил с себя полномочия члена исполкома комитета общественной безопасности [39]. Никак не отреагировали на телеграмму министра А. И. Шингарева и участники гу-

бернского продовольственного съезда, хотя текст ее был опубликован в дни его работы в местной прессе. Таким образом, уже на этом этапе стала проявляться характерная черта февральского политического режима, присущая не только центральным властям, но и вятским чиновникам: сочетание громких слов (та же резолюция губернского продовольственного съезда) и нерешительность, непоследовательность в практических действиях, особенно если они затрагивали интересы имущих, привилегированных слоев населения.

Если на первом этапе революции в Вятской губернии инициативой надежно овладели местные руководящие круги и интеллигенция, особенно партийная, то дальнейшее развитие событий в городе Вятке зависело не только от них, но и от таких относительно организованных (и быстро организуемых) категорий населения, как рабочие и солдаты, которые хотя и уступали численно «распыленным» мелким товаропроизводителям (ремесленникам, кустарям), торговцам, лицам без определенного рода занятий [40], но обычно превосходили их политической активностью. Именно поэтому они привлекали особое внимание членов политических партий, главным образом социалистической ориентации.

Впрочем, тех и других было не так уж и мало. Наиболее заметные и влиятельные в событиях 1917 г. трудовые коллективы железной дороги и фабрики Т. Ф. Булычева в общей сложности составляли около 2 тысяч человек [41]. Численность наиболее крупной воинской части вятского тылового гарнизона — 106-го полка — доходила до 10 тысяч человек [42]. Железнодорожники одни из первых в городе организовали свой профсоюз, контроль над которым установили меньшевики и эсеры. Достаточно популярными в среде железнодорожников были умеренные социалисты Ермолин, И. П. Колеватов, Н. Н. Поталицын и др. Заметный вклад в повышение их авторитета внес приехавший из Алапаевска, бывший в революционном 1905 году председателем Вятского Совета РД В. И. Калашников [43].

Легкое брожение, имевшее место в первые мартовские дни в воинских частях [44], окончилось ничем, тем более что в первые дни революции во всем гарнизоне обозначился лишь один большевик — служивший в 697-й пешей дружине солдат А. П. Кучкин. Офицеры воинских частей высказались в поддержку Временного правительства и обновленного местного губернского и городского руководства, а их представители вошли в состав губернского комитета общественной безопасности. Впрочем, никакой иной сценарий развития событий в тот период просто не просматривался. В 106-й полк было сдано оружие ликвидируемых полиции и жандармского управления. Из его же арсенала вооружалась вновь создаваемая милиция, причем в состав ее вошла

группа солдат во главе с прапорщиком Дробининым [45]. Он же вскоре был назначен начальником городской милиции [46].

Однако именно в начале первого весеннего месяца в Петрограде случилось событие, которое оказало колоссальное влияние на последующую судьбу и русской армии, и самой Российской империи, достаточно громко аукнувшись и в далекой от столицы Вятке, в ее гарнизоне. 1 марта Петроградский Совет РСД утвердил знаменитый Приказ № 1, передавший реальную власть в армейских частях в руки выборных солдатских комитетов [47]. В условиях продолжавшейся мировой войны столь радикальная демократизация вооруженных сил страны гарантированно вела к их развалу. Именно так оценил этот документ и его последствия генералитет русской армии. Но что характерно, в этой оценке с ним были солидарны и те, кто его принимал.

Хорошо осведомленный в вопросах военного строительства (командир корпуса, начальник Генерального штаба, командующий Западным фронтом в феврале — августе 1917 г.) генерал А. И. Деникин приводил в своих мемуарах высказывание видного меньшевика И. П. Гольденберга: «Приказ № 1 — не ошибка, а необходимость... он являлся единодушным выражением воли Совета. В день, когда мы «сделали» революцию, мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение и употребили... надлежащее средство» [48].

В свете известных фактов понятно, что в те дни столичные умеренные социалисты изрядно преувеличили опасность армейской (промонархической) контрреволюции, а вот в разрушении армии как одной из главных опор российской государственности они явно преуспели. 14 марта Приказ № 1 был дополнен также рожденной в недрах ПетроСовета Декларацией прав солдата. Ее, позднее санкционированную военным министром А. Ф. Керенским, верховный главнокомандующий генерал М. В. Алексеев назвал последним гвоздем, забитым в гроб русской армии [49].

Уже накануне Февральской революции более чем 12-миллионная армия была больным организмом. По разным оценкам, к началу 1917 г. от 1 до 2 миллионов солдат (т. е. не менее 10% личного ее состава) числились дезертирами [50]. Канун Февральской революции, сам политический переворот сильно ухудшили ситуацию. Служивший по мобилизации мастером в оружейных мастерских 106-го полка А. Ф. Коновалов вспоминал, что в этой воинской части «смутное время» начиналось еще до Февральской революции, с конца января 1917 года. В это время приостановилась отправка на фронт пополнений, происходили задержки с выплатой солдатского жалования, с выда-

чей обмундирования, постельного белья, ухудшилось питание, участились отлучки старших офицеров. Ну, а уже после того, как во время одного из построений было объявлено о конце монархии, в этой воинской части значительно усилилось дезертирство и «дисциплина пала» [51].

Недели две после этого сообщения, — продолжал автор воспоминаний, — занятия по военной подготовке не проводились, командный состав отсутствовал, «а солдаты не знали, что делать». Затем образовались гарнизонный, полковой и ротные комитеты, а также Совет офицерских и солдатских депутатов. В последнем, как и в гарнизонном комитете, солдат было немного, большинство составляли офицеры, доктора, чиновники. Совет находился в одном из зданий по улице Московской, а более солдатский по составу полковой комитет — в угловом доме на пересечении улиц Преображенской и Никитской (ныне Энгельса и Володарского) [52]. В менее подконтрольных властям, чем гарнизонный комитет и Совет, полковом и ротном комитетах вскоре начнут проявляться антивоенные настроения.

Примечания к 1-й главе

1. Герасименко Г. А. Народ и власть (1917 год) М., 1995. С. 54—55.
2. Там же. С. 185 и др.
3. Вятская речь. 1917. 4 марта. С. 1; Вятский край с древности до наших дней. Киров, 2006. С. 212—213; О позиции РПЦ см. подробнее: Поляков А. Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917 — середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии). Киров, 2007.
4. См.: Вятская речь. 1917. 9 марта. С. 1.
5. Вятская речь. 1917. 4 марта. С. 1.
6. Вятская речь. 1917. 14 марта. С. 3.
7. Там же.
8. Вятская речь. 1917. 15 марта. С. 2.
9. Человеком слова и дела был В. С. Григоровский. 4 месяца спустя, в начале июля, уйдет он, будучи уже заместителем председателя Вятского Совета РСД, в составе маршевой роты добровольцем на фронт (Вятская речь. 1917. 5 июля. С. 3).
10. Вятская речь. 1917. 16 марта. С. 3; 18 марта. С. 3.
11. Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 259.
12. Вятская речь. 1917. 25 марта. С. 3; 28 марта. С. 3.
13. Вятская речь. 1917. 29 марта. С. 3.
14. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее — ГАСПИ КО). Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Л. 32.
15. ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 35. Л. 10.
16. Кара-Мурза С. Г. Второе предупреждение: Неполадки в русском доме М., 2005. С. 32.
17. Вятская речь. 1917. 22 марта. С. 2; 25 марта. С. 3; 28 марта. С. 2—3;

Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии: Сборник документов. Киров, 1957. С. 96.

18. Милоков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 480. 19. См.: Герасименко Г. А. Указ. соч. С. 45.

20. Установление и упрочение... С. 93.

21. Вятская речь. 1917. 16 марта. С. 3; 24 марта. С. 2–3; 28 марта. С. 2; Новоселов А. Н. Вятская организация ВКП(б) в 1917–18 гг. // Октябрь и Гражданская война в Вятской губернии. Вятка. 1927. С. 67.

22. Установление и упрочение... С. 95–96.

23. Вятская речь. 1917. 28 марта. С. 3.

24. Точнее — около 41 тысячи (См.: Вятский край на рубеже тысячелетий: История и современность. Киров, 2002. С. 21).

25. О санитарном состоянии г. Вятки // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1994. Т. 1. С. 106.

26. Вятская речь. 1917. 28 марта. С. 3.

27. Там же.

28. Там же.

29. Вятская речь. 1917. 14 марта. С. 1; 19 марта. С. 1; 24 марта. С. 3.

30. Вятская речь. 1917. 5 июля. С. 1.

31. Вятская речь. 1917. 8 июля. С. 1.

32. Статистический ежегодник Вятской губернии за 1914 год. Вятка, 1915. Вып. II. С. 160–161, 164–165, 180–181, 188–189, 198–201.

33. Вятская речь. 1917. 17 марта. С. 1.

34. Вятская речь. 1917. 17 марта. С. 2; 18 марта. С. 2–3; 19 марта. С. 3.

35. См., в частности: Лейберов И. П. Революция и хлеб. М., 1990. Гл. I, II.

36. Там же. С. 97. Вятская речь. 1917. 28 марта. С. 3.

37. Вятская речь. 1917. 18 марта. С. 3.

38. Вятская речь. 1917. 9 марта. С. 3.

39. Там же.

40. Характеризуя типичные российские не только заштатные и уездные, но и губернские города той поры, историк В. П. Булдаков замечает, что в них «модернизирующие элементы» обычно «тонули в массе мелких домовладельцев, пробавляющихся продажей молока, домашней живности и сдачей в наем комнат. Это было в полном смысле мещанское болото» (Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 16).

41. По свидетельству участника событий, рабочего-железнодорожника А. Т. Кувалдина (ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Л. 30).

42. Вятская речь. 1917. 19 июля. С. 4.

43. ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 36. Л. 36; Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 70.

44. См.: Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 258; Тимкин Ю. Н. 1917 год: От революции по телеграфу к революции на штыках // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1995. Т. 4. С. 338–339.

45. ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 35. Л. 49.

46. Там же. Л. 49 об.

47. См.: Приказ № 1 // Хрестоматия по истории России: 1917–1940 / Под ред. М. Е. Глазковского. М., 1995. С. 13–14.

48. Цит. по: Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение армии и власти. М., 1991. С. 134.

49. См.: Милоков П. Н. Указ. соч. С. 484.

50. См., например: Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 30.

51. ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 35. Л. 47 об.

52. Там же. Л. 48.

Глава 2. Начало обвала: март — апрель 1917 г. в уездах и волостях

В одном из популярных в позднесоветское время кинофильмов «Багдадский вор» рефреном звучали слова песенки: «В Багдаде все спокойно, спокойно, спокойно...» Именно так оценивали (или, по крайней мере, описывали) в канун революции ситуацию в уездах Вятской губернии те, кто по занимаемой должности в первую очередь нес ответственность за покой и порядок в регионе. Например, глазовский исправник в сводке о настроениях населения уезда, отправленной в середине мая 1916 г. в канцелярию вятского губернатора, хотя и отмечал некоторую нервозность граждан по поводу упадка хозяйства, но утверждал при этом, что «особенного поворота к миру не замечается, и все ждут победного конца» [1]. В своем оптимизме он был не одинок. Подобные успокоительные реликвии уже на рубеже 1916–1917 гг. поступали в губернский центр из большинства уездов [2], и дело было не только в традиционной на Руси склонности чиновников приукрашивать действительность.

По крайней мере внешне в губернии в это время, в самом деле, ничего необычного не происходило. Случались отдельные выступления рабочих, спорадически вспыхивали крестьянские волнения, однако масштаб их был довольно скромным. С середины 1914 г. (то есть с начала Первой мировой войны) и по начало 1917 г. зарегистрировано всего 5 забастовок на промышленных предприятиях региона. Правда, в их числе — мощное выступление 30 тысяч рабочих ижевских заводов (Сарапульского уезда) в самый канун и в начальный период революционных событий в Петрограде. Хотя забастовка носила исключительно экономический характер, но вместе с тем она показала высокую степень организованности ижевских оружейников и их решимость

даться за свои права и интересы [3].

В сельской местности на протяжении 1916 г. отмечено 16 относительно крупных (деревня, волость) крестьянских выступлений. Они сводились к отказам от уплаты налогов и недоимок, от выдачи хлеба и скота в порядке реквизиций, от исполнения трудовых повинностей [4]. Однако в соотношении с гигантскими просторами Вятской губернии (135 тысяч кв. километров) и численностью ее населения (3,8 миллионов человек) подобные проявления народного недовольства не производили сильного впечатления на местную администрацию. Но под обманчиво спокойной поверхностью общественной жизни накапливалась энергия социального взрыва, появлялись первые тревожные симптомы грядущей вакханалии анархии и насилия.

Многочисленные человеческие потери России в войне, душевные страдания покалеченных в боях и потерявших близких, выбитых из привычной жизненной колеи людей, материальные тяготы последних лет плохо влияли на нравы. Приметами времени становились нарастающие напряженность и озлобленность в отношениях между людьми, в том числе между хорошо знакомыми и родственниками, рукоприкладство при выяснении отношений, применение холодного и огнестрельного оружия в спорах и драках. В полицейских сводках той поры, хранимых в Кировском областном архиве, содержится немало сведений о подобных явлениях. Некоторое представление о масштабах проблемы дает и такой социальный феномен, как самоочищение сельских обществ. В одном лишь Глазовском уезде на начало 1916 г. числилось 859 крестьян, решением сельских сходов изгнанных из общины за «дурное поведение» [5].

Другим источником беспокойства выступали солдаты-отпускники и дезертиры, еще до Февральской революции начавшие играть роль «бацилл анархии» в российской глубинке, а порой и военнотруженики тыловых гарнизонов, каковых в Вятской губернии насчитывалось до 60 тысяч человек. Помимо самой Вятки гарнизоны стояли в Глазове (154-й полк), в Сарапуле (166-й полк), в Елабуге (230-й пехотный полк), в Котельниче и др. [6] Их огромное влияние на последующие события 1917 года в регионе определялось не только тем обстоятельством, что в условиях распада и деградации властных структур «человек с ружьем» объективно выдвигался на первый план политической сцены, но и солидным удельным весом в общем составе населения. Так, в Глазове в начале 1916 г. на 6109 местных жителей и 105 беженцев приходилось 4375 военнотружеников [7].

С началом Первой мировой войны в России был введен «сухой закон». Однако он не только не искоренил пьянство, но с каждым годом придавал ему

все более уродливые формы (характерный случай: в начале января 1917 г. в Ижевске скончались разом пять человек — домовладелец и гости, приглашенные на празднование Нового года; причиной смерти явилось потребление одеколона [8]), а принявшее широкий размах самогонное варение («кумышковарение» в местной терминологии) приводило ко все более острым конфликтам между населением и боровшейся за трезвый образ жизни низовой администрацией. Свой вклад в обострение проблемы внесли и солдаты-тыловики. Выразительная иллюстрация к сказанному: 4 января 1917 г. в деревне Старых Каксах Вихаревской волости Малмыжского уезда пятеро солдат-ополченцев из местных жителей грубо пресекли антиалкогольную деятельность урядника Вологжанина и трех сопровождавших его стражников. Вломившись в дом сельского старосты, они словесно оскорбили урядника, порвали шнур на его мундире, сломали ножны шашки, после чего забрали и унесли с собой ранее конфискованные в деревне представителем власти самогонные аппараты [9].

Демонстрация подчеркнутого неуважения, а то и ненависти по отношению к представителям власти и особенно органов правопорядка — явление в это время довольно распространенное. Они все чаще становились объектами агрессии. Так, 17 февраля 1917 г. в Ижевском заводе два вооруженных ножами хулигана напали на городского Е. Л. Мерзлякова, который едва отбил, застрелив одного из них [10]. Неделию спустя находившийся в отпуске в Нолинске выходец из местных крестьян, подпоручик С. Н. Пономарев, без видимой причины, проходя мимо, ударил по лицу кулаком стоявшего на посту у казначейства городского Измествьева [11].

О нарастающем параличе местной власти в определенном смысле свидетельствовал и такой факт. На начало апреля 1916 г. в Глазовском уезде под гласным надзором полиции числилось 197 ссыльных. Однако реально на месте их оставалось 48 человек, прочие скрылись в неизвестном направлении. Это при том, что в штате местного управления полиции числилось 200 сотрудников [12] — по одному на каждого ссыльного. Впрочем, с победой Февральской революции проблема эта отпала сама собой, поскольку надзор за ссыльными и прочими «неблагонадежными» лицами, как и запрет на их свободное перемещение по стране, были отменены еще в первые дни марта. Тогда же вышли на волю из заключения лица, осужденные ранее за политические и религиозные преступления, а полиция вместе с жандармерией были распущены.

Новая послереволюционная структура власти и управления в уездных центрах «вчерне» сложилась довольно быстро, как правило, в первой половине марта. Основу ее, как и в губернском городе, составляла триада — комиссары Временного правительства, комитеты общественной безопасности (КОБы)

с их исполкомами, а также земства и городские Думы. Состав КОБов здесь оказался еще более пестрым, чем в Вятке. В Котельниче, например, уездный комитет, сформированный 9 марта, включал в себя представителей биржевого комитета, рабочих-железнодорожников и путеукладчиков, приказчиков, сотрудников больницы при спичечной фабрике, учителя гимназии; от городской Думы в него был делегирован А. В. Куршаков, от земской управы — Н. С. Зырин [13].

Как и в губернском центре, уездным «триумвирам» (комиссар, КОБ и городская Дума) в большинстве случаев удавалось сохранить контроль над ситуацией в городе, удержать в повиновении тыловые гарнизоны (там, где они стояли), а также подчинить себе возникавшие Советы РСД. Но случались исключения из этого правила, прежде всего на Ижевском заводе. Здесь очень оперативно, еще 6 марта сформировался достаточно самостоятельный и влиятельный Совет рабочих депутатов, вскоре дополненный выборными от крестьян округа [14], а возбужденные недавней забастовкой и ее грубым подавлением рабочие начали разгонять низовую администрацию (мастеров) и устанавливать свой контроль над предприятием. Подлили масла в огонь и появившиеся в Ижевске агитаторы с Урала. 12 марта встревоженный губернский комиссар телеграфировал в Петроград о своих опасениях по поводу возможной остановки важного оборонного предприятия [15]. Впрочем, до этого дело не дошло.

Рабочие митинги, демонстрации, успешные или не очень попытки устраниения наиболее ненавистных администраторов отмечены в это время на Воткинском заводе, среди рабочих и служащих села Вахруши, кожевников Сарапула и Вятского уезда (заводы Долгушинных), работников Омутнинского металлургического завода, железнодорожников станции Зуевка и др. Новая ситуация, созданная революцией, позволила многим рабочим вырывать у владельцев и администрации предприятий существенные экономические уступки, несколько улучшить свое материальное положение.

Три сотни рабочих ткацкой фабрики Т. Ф. Булычева в Вятке добились полутора-двухкратного увеличения их зарплаты и введения 8-часового рабочего дня; раньше они трудились в две смены по 18 часов каждая. Был повышен на 75% средний заработок работников, и также введен 8-часовой рабочий день в типографиях Лобовикова, Сильвинского, Шкляева, где в общей сложности было занято около 80 человек. Как отмечал в апреле 1917 г. старший фабричный инспектор Барышников, требования повышения заработной платы в эти весенние дни выдвинули многие трудовые коллективы Вятской губернии; в большинстве случаев дело завершилось «полюбовным» соглашением сторон [16].

Успех рабочих в отстаивании своих интересов в первую очередь был обеспечен их способностью к самоорганизации, исторически унаследованной от многовековой крестьянской общинной демократии. В городе аналогом общинного и волостного схода стали рабочие собрания, выборные фабрично-заводские комитеты (рабочкомы), а также городские Советы РСД. Наиболее влиятельные комитеты уже весной 1917 г. пытались устанавливать свой контроль над предприятиями. Подобное имело место на кожевенных заводах Долгушинных, на большинстве заводов Северо-Вятского горного округа (далее — СВГО), на шубно-овчинных заводах Мироновых в селе Порошино и Медянской писчебумажной фабрике Первушина в Вятском уезде, на Ижевском оружейном заводе и др. В последнем случае завком, вместе с администрацией, участвовал в решении вопросов снабжения завода сырьем, нормирования и оплаты труда, увольнения рабочих и служащих [17].

Но практически все выступления рабочих той поры (иногда принимавшие форму достаточно острых конфликтов с владельцами и дирекцией предприятий) не были направлены против Временного правительства; с ним пока еще большинство тружеников связывали свои надежды на лучшую жизнь. Призыв правительства и правящих партий продолжать войну, но теперь уже в защиту революционного Отечества (так называемое «революционное оборончество») также находил положительный отклик в рабочей среде. Работники находившихся в деревне Седининской Бобинской волости Вятского уезда заводов Долгушинных даже постановили отработать воскресенье, 16 апреля, как будний день с учетом нужды армии в кожаной обуви, о чем сообщал в Вятку председатель избранного ими рабочкома А. Н. Росляков. Состоявшееся в марте собрание рабочих и служащих станции Вятка-1 постановило: «Продолжать войну до победного конца, признать до созыва Учредительного собрания только власть Временного правительства и просить (Петроградский. — В. Б.) Совет рабочих и солдатских депутатов идти рука об руку с Временным правительством» [18].

Лозунг революционного оборончества был на этом этапе не чужд и многим крестьянам. На проведенном не позднее 21 марта, с участием уездного комиссара С. И. Ильинского и председателя исполкома уездного КОБа П. С. Басова, заседании Вятской уездной земской управы одним из его участников было заявлено: «Вожгальская волость решила дать хлеб новому правительству. Помимо наряда в 1 тысячу пудов хлеба по разверстке, собрано добровольно крестьянами 1 тысяча пудов, при условии, чтобы хлеб был направлен на фронт» (были у крестьян сомнения относительно последнего, да и основания кое-какие для этого имелись, но об этом позже). В таком же духе

выступил на заседании управы и представитель Куменской волости [19].

Однако и первые серьезные дуновения грядущего урагана пришли из деревни, хотя абсолютно точный штормовой прогноз был первоначально озвучен с городской трибуны. 16 марта, выступая на проходившем в Вятке губернском продовольственном съезде, делегат от Сарапула К. М. Дробинин предупредил присутствующих: «Надвигается гроза деревенской междуусобицы. Крестьяне-общинники заявляют, что они будут вести запашку по-старому, то есть не будут считаться с выделами на хутора. И пойдут одни с дубинами, а другие — с топорами. Выделы на хутора у нас, в Сарапульском уезде, совершались с насилием. Поэтому война деревенская будет» [20]. Оратор как в воду глядел.

Если в большинстве городов Вятской губернии ситуация хотя бы в первые послереволюционные месяцы не вызвала больших опасений, то в сельской местности, где проживало до 96 % вятчан, события приняли иной оборот. Деревня довольно быстро стала выходить из-под контроля вышестоящих городских властей, замыкаясь на собственные интересы и проблемы, причем упомянутое выше противостояние общинников и хуторян было лишь одним из компонентов общей, более сложной картины.

У русского крестьянина с давних пор имелись два затаенных, но острых желания, которые он немедленно бросался осуществлять в периоды ослабления центральной власти: Февраль положил начало именно такому периоду. Прежде всего великорусский пахарь мечтал о «черном переделе», то есть о передаче в его пользование всех плодородных земель, принадлежавших помещикам, церкви, монастырям, банкирам, иным крупным, частным землевладельцам. В Вятской губернии эта проблема была актуальной лишь для ее южных уездов, где относительно плодородные почвы сочетались с неплохим климатом и где крестьянина-земледельца теснил помещик-землевладелец.

Второе желание было связано с традиционным, идущим из глубины веков общинным и волостным самоуправлением сельских жителей, которое предусматривало непосредственное участие взрослого мужского населения деревни в рассмотрении всех жизненно важных для крестьян проблем (передел общинных земель, распределение налогов, разрешение спорных и конфликтных ситуаций и т. п.) и в принятии по ним самостоятельных решений на общинных и волостных сходах, а также в выборных из их же среды волостных судах. Эта высокоэффективная народная демократия вполне устраивала крестьян, в силу чего их мало трогали интеллигентские призывы и мечтания паса-дить на русской почве западный парламентаризм. Но сельских жителей чрезвычайно раздражало вмешательство в их дела государственных чиновников —

земских начальников, уездных исправников, полицейских чинов, канцелярии губернатора, и чреватое анархическим распадом страны на «молекулы»-общины желание селян освободиться от любой опеки «сверху» в революционные годы определяло их поведение с той же силой и страстью, что и земельный «голод».

Связующим звеном между крестьянским «миром» и государственным аппаратом выступали волостные старосты. Избираемые волостными сходами, они, вместе с тем, были вынуждены подстраиваться и под вышестоящее начальство, оказываясь между молотом и наковальней. Естественно, что в дореволюционные годы уездная администрация была равнодушна к процедуре выборов старост, в тех или иных случаях стараясь «протолкнуть» на эту должность удобные для себя кандидатуры. Но и крестьянская вольница в изменившейся ситуации вполне закономерно начиналась с обновления корпуса старшин. Особенно ярко явление это первоначально обозначилось в Нолинском уезде.

Во второй половине марта жители Семириковской волости на сходе по собственному почину сместили волостного старшину и, предварительно избив, посадили его под арест. Дело не ограничилось только этой волостью, поскольку 22 марта уездный комиссар телеграфировал в Вятку: «Население недовольно некоторыми волостными старшинами. Были столкновения. Разрешите предложить земским начальникам немедленно созвать волостные сходы для переизбрания выборных лиц волости, где население того требует». Во избежание роста социальной напряженности в ответной телеграмме губернский комиссар дал испрашиваемое позволение. Это был опасный прецедент, тем более что и страсти притушить таким образом не удалось. Несмотря на разъяснения, что они это могут теперь делать вполне спокойно, на законном основании, крестьяне продолжали не просто смещать старшин, других должностных лиц, но и расправляться с ними, подвергая их аресту, как это было, например, 20 апреля в Вавожской волости Малмыжского уезда [21].

Вполне вероятно, что новые либерально-социалистические власти губернии первоначально к подобным крестьянским инициативам отнеслись положительно. Если меньшевики и эсеры, как уже отмечалось ранее, даже демократизацию армии в условиях военного времени находили возможным осуществлять практически, то стихийные перевыборы сельской и волостной администрации вполне могли вписаться в их идеологические установки. Конечно, не исключается, что отдельные старшины злоупотребляли своими полномочиями и с точки зрения нравственных критериев заслуживали смещения. Другие могли вызывать недовольство земляков усердием в деле исполнения указаний «сверху».

Но в политической плоскости были важны не эти различия, а сам принцип: в сознании рядового землепашца власть дрогнула, уступила давлению «снизу» в чрезвычайно важном вопросе. Власть, которая даже в первые дни и недели своего существования не пользовалась абсолютным доверием земледельческого населения региона. Известно, что в Архангельской волости того же Нюлинского уезда половина деревень отказалась присягнуть Временному правительству; аналогичную позицию занял Остроновский волысполком Слободского уезда [22].

Вновь избираемые в различных волостях старшины вполне резонно переориентировались на полное подчинение крестьянскому «миру», все чаще игнорируя приказы и распоряжения вышестоящих инстанций. Именно так еще в марте был запущен механизм выхода вятской деревни из-под контроля властей всех уровней. Рождавшееся на этой почве ощущение вседозволенности создавало благоприятный психологический фон и для противоправных действий. Инициаторами последних нередко выступали солдаты-дезертиры. Во второй половине марта об их вредном влиянии на деревенское население сообщал в своем рапорте комиссар Нюлинского уезда. Так, в селах Васильевском и Ошлани дезертиры призывали граждан не платить подати, отказываться от выполнения хлебной разверстки, громить торговые лавки. В последнем случае толпа, поддавшись на агитацию, забрала, растащила у местного торговца товаров на сумму около 300 рублей [23].

В апреле обозначились еще более грозные проявления анархии: из Вятской губернии в столицу посыпались жалобы на незаконные действия и произвольные аресты, производимые отдельными общинами и волостными комитетами. Очевидно, немалая их часть была связана и с покушениями на земельную собственность, ибо в телеграмме министра внутренних дел губернскому комиссару П. И. Панькову от 17 апреля, в которой упоминались все эти безобразия, содержалась рекомендация создавать при волостных и уездных исполкомах КОБов примирительные комиссии из земледельцев-крестьян и землевладельцев. Вместе с тем князь Львов требовал от губернских властей проводить разъяснительную работу «о недопустимости насилия над личностью, самоуправного решения земельного вопроса» и арестов помимо судебной власти. В необходимых случаях предписывалось пресекать насилия и грабежи «силой закона» [24].

Для губернских властей информация, содержавшаяся в телеграмме министра-председателя правительства, новостью не являлась. Тремя днями ранее председатель исполкома губернского КОБа П. Т. Саламатов в письме уездным исполкомам отмечал как нежелательное и недопустимое явление тот

факт, что «в некоторых местах идут аресты, порой групповые, не уполномоченными на то лицами, к тому же без достаточных оснований». Автор письма призывал к осторожности в этом деле, но фактически признавал допустимость и даже целесообразность арестов в тех случаях, когда они могут спасти кого-то от самосуда разъяренной толпы. Не уповая, подобно Г. Е. Львову, на «силу закона» и сознавая утопичность в сложившейся ситуации требования производить задержания строго по решениям судов, Саламатов наделял этим правом уездные исполкомы, оговорив лишь, что каждый арест должен быть чем-то обоснован [25]. Иными словами, неограниченному произволу «снизу» противопоставлялся в этом варианте произвол несколько упорядоченный и санкционированный «сверху».

В апреле же проявились и симптомы предсказанной сарапульцем К. М. Дробининым крестьянской войны между общинниками и отрубниками-хуторянами. В Петропавловской волости Сарапульского уезда в годы столыпинской аграрной реформы принудительно и с ущемлением прав и интересов большинства жителей соответствующих деревень было выделено около 300 отрубов. После Февраля общинники начали наступление на их владельцев, в том числе осуществляя переделы земли на прежний, дореформенный лад. Для урегулирования возникшего конфликта в волость прибыла из Вятки специальная комиссия в составе: посланца губернского комиссара В. Е. Максимова, члена исполкома губернского КОБа присяжного поверенного М. В. Моралева, депутата Вятского Совета РСД В. А. Григоровского, представителя вятского отделения Крестьянского союза А. Ф. Кочеткова.

После длительных усилий членов комиссии волостной сход, в котором и они принимали участие, постановил: оставить отруба во владении их хозяев до осени текущего года «в надежде, что к этому времени будет созвано Учредительное собрание» [26]. Таким образом, конфликт был не разрешен, а лишь отсрочен, в лучшем случае до начала осени. В эти же весенние месяцы аграрное движение в губернии приобретало все более пестрый характер. Жители поселка Угор Рязановской волости Котельничского уезда захватили церковные земли в окрестностях села Кобры. Так же поступили обитатели села Укан Глазовского уезда. Массовый характер приобрела борьба крестьян за право пользоваться лесными массивами. Самовольные порубки леса наблюдались в Вятском, Слободском, Малмыжском, Уржумском, Елабужском уездах [27].

Характерно, что и в апреле большинство крестьян еще довольно благожелательно относились к центральной власти. Отнюдь не редким явлением было принятие приговоров общинных и волостных сходов, подобных тому, который одобрил 3 апреля сход села Савалей Савальской волости Малмыж-

кого уезда. В нем выражалась горячая признательность Государственной Думе «за освобождение страны от самодержавной власти» и полная поддержка Временному правительству, в том числе и в его решимости «довести войну до победного конца». При этом земледельцы обязались исполнять все распоряжения правительства, «терпеливо ожидать решения Учредительного собрания о наделении крестьян землей» (в чем они, судя по формулировке, ни в малейшей степени не сомневались), засеять всю пашню и даже возвращать в действующую армию дезертиров [28].

Очевидно, крестьянство в массе своей еще просто не осознавало, что начатое им наступление на хуторян и крупных землевладельцев означало вступление деревни в конфликт с правительственной идеологией и политикой. Конфликт, который в его развитии должен был неизбежно вылиться в войну между деревенской Россией и политически господствующим городом. В числе факторов, которые в последующем обусловили развитие событий именно по этому сценарию, не последнее место занимала растущая нагрузка на вятское крестьянство: если по разверстке 1916 г. оно обязывалось поставить государству 50 тысяч голов скота, то в 1917 г. задание увеличилось до 202 тысяч голов крупного рогатого скота и 158 тысяч свиней [29].

Наряду с проблемами, рожденными революцией, обновленные власти региона унаследовали от своих предшественников немало старых, в первую очередь — продовольственную и самогоноварения. В борьбе с последним злом делались попытки разбудить «революционное самосознание масс». Так, комиссар Вятского уезда (бывший крестьянин, а затем и учитель из Уржумского уезда) П. С. Басов и его помощник Н. Зубарев в конце марта опубликовали воззвание, в котором призывали вятчан к бескомпромиссной борьбе с самогоноварением и пьянством. Если и раньше это явление, — говорилось в написанном ими тексте, — «приносило Родине неисчислимый вред, то теперь, когда голодают солдаты, голодают рабочие, тратить хлеб, сахар и прочие продукты на пьянство особенно преступно и недопустимо». Вместе с тем до сведения граждан доводилось, что распоряжением правительства страны от 23 марта продажа алкогольных напитков карается тюремным заключением на срок от 4 месяцев до 1 года, а систематическое изготовление таковых в целях наживы — еще и штрафом в размере от 500 до 2 тысяч рублей [30].

Разгул самогоноварения отрицательно сказывался на хлебном балансе страны, но все же решение проблемы продовольственного снабжения городов и армии правительству виделось в первую очередь на путях последовательного проведения в жизнь государственной монополии хлебной торговли. Его постановлением от 25 марта 1917 г. всем владельцам хлебных излишков (крестьянам, помещикам, торговцам) предписывалось сдавать их местному продовольственному органу по установленной «сверху» твердой цене. У нарушителей данного узаконения полагалось реквизировать хлеб за половину стоимости [31]. Основная тяжесть проведения в жизнь хлебной монополии на местах ложилась на продовольственные управы при уездных, а также (по мере их появления) волостных земствах. Ввиду сопротивления держателей хлеба задача эта была настолько сложна и взрывоопасна, что к практическому введению монополии губернские власти приступили лишь в мае, в частности после публикации в местной прессе 9-го числа соответствующего воззвания вятского городского продкома [32].

Что же касается «большого» для крестьян земельного вопроса, как и принципиально важного для рабочих введения и законодательного оформления 8-часового рабочего дня (взамен установленного законом 1897 г. максимума в 11,5 часов), то их решение правительство князя Львова возложило на Учредительное собрание, созыв которого был обещан в обозримом будущем. Перечисленных выше проблем было вполне достаточно, чтобы создать в вятском регионе напряженную обстановку.

Хотя наиболее бурные события были еще впереди, есть основания полагать, что уже в марте — апреле отдельные руководители различного уровня успели ощутить свое бессилие перед набиравшей силу анархией. В этом — помимо межпартийного соперничества, личных амбиций и чиновничьего интриганства — заключалась одна из главных причин начавшейся тогда и продолжавшейся весь 1917 год кадровой «чехарды», которая, в свою очередь, подхлестывала анархию. В циркулярном письме МВД, разосланном 3 мая в губернские центры, выражалась озабоченность частой сменой комиссаров на местах, особенно в уездах, что, по мнению авторов документа, подрывало авторитет власти [33].

Во многих уездах Вятской губернии за восемь месяцев либерально-социалистического правления успело поменяться по 3–4 комиссара Временного правительства. Губернских комиссаров (не считая краткого пребывания в роли исполнявшего обязанности комиссара Огнева) также было три — П. И. Паньков, П. Т. Саламатов и В. А. Трейтер. Впрочем, и состав правительства революционной России за этот же срок обновился трижды (в апреле — мае, в июле и в августе — сентябре).

Примечания ко 2-й главе

1. Государственный архив Кировской области (далее — ГАКО). Ф. Р-714. Оп. 1. Д. 156. Л. 145.

2. Там же. Лл. 13. 15об. и др.; Ф. 582. Оп. 158. Д. 14. Л. 22.
3. Очерки истории Кировской областной организации КПСС. Киров, 1965. Ч. 1. С. 356–358.
4. Там же. С. 328, 348–349, 353; Большой России малый уголок. Оричевскому району 70 лет. Киров, 1999. С. 40.
5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 158. Д. 14. С. 26.
6. ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 9. Л. 100.
7. ГАКО. Ф. 582. Оп. 158. Д. 14. Л. 26.
8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 5. Лл. 5, 6.
9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 3. Лл. 2, 2об.
10. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 5. Лл. 33, 33об.
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 8. Лл. 4, 4об.
12. ГАКО. Ф. 582. Оп. 158. Д. 14. Лл. 26об., 30.
13. ГАКО. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1. Лл. 1–9, 11, 23.
14. Очерки истории Кировской организации... Ч. 1. С. 372.
15. Установление и упрочение... С. 94, 99.
16. Там же. С. 112; Очерки истории Кировской организации... Ч. 1. С. 370–371; Очерки истории Кировской области. С. 259.
17. Очерки истории Кировской организации... С. 393, 395.
18. Там же. С. 379; Установление и упрочение... С. 103.
19. Вятская речь. 1917. 22 марта. С. 3.
20. Вятская речь. 1917. 18 марта. С. 2–3.
21. Бакулин В. И. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. Киров, 2006. С. 47.
22. Установление и упрочение... С. 111.
23. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 8. Л. 8.
24. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. д. 126. Л. 5.
25. ГАКО. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1. Л. 342.
26. Установление и упрочение... С. 105–107.
27. Очерки истории Кировской организации... С. 406–407.
28. Бакулин В. И. Первое коалиционное Временное правительство и крестьянство Малмыжского уезда Вятской губернии // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1999. С. 98.
29. Очерки истории Кировской организации... С. 285–286.
30. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 126. Л. 56.
31. Соборание узаконений и распоряжений правительства. 1917. № 85. Ст. 487.
32. Вятская речь. 1917. 9 мая (№ 98). С. 3.
33. ГАКО. Ф. 1356. Оп. 11. Д. 1. Л. 707.

Глава 3. Май — июнь: время обещаний и надежд

На фоне нараставших в российском обществе болезненных явлений разразился и первый правительственный кризис. Был он спровоцирован нотой министра иностранных дел П. Н. Милюкова от 18 апреля, в которой содержалось обязательство перед союзниками России по Антанте продолжать войну «до победного конца» и которая вступала в явное противоречие со сделанными в конце марта обещаниями правительства народу «делать решительные шаги к миру». Просочившийся в печать текст ноты вызвал 20–21 апреля массовые демонстрации протеста в столице, что, в свою очередь, выявило слабость социальной базы либерального по составу кабинета министров. Поэтому умеренные социалисты, пересмотрев свою тактику, перешли от пассивной поддержки кадетов к прямому соучастию в управлении страной.

5 мая был сформирован новый правительственный кабинет. Главой его вновь стал князь Г. Е. Львов, но теперь, наряду с 10 либералами, министерские портфели получили 6 социалистов. В этом первом коалиционном (либерально-социалистическом) правительстве министром земледелия стал идеолог партии эсеров В. М. Чернов, министром труда — меньшевик М. И. Скобелев, министром продовольствия — энес А. В. Пешехонов и т. д. Поскольку в это время в народе умеренные социалисты были гораздо более популярны, чем либералы, постольку новый кабинет мог рассчитывать на определенный кредит общественного доверия. Этот козырь вятские умеренные социалисты постарались использовать в полной мере. В мае — июне они провели массовую кампанию в поддержку правительства, выступая на рабочих собраниях, крестьянских сходах, уездных и губернских съездах, на митингах, в периодической печати. Активно использовался прием противопоставления первому «плохому», либеральному кабинету второго «хорошего», коалиционного. Щедро раздавались обещания по поводу ожидаемых результатов «прогрессивной» деятельности последнего из них, предлагались и принимались резолюции в поддержку его.

Так это было, например, на проходившем в конце мая в Малмыже 1-м уездном крестьянском съезде, где его председатель М. И. Поспелов в своем докладе о текущем моменте заявил: «Временным правительством интересы крестьянства (теперь. — В. Б.) учитываются, так как министром земледелия является В. М. Чернов, выразитель интересов крестьянства». В прениях ему вторил другой неонародник Захватаев, уверявший делегатов: «Временное правительство преобразовать в коалиционное было необходимо, так как Гучков и Милюков (ушедшие в отставку министры военный и иностранных дел. —

В. Б.) были яркими представителями капитализма. Но теперь капитализм будет в руках трудящихся масс» [1].

Ориентировались вятские умеренные социалисты (хотя не вполне последовательно) и на решения проходившего в Петрограде в начале мая [2] 1-го Всероссийского крестьянского съезда, где первую скрипку играли эсеры. Делегаты форума одобрили введение правительством государственной монополии хлебной торговли, заявив: «Установление твердых цен и монополия на хлеб были единственным выходом из ужасного и запутанного положения, которое грозило стране всеобщим голодом». Исходя из этого убеждения, они призвали крестьян поддержать монополию и «не поддаваться на агитацию темных сил, которая ведется кулаками, торговцами и эксплуататорами народа» [3]. Основные направления проводимой внутренней и внешней политики были крестьянскими избранниками одобрены [4]. Вотум доверия правительству выразил и проходивший 3–24 июня 1-й Всероссийский съезд Советов РСД [5].

Но и в поведении делегатов обоих съездов, и в утвержденных ими резолюциях постепенно набирала силу тенденция к радикализации того и другого. Крестьянская Россия ожидала от коалиционного правительства решения земельного вопроса, обуздания растущих цен, как и провоцировавших их спекулянтов не в отдаленном будущем, а «здесь и сейчас». На обостряющееся нетерпение масс был вынужден реагировать и состоявшийся в июне в Петрограде съезд правящей партии эсеров, признавший целесообразным «переход всех земель в ведение (крестьянских. — В. Б.) земельных комитетов» до созыва Учредительного собрания [6].

Еще более радикальные решения принимались в регионах, причем начиная уже с марта. Некоторые из них уже упоминались ранее. В последующие месяцы тенденция эта получила дальнейшее развитие, частности, в работе и постановлениях проходившего 6–9 июня в Вятке и ставшего событием в жизни региона 1-го губернского крестьянского съезда. С приветствием к его участникам обратились Вятский Совет РСД (Н. П. Алеев, В. С. Григоровский, В. Ф. Князев), кооператор В. А. Кунахович, лидер местной организации эсеров В. Н. Макушин, члены всероссийского Совета крестьянских депутатов (избранные в этот орган всероссийским крестьянским съездом) А. Н. Мошкин и Н. Н. Торопов, депутат Государственной Думы 4-го созыва С. А. Калинин, от вятской городской группы Крестьянского союза — П. И. Зубарев, от вятского съезда духовенства и мирян — А. Ф. Турутин, Козлов и священник Елабужский, от Союза учащихся г. Вятки — Кунгурцева.

Открывший съезд старый народник Н. А. Чарушин был избран его почетным председателем, но фактически руководил работой форума губернский

комиссар П. Т. Саламатов. В роли вице-председателей и секретарей выступали В. А. Будрин, А. В. Ковалев, М. А. Коржавин, В. С. Кондратьев. В президиуме съезда, вместе с Саламатовым, сидели недавние политические ссыльные и эмигранты П. А. Бельтюков, В. П. Головизин, В. П. Гущин, С. Н. Макушин [7].

Среди десятка вопросов повестки дня остановимся на трех принципиально важных: продовольствие (докладчик Н. И. Евсеев), финансово-экономическая политика (П. Т. Саламатов), аграрный вопрос (содокладчики А. И. Бадьян и П. С. Басков). В резолюции по первому из названных вопросов участники съезда выразили готовность сдать по твердой цене «весь излишек хлеба, определенный местными продовольственными комитетами»*, но обусловили принятие этого решения рядом мероприятий антирыночного, государственного-капиталистического характера.

Во-первых, крестьяне потребовали устранить посредников (спекулянтов-скупщиков), поручить закупки хлеба исключительно государственным учреждениям. Во-вторых, ими было предложено распространить практику нормирования цен на все товары первой необходимости, включая металл, сельскохозяйственные орудия, мануфактуру, изделия из кожи и т. п. В-третьих, делегаты отметили целесообразность принятия государственного закона, регулирующего уровень оплаты наемного (в первую очередь, надо полагать, батрацкого) труда, который проводился бы в жизнь при участии органов местного самоуправления.

Но еще более революционно выглядел следующий пункт резолюции: «В целях поддержания падающей теперь промышленности, государственная власть должна немедленно и решительно вмешаться во всю хозяйственную жизнь страны, планомерно содействуя производству продуктов массового потребления и задерживая выработку предметов роскоши, вплоть до введения трудовой повинности» [8]. Грань между мерами госкапиталистического регулирования экономики и социалистическими принципами ее плановой организации порой весьма условна, и вятские аграрии вряд ли догадывались, что своей резолюцией конкретизировали ленинский тезис о том, что в XX веке нельзя идти вперед, не делая шагов к социализму, а путь к нему проходит через государственный капитализм, через активное вмешательство государства в производственные процессы и распределительные отношения [9].

* Местным продкомам до конца года так и не удалось произвести хотя бы приблизительный учет крестьянского хлеба, что, в свою очередь, не позволяло выявить объемы подлежащих по продовольственной разверстке излишков; главная причина неудачи — яростное сопротивление деревни попыткам произвести этот самый учет.

Не менее радикально выглядела и резолюция губернского крестьянского съезда «По вопросу о финансово-экономической политике», в которой говорилось о необходимости государственного регулирования деятельности банков и контроля над синдикатами. Вышестоящим властям рекомендовалось в целях мобилизации средств организовать принудительный заем, к которому привлечь «все свободные капиталы, как частные, так и церковные, монастырские и др.», а также выстроить более справедливую фискальную систему. Для этого отменить косвенные налоги на предметы первой необходимости, лежащие тяжелым бременем на наименее обеспеченных слоях населения, а взамен «в высшей степени» увеличить обложение предметов роскоши, ввести прогрессивно-имущественный налог, увеличить налоговые ставки на наследство [10].

Что же касалось поземельных отношений, то соответствующее постановление съезда смотрелось как программа аграрного переворота. Им предусматривалась **немедленная** передача всех земель в стране в ведение земельных комитетов, которые должны быть наделены правами определения порядка их обработки, установления арендных цен, ставок оплаты батрацкого труда и т. д. Ввиду нехватки у крестьян инвентаря и крайней изношенности имеющегося, делегаты настаивали на принятии самых решительных мер, вплоть до реквизиции инвентаря, принадлежащего частным лицам, и использования его на общественных и кооперативных началах. Наконец, было сформулировано требование немедленно запретить куплю, продажу, дарение и иные способы отчуждения частнособственнических земель «в целях сохранения неприкосновенности земельного запаса, которым можно располагать для будущей аграрной реформы» [11].

Надежды на скорые благотворные перемены в сознании жителей Вятской губернии, как и других российских губерний и областей, подпитывались всякого рода заявлениями, обещаниями и проектами самого коалиционного правительства и отдельных министров. Так, в датированном 8 июня проекте правительственной декларации признавалась необходимость «планомерного вмешательства государства в экономическую жизнь, регулирование главнейших отраслей народного хозяйства». Правда, авторы документа не забыли упомянуть, что личная инициатива и частная собственность «остаются непоколебимыми», но при этом подчеркнули, что они должны быть поставлены в подчиненное положение к общему интересу.

Там же было обещано, что «прибыль предпринимателей налоговыми мероприятиями будет сокращена до возможного минимума» [12]. Министр труда меньшевик М. И. Скобелев во второй половине июня, обратившись с воззванием к рабочим России и призывая их умерить свои требования по по-

воду повышения заработной платы, уверял, что ныне правительство «подчиняет народное хозяйство регулированию и контролю», а для общего руководства им создан Главный экономический комитет [13]*.

Оптимизмом дышала статья председателя Вятского Совета РСД меньшевика Ипполита Войтова «Финансовые мероприятия Временного правительства», помещенная в номере местной «Крестьянской газеты» за 7 июля. Автор доводил до сведения читателей, что налогооблагаемый минимум поднимается правительством с 850 до 1 тысячи рублей, а сам подоходный налог приобретает теперь прогрессивный характер. Следовательно, с 1 тысячи рублей теперь будет взиматься 12 рублей налога (1,2%), с 10 тысяч рублей — 704 рубля налога (более 7%), а с 400 тысяч рублей — 120 тысяч рублей, то есть почти треть облагаемой суммы. Кроме того, с дохода от 10 тысяч и выше предусматривается удвоение налоговой суммы, то есть обладатель дохода в 400 тысяч рублей должен будет уплатить в виде налога 240 тысяч рублей. Подобная постановка вопроса правительством оценивалась И. И. Войтовым как убедительное свидетельство торжествующей социальной справедливости [14].

С этим можно было бы согласиться, если бы не одно существенное «но». Как отмечалось выше, о необходимости введения прогрессивного подоходного налога говорилось и в докладе губернского комиссара П. Т. Саламатова на губернском крестьянском съезде, и в принятой по докладу резолюции. Но весь радикализм подобного рода рассуждений начисто перечеркивался ее заключительной фразой: «Проведение вышеозначенного в жизнь будет зависеть от Учредительного собрания» [15].

Тем не менее, проводя разъяснительную работу среди местного населения, вятские умеренные социалисты говорили о подобных вещах, как об уже состоявшихся фактах. Так они и воспринимались теми рабочими и крестьянами, которые на своих собраниях и сходах голосовали в поддержку политики коалиционного кабинета. В мае — июне случалось такое довольно часто. 18 июня в Котельниче до полутысячи участников городского митинга выразили полное доверие коалиционному правительству князя Львова. 29 июня митинг 300—400 рабочих кожевенных заводов, проходивший в Вятке, завершился полной победой ораторов от меньшевиков и эсеров над инициаторами этого мероприятия большевиками [16].

В одном лишь Малмыжском уезде за короткий срок — с 5 мая по 2 июня — деятельность коалиционного кабинета была одобрена в 32 приговорах общин-

* Комитет действительно был создан, но каких-либо практических результатов его деятельности так никто и не дождался.

ных и волостных сходов. Правда, возникают сомнения в том, что в приговорах этих точно воспроизводилась позиция местного крестьянства. Судя по тексту, писались они хорошо образованными интеллигентами, «под копирку» (совпадение текстов дословное), в полном соответствии с идеологическими установками партии эсеров. К тому же 14 из 24 приговоров, принятых в Кильмезской волости того же уезда, выполнены одним и тем же каллиграфическим, удивительно красивым почерком [17].

Разумеется, эсеры пользовались немалой популярностью в среде вятского крестьянства, но, принимая написанные партийными интеллигентами резолюции, вряд ли улавливали земледельцы все заложенные в них тонкости. В архивном деле с указанными текстами соседствует пара приговоров, определенно составленных самими крестьянами. Корявый почерк, масса грамматических ошибок, стиль изложения не оставляют на сей счет никаких сомнений. В этих документах, обращенных к местным властям, затронута единственная, похоже, глубоко волновавшая селян тема. Они покорнейше просили «начальство» разрешить им драть лыко в лесах, не принадлежавших общинам [18]. Уж больно велика разница между изложенными хорошим научным языком вопросами госкапитализма в одних приговорах и проблемой лыка — в других.

Вхождение в мае умеренных социалистов в правительство, их риторика и высокая пропагандистская активность убедили многих, в том числе и в Вятской губернии, в необходимости ждать созыва Учредительного собрания, призванного решить основные проблемы русской жизни. Однако обновление кабинета и щедро раздаваемые обещания вместе с тем множили надежды на то, что хотя бы некоторые из этих проблем будут решены еще до его созыва. В этих условиях как обманутые надежды, так и затягивание с выборами и созывом Учредительного собрания были чреваты неизбежным социальным взрывом, тем более что и на этом этапе далеко не все соглашались ждать. Создание правительственной коалиции несколько притормозило процесс развития анархии. Замедлило его, но отнюдь не остановило. Ситуация продолжала обостряться.

Примечания к 3-й главе

1. ГАКО. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 1. Лл. 3, 4.
2. См.: Суханов Н. Н. Записки о революции М., 1991. Т. 2. С. 166.
3. Цит. по: Крестьянская газета. 1917. 21 июля (№ 53). С. 20.
4. Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Большевицкая революция. 1917—1923. М., 1990. Т. 1. С. 89.
5. Там же. С. 90.

6. Крестьянская газета. 1917. 20 июня (№ 44). С. 7.
7. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 118. Л. 2.
8. Там же. Л. 6.
9. См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 192; Т. 35. С. 101, 169—170; Т. 36. С. 300—303 и др.
10. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 118. Л. 8.
11. Там же. Лл. 9, 9об.
12. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. Ч. 1. С. 226—227.
13. Крестьянская газета. 1917. 30 июня (№ 47). С. 3.
14. Крестьянская газета. 1917. 7 июля (№ 48—49). С. 5.
15. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 118. Л. 8; Крестьянская газета. 1917. 27 июня (№ 46). С. 20.
16. Крестьянская газета. 1917. 30 июня (№ 47). С. 15; 7 июля (№ 48—49). С. 16—17.
17. ГАКО. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 2. Лл. 7, 13, 15 и др.
18. Там же. Лл. 88, 90.

Глава 4. Углубление анархо-демократического процесса в апреле — июне

Весной — летом 1917 г. продолжался начатый Февралем процесс партийного строительства, постепенно распространяясь и на сельскую местность. 8 апреля в «Вятской речи» было опубликовано заявление организационного комитета вятской организации РСДРП с предложением желающим вступать в ряды социал-демократии. Запись производилась на квартире Г. Я. Франчески, по адресу: улица Луковицкая, дом № 44. В роли председателя оргкомитета фигурировал В. Н. Бердников, членами значились Н. П. Алеев, М. С. Журавлев, А. П. Кучкин, С. Я. Столбов, а также Максимов, Манкевич, Смоличанский, Степанов. Среди них явно преобладали люди с меньшевистскими взглядами. К тому же единственного в этом органе большевика Кучкина от греха подальше командировали неделю спустя в Котельнич налаживать связи с общественными организациями города и уезда, на какое-то время нейтрализовав его быющую ключом политической энергию [1].

О каком-либо ощущением влияния большевизма на развитие событий в Вятской губернии весной 1917 г. говорить практически не приходится. В это время лишь отдельные личности изредка объявлялись в качестве представителей этого течения. Чуть ли не единственным большевиком в первом составе Вятского Совета РСД был Павлов [2], затем неизвестно куда исчезнувший.

Во всяком случае среди активных вятских ленинцев в последующие месяцы эта фамилия в источниках не упоминается. Еще более экзотическим явлением смотрелся тогда большевизм в сельской местности. Сообщения о нем с мест были крайне редкими и порой обрастали всякого рода домыслами.

Так, председатель Кикнурского КОБа Черных сообщал в столицу: «29 мая здешним комитетом был задержан в пределах волости матрос-агитатор Григорий Целищев, принадлежащий к партии Ленина... он вел агитацию: не верить Временному правительству, долой войну сейчас же и долой хлебную монополию. С появлением его среди населения стали появляться признаки анархии» [3]. Большевики действительно критиковали правительство, требовали прекращения войны, но сторонниками неограниченных рыночных отношений («долой монополию») они никогда не были. Поэтому утверждение о принадлежности матроса Целищева к партии Ленина весьма сомнительно. Его агитация (как ее передает Черных) ближе к платформе анархистов, весьма популярных в 1917 году на Балтийском и особенно Черноморском флотах.

Большевики были в явном меньшинстве и в образовавшейся в апреле — мае объединенной вятской организации РСДРП. Именно их слабость позволяет в относительно «чистом» виде рассмотреть сущность того конфликта между демократическими властями региона и преимущественно крестьянским населением губернии, который начал разворачиваться весной, набрал силу летом и достиг своего апогея осенью 1917 г.

В конце мая организация вятских социал-демократов раскололась на почве различного отношения к войне и к правительственной политике в целом. Последнее совместное собрание длилось два дня. Дискуссия велась в духе российских политических традиций: оратору от большевистской фракции М. М. Попову меньшевики не дали даже закончить доклад [4]. Взаимопонимание стало в принципе невозможным. Отколовшаяся большевистская группа сформировала свой оргкомитет и 7 июня через местную газету объявила призыв желающих пополнить ее ряды. Изначально состав группы был пестрым. В нее входили солдат А. П. Кучкин, журналист Карпов, землемеры М. М. Попов и А. С. Трубинский, студенты В. В. Зубарева и В. А. Грязев [5].

Личность последнего из них заслуживает особого внимания. Будучи студентом медицинского факультета Харьковского университета, Виктор Грязев к этому времени уже успел побывать под судом за политическую деятельность. В Вятку он приезжал на каникулы в 1916-м, а затем и в мае 1917 года. По утверждению его сестры, именно он организовал первую большевистскую ячейку в городе, стал ее секретарем, собирал членские взносы, выписывал из Петрограда и распространял в Вятке партийную прессу. В доме его родите-

лей, расположенном против женского монастыря на улице Казанской (ныне улица Большевиков), велась запись в большевистскую группу, а 16 июня состоялось и первое организационное собрание. Кроме названных выше лиц, в нее тогда еще входили Белобородова (старшая), Гребнева, Волынец, Пивницкий [6].

Заметной фигурой в организации была и Вера Зубарева. Не случайно рабочие, летом контактировавшие с группой, называли ее студенческой или «группой учащейся молодежи». По рассказам ее матери, Вера обладала обостренным чувством справедливости, что и привело ее в революционное движение. Дочь бухгалтера губернской земской управы и фельдшерицы губернской больницы, она с серебряной медалью окончила вятскую гимназию. Затем училась в столице на медицинских бесстужевских курсах. Подобно В. Грязеву, домой приезжала на каникулы. В Петрограде вступила в партию большевиков, причем входила в ту партийную ячейку, секретарем которой была дочь Льва Троцкого Зинаида Бронштейн. Вела пропаганду среди рабочих Путиловского завода, а в дни Февраля — в Волынском полку, с которого и начался переход 300-тысячного столичного гарнизона на сторону восставшего народа. Заседания вятской организации РСДРП(б) летом 1917 г. в большинстве случаев проходили на квартире ее матери, но в августе были вновь перенесены в дом Грязевых. Дело в том, что за домом Зубаревых была установлена слежка, а во дворе стали появляться анонимные письма с угрозой устроить поджог [7].

Помимо «студенческой группы», в апреле — мае в Вятке стали зарождаться небольшие группы большевистски настроенных рабочих. В апреле сюда вернулся и устроился на работу в железнодорожные мастерские демобилизованный из армии большевик с времен первой русской революции П. Г. Фалалеев. Среди рабочих ему были близки по взглядам В. И. Лалетин, А. Гамаюнов, М. Шихов. Однако, как писал он позднее в своих воспоминаниях, «хотя мы знали один другого как большевики, но никакой организационной работы не вели, выступая только на общих собраниях с критикой против меньшевистского железнодорожного комитета» [8].

С конца июня между разрозненными группами и отдельными лицами начали устанавливаться связи. Члены большевистской ячейки, возникшей в депо Северных железных дорог, при станции Вятка-1 (А. Безденежных, Ф. Бнатов, А. Гамаюнов, Г. Кошкин, С. Мясников, М. Шихов), стали выступать в роли посредников между «студенческой группой» и рабочими-железнодорожниками, снабжая желающих литературой и свежей политической информацией. С теми и другими взаимодействовали прапорщик 106-го полка С. П. Барышников и бывший учащийся реального училища П. П. Капустин [9].

Вслед за этим зародились небольшие большевистские группы в железнодорожных мастерских станции Вятка-2 (П. Фалалеев, В. и И. Лалетины, И. Горбушин, П. Девятериков, Д. Зобнин, Г. Перов, Н. Першаков, Г. Потапов, И. Скопин), среди рабочих Берегового района, связанных главным образом с текстильной фабрикой Т. Ф. Булычева (Гайдукевич, М. Касаткин, Коровин, Лагунов), в 106-м полку (С. Сапожников, Ситников, Сорокожердиев и др.) [10]. Но и в это время численность групп, их влияние даже на ближайшее окружение, тем более на общую обстановку в городе Вятке и в губернии в целом, были столь малы, что полгода спустя, выступая на 1-й губернской конференции РСДРП(б), П. П. Капустин счел возможным заявить: вятская партийная организация фактически начала свое существование с 5 августа [11], то есть на месяц-полтора позднее описываемых событий.

Гораздо более мощной и влиятельной выглядела организация вятских меньшевиков. Им удалось захватить господствующие позиции в Вятском Совете РСД, в профсоюзных организациях большинства промышленных предприятий и железной дороги. В одну из ключевых меньшевистских групп при железнодорожных мастерских весной — летом 1917 г. входили Белых, Быков, Горюнов, Ермолин, И. П. Колеватов, Плехов, Попов, Н. Н. Поталицын, Рыжаков, Салтыков и др. Дополнительный вес организации придавало то обстоятельство, что ее член В. И. Калашников, вернувшийся в 1917 г. с Урала (из Алапаевска), в 1905 г. был председателем Вятского Совета рабочих депутатов и потому пользовался большой популярностью в трудовых коллективах.

По утверждению несколько склонного к преувеличениям большевика П. Г. Фалалеева, за меньшевиками тогда шло до 90% рабочих-железнодорожников, в первую очередь квалифицированных, с заработком выше среднего [12]. Меньшевики-рабочие в их борьбе за политическое влияние получали солидную помощь от партийной интеллигенции города, умевшей зажигательными речами на собраниях и митингах увлечь за собой слушателей. Наиболее популярными ораторами меньшевистского толка считались в ту пору депутат Вятского Совета РСД журналист Н. А. Кролюницкий, гласный городской Думы Рыжаков, присяжный поверенный Н. П. Алеев [13].

Эсеры, энесы также имели своих приверженцев в среде интеллигенции, в рабочих коллективах. Но все же центр тяжести их политической активности приходился на уезды и волости, на сельскую местность, а также на учреждения и организации, прямо или косвенно связанные с крестьянством, с аграрным сектором экономики, с продовольственным делом. Выразительна в этом смысле личность эсера П. Т. Саламатова. Уже в марте 1917 г. он выступал в роли председателя губернского продовольственного съезда, руководителя ис-

полкома губернского КОБа, не позднее начала июня сменил П. И. Панькова на посту губернского комиссара Временного правительства, тогда же возглавлял президиум 1-го губернского крестьянского съезда и т. д. [14]. Среди лидеров трехтысячной к середине 1917 г. губернской организации эсеров фигурировали также В. П. Гушин, Н. И. Евсеев, В. Н. Макушин, П. Н. Чирков и др. [15].

23 марта в Вятке состоялось первое собрание губернского организационного комитета местного отделения всероссийского Крестьянского союза. Его председателем был избран редактор «Вятской речи» энес Н. А. Чарушин, его заместителем — все тот же вездесущий эсер П. Т. Саламатов. В состав комитета вошли также комиссар Вятского уезда энес П. С. Басов, А. И. Бадьин, А. В. Ковалев, А. И. Пиков, в роли казначея — В. С. Созинов, секретаря — А. Г. Соболев [16]. Игравший значительную роль в революции 1905—1907 гг., затем разгромленный властями и теперь восстанавливаемый Крестьянский союз в последующие месяцы 1917 г. стал самой популярной в среде вятского крестьянства и, очевидно, самой многочисленной общественной организацией. Как отмечалось в номере «Крестьянской газеты» за 4 августа, в одном лишь Орловском уезде в середине июля насчитывалось более 11,5 тысяч его членов.

В городах региона весной и в начале лета продолжался процесс строительства не столь крупных, но зато многочисленных объединений различных типов. В Вятке в конце марта образовался профсоюз служащих государственных и общественных учреждений, в начале апреля — союзы печатников и педагогов [17]. 26 апреля начал работу учредительный комитет вятского Союза молодежи. На его первом заседании были избраны: председателем — С. О. Сах, секретарем — Н. П. Кассин [18]. В первой половине мая в магазине «Гигиена» на углу Николаевской (ныне Ленина) и Московской улиц, а также в часовом магазине Каценеленбогена на Николаевской производилась запись в местную сионистскую организацию [19]. Одним словом, политическая жизнь бурлила. Но при всей пестроте картины определяющую роль в ней играл блок правящих партий меньшевиков, эсеров, энесов и менее заметных на поверхности кадетов, что несколько стабилизировало обстановку, особенно в губернском центре.

Этому же способствовала и та поддержка, какую всемерно оказывала этому блоку вятская епархия. 1 июня в Вятке начал работу епархиальный пастырско-мирянский съезд. Его участники еще раз одобрили деятельность тех, кто сверг самодержавие, адресовали доблестной русской армии «великий поклон и пожелание Божьей помощи к полной победе», объявили решительную борьбу «со всеми анархическими и дезорганизаторскими попытками, от-

куда бы они не исходили». Пафосно прозвучало обращение съезда к военному министру, лидеру российских масонов: «Усматривая в министре А. Ф. Керенском исполненного мудрости и самоотвержения борца за свободу, равенство, братство, право и порядок, съезд шлет ему свое приветствие и пожелание сил для свершения его подвига на благо России» [20].

Относительное единство обновленной губернской элиты, включая сюда и церковное руководство, позволяло ей удерживать в сфере своего влияния значительную часть как городского, так и сельского населения. Ширились ряды контролируемого неонародниками Крестьянского союза. Записывались в него сотнями. Так поступили все 400 участников проходившего в середине мая в селе Богородском крестьянского съезда Котельничского уезда. 23 апреля аналогичное решение принял сход Пальничной волости Вятского уезда, неделей раньше — жители села Макарье того же уезда и т. д. [21].

Еще и в первой половине лета приговоры общинных и волостных сходов, в которых одобрялась политика коалиционного кабинета, принимались нередко. В начале июня Терсбиловский волостной сход в Уржумском уезде единодушно одобрил введение государственной хлебной монополии [22]. Так же поступили в середине месяца делегаты 2-го яранского уездного съезда представителей волостных организаций Крестьянского союза [23]. Крестьянский съезд Котельничского уезда постановил: солдат, бежавших из армии, «считать врагами народа» [24]. Следует заметить, что терминология эта тогда входила в моду. Так, некто П. Дневичкий в статье, опубликованной в начале июня в «Крестьянской газете», записал во «врагов народа» В. И. Ленина и его единомышленников [25].

Но наряду с подобными, радовавшими вятских управленцев событиями набирали силу и явления противоположного характера. Ширилось аграрное движение. В мае крестьяне Зыковской волости Яранского уезда начали захват имения помещика Н. А. Шевелева. Совершались нападения на владельцев мельниц, по мнению хлеборобов безбожно завышавших плату за помол зерна. Продолжалась самовольная рубка леса, а стычки крестьян с лесной стражей заканчивались, как правило, не в пользу последней [26].

Встречала сопротивление и вводимая в губернии государственная монополия хлебной торговли. 8 июня в Сарапуле вспыхнули волнения граждан, недовольных решением местной продовольственной управы закрыть базар, где ранее осуществлялась свободная продажа хлеба [27]. 25 июня на волостном сходе в селе Косолапово Уржумского уезда протестовавшие против введения хлебной монополии крестьяне избили представителя волостной продовольственной управы и регистраторов сельскохозяйственной переписи. Подверг-

лись оскорблениям и чудом избежали побоев присутствовавшие на сходе посланцы городского Совета РСД Кочетков и Рыськов [28].

Сельских жителей в первую очередь возмущала разница между фиксированными ценами на хлеб и быстро растущими ценами на промышленные изделия. Делегаты проходившего 22–23 июня в Сарапуле уездного съезда волостных продовольственных управ даже обратились к рабочим не добиваться повышения заработной платы, дабы тем самым не удорожать производимые ими товары. Просьба была довольно наивной, особенно с учетом того обстоятельства, что от общего роста цен рабочие страдали не меньше сельских тружеников. Правда, «для равновесия» участники сарапульского съезда предложили правительству страны и прибыли промышленников «ограничить до минимума» [29].

Социальная напряженность росла не только в сельской местности. Большое впечатление на жителей губернии произвело освещенное в прессе празднование в Уржуме дня международной солидарности трудящихся 1 мая. На организованное как «праздник свободы» местным КОБом торжество собралось до пяти тысяч горожан и жителей окрестных деревень. Начиналось все торжественно и чинно. Духовенство организовало крестный ход по главной улице с хоругвями и хором певчих, а затем и молебен на центральной площади Уржума, с провозглашением вечной памяти борцам, павшим за свободу.

Священников сменили светские ораторы, славившие свободу и демократию; исполнялись революционные песни, оркестр играл гимн французской революции и республики — марсельезу. Неожиданно на балконе здания уездной управы, куда сместился центр празднования, появился солдат, потребовавший ареста председателя управы Баранова. Его поддержали другие выступавшие, расширив список лиц, подлежащих, по их мнению, задержанию. В нем оказались бывшие чины царской администрации города и уезда, а также уездный комиссар и председатель продовольственной управы, местный помещик А. С. Депрейс, владелец мельницы купец Гордеев, хозяин кожевенного завода Бабушкин и другие, в общей сложности 13 человек.

Под напором возбужденной толпы задержание состоялось, арестованных торжественно препроводили в местную тюрьму, а ночью, когда толпа рассосалась, распоряжением уржумского КОБа почти всех (на составившего единственное исключение Баранова завели уголовное дело) выпустили на волю. Впрочем, в тюрьме они чувствовали себя в большей безопасности, чем вне ее стен [30]. Описывая это событие, журналист «Вятской речи» высказал сожаление, что в нем виноваты не только «серые шинели», но и интриги части местной интеллигенции — те, кто был недоволен избранием в середине апре-

ля уржумским земским собранием на руководящие должности господ Баранова и Депрейса.

В числе причин социального взрыва явно присутствовала и продовольственная компонента, ибо толпа порывалась провести обыски у всех торговцев города в поисках хлеба. В этом с уржумцами был солидарен и Сernурский волостной исполком, который в принятой им резолюции призвал вятчан к борьбе «с дармоедами, паразитами народа, капиталистами и помещиками». В Сарапуле в ходе упомянутых ранее событий 8 июня толпой был арестован городской голова Смягин [31].

Острейшей проблемой для властей губернии и ряда ее городов, включая Вятку, с весны 1917 г. становится состояние тыловых гарнизонов. Уже апрель выявил довольно сложную картину солдатских настроений. С фронта еще продолжали поступать письма военно-патриотического содержания. Одно из них — солдата Ильи Иванова, воевавшего на Кавказском фронте, — было опубликовано в местной газете. В послании говорилось: «Привет свободным гражданам-вятчанам от защищающих грудью родную страну. Пусть граждане сделают все, что нужно для армии и тыла. Может быть, большинство из нас явятся калеками. Но будьте уверены, что мы будем стоять до конца и защищать все то, что сделано в тылу переворотом» [32]. Однако перспектива вернуться калеками или не вернуться вовсе устраивала далеко не всех военнотружеников, судя по усиливавшемуся дезертирству и активному участию солдат в тех или иных протестных акциях в Вятской губернии. Первомайский инцидент в Уржуме — лишь один из примеров тому.

Разложение тыловых гарнизонов проявлялось не только в усилении пацифистских настроений, которые, в числе прочего, подогревались и воинственными заявлениями отдельных высокопоставленных чиновников. (В начале мая многие газеты обнародовали высказывание военного министра А. Ф. Керенского на встрече с журналистами: «Могу только подтвердить, что первойшей моей задачей будет ведение войны, и надеюсь, что мне это удастся») [33]. Наряду с нежеланием воевать в воинских частях продолжала падать дисциплина, снижалась планка нравственных ограничений.

15 апреля солдатский комитет 106-го полка опубликовал воззвание, в котором, в частности, говорилось: «В настоящее время замечается печальное явление: продаются казенные вещи: сапоги, шинели, шаровары и т. п. Продает эти вещи солдат, а покупает обыватель, как городской, так и сельский». Комитетчики апеллировали к совести военных и гражданских лиц, но напоминали и об уголовной ответственности за подобные деяния [34].

Хотя нарушенное в первые месяцы после февральского переворота по-

полнение фронтовых частей за счет тыловых гарнизонов постепенно возобновилось, однако масштаб мобилизаций был явно недостаточным, в то время как дезертирство развивалось опережающими темпами. В связи с этим в середине апреля со страниц чарушинского издания губернский комиссар (тогда еще П. Паньков) и член исполкома губернского КОБа прапорщик Молчанов взывали: «Солдаты! Возвращайтесь как можно скорее в части войск, вами самовольно оставленные... Воины! Не клеймите себя позором измены перед народом». Вместе с тем авторы документа призывали должностных лиц и просто граждан задерживать дезертиров и доставлять их к уездным воинским начальникам [35]. Увы, в этой ситуации симпатии населения, которому к тому же предписывалось сдавать незаконно хранимое оружие, далеко не всегда оказывались на стороне администрации.

В поисках резервов для пополнения воинского контингента Временное правительство обратилось и к экстравагантным решениям, пойдя на такой шаг, как отправка на фронт женских батальонов. В Вятке формирование такового началось весной, а в конце июня местная пресса сообщила, что в «женский батальон смерти» записалось 73 добровольца [36]. 20 июля на железнодорожном вокзале Вятки местная общественность прощалась с ними. Было много цветов. Играл оркестр. Развевалось знамя части с надписью: «Родина зовет женщин в окопы». При огромном стечении вятчан священник Павел отслужил молебен, и поезд унес на запад, навстречу ратным подвигам 60 представительниц прекрасного пола [37]. Через 6 дней через станцию Вятка-1 в трех вагонах-теплушках в том же направлении проследовал пермский женский батальон [38]. В самой же Вятке возобновилась запись в очередную женскую маршевую роту [39].

Сохранилось свидетельство об участии вятчанок в боевых действиях. В статье под названием «Женские батальоны смерти на фронте» корреспондент «Крестьянской газеты» информировал читателей: «Командир полка доносит с фронта, что женская команда вела себя на передовых постах наравне с солдатами, при атаках немцев бросалась в контратаку, ходила в секреты и на разведку, подавая примеры храбрости, мужества и спокойствия, поднимая дух солдат». Автор письма благоразумно умолчал, сколько женщин полегло в этих боях, но, очевидно усомнившись, добавил, что в армию привлекать их желательно в небольших количествах, так как «серьезной боевой работы по своей физической слабости они переносить все же не могут» [40].

Трудно судить, насколько благотворно сказалось появление женских батальонов на общем состоянии русской армии, но привлечение в ее ряды «осколков» прежних силовых структур и бывших уголовников однозначно стиму-

лировало процесс ее разложения. В соответствии с распоряжением министерства внутренних дел управление вятского уездного воинского начальника уже в марте приступило к формированию воинской команды из бывших жандармов. Оружейник 106-го полка А. Ф. Коновалов позднее вспоминал, что 3 мая из Вятки на фронт для пополнения разбитого Свияжского полка были отправлены три маршевых роты — каторжан, дезертиров, а также бывших жандармов и полицейских, и «после был слух с фронта в полк, что по прибытии на фронт жандармы и полицейские солдатами-фронтовиками были встречены недружелюбно и были избиты, часто насмерть» [41].

Результаты подобной кадровой политики особенно ярко проявились в ходе провального летнего наступления русской армии на Восточном фронте Первой мировой войны. В июльские дни центральная и местная пресса пестрела сообщениями типа следующего: «В Бессарабии пьяные солдаты у Оргева забрали у проезжающих лошадей и вещи. На Рыбницком сахарном заводе изнасиловано десять девушек. Одна умерла. Много женщин изнасиловано также в Сиркове... В Трофештах изнасилована и зарезана женщина. В самом Оргееве разгромлен ряд винных погребов и магазинов. Убытки — около 100 тысяч рублей». Пытавшихся оказать сопротивление мужчин-молдаван жестоко избивали, несколько человек от побоев скончались. Среди бесчинствовавших солдат было много возвращенных в армию дезертиров, амнистированных уголовников, а также бывших жандармов и полицейских [42]. Возможно, и вятский «контингент», посланный на фронт в начале мая, отличился в подобных же, нередких в ту пору событиях. Не в Бессарабии, так на другом участке фронта или прифронтовой полосы.

Сам же вятский тыловой гарнизон с начала лета стал более благосклонно прислушиваться к антивоенной пропаганде большевиков. 12 июня на митинге в загородном саду, в котором по оценке организаторов участвовало 600—800 солдат 106-го запасного пехотного полка, впервые была принята предложенная А. П. Кучкиным большевистская резолюция. В ней содержалось приветствие проходившему в это время в столице 1-му всероссийскому съезду Советов РСД и выражалась надежда, что «Советы возьмут всю власть в свои руки и выведут страну и революцию из той гибели и кровавой человеческой бойни, к которой ведут приверженцы старого режима и капиталистов» [43]. Съезд Советов, как известно, этих надежд не оправдал, но сама идея перехода власти в руки Советов, сформулированная в «Апрельских тезисах» В. И. Ленина, стала постепенно приживаться и на Вятской земле.

Примечания к 4-й главе

1. Установление и упрочение... С. 108.
2. Кучкин А. П. В те дни. Киров, 1958. С. 43.
3. Установление и упрочение... С. 137.
4. Новоселов А. Н. Вятская организация ВКП(б) в 1917—1918 гг. // Октябрь и Гражданская война в Вятской губернии. Вятка, 1927. С. 68.
5. Установление и упрочение... С. 137.
6. Там же. С. 145; ГАСПИКО. Ф. 45, Оп. 1. Д. 35. Лл. 20об., 21.; Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 68.
7. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 35. Лл. 22, 22об.
8. ГАСПИКО. Ф. 45. Д. 36. Л. 156.
9. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Л. 54; Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 43.
10. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 73—74.
11. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
12. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 36. Лл. 153, 174; Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 70.
13. Вятская речь. 1917. 28 марта (№ 69). С. 3; Тимкин Ю. Н. От революции по телеграфу к революции на штыках // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1995. Т. 4. С. 341.
14. Вятская речь. 1917. 17 марта (№ 61). С. 2; 22 марта (№ 65). С. 1; 25 марта (№ 68). С. 3; 28 марта (№ 69). С. 2; Крестьянская газета. 1917. 9 июня (№ 41). С. 2.
15. См.: Тимкин Ю. Н. От революции по телеграфу... С. 341.
16. Вятская речь. 1917. 25 марта (№ 68). С. 3.
17. Вятская речь. 1917. 7 апр. (№ 73). С. 3; 8 апр. (№ 74). С. 1.
18. Установление и упрочение... С. 118—119.
19. Вятская речь. 1917. 9 мая (№ 98). С. 1.
20. Крестьянская газета. 1917. 9 июня (№ 41). С. 11.
21. Крестьянская газета. 1917. 19 мая (№ 38). С. 8; Установление и упрочение... С. 113—114.
22. Крестьянская газета. 1917. 9 июня (№ 41). С. 10.
23. Установление и упрочение... С. 146.
24. Крестьянская газета. 1917. 19 мая (№ 38). С. 8.
25. Крестьянская газета. 1917. 9 июня (№ 41). С. 6.
26. См.: Очерки истории Кировской организации... С. 406—409.
27. Крестьянская газета. 1917. 20 июня (№ 44). С. 10.
28. Крестьянская газета. 1917. 7 июня (№ 48—49). С. 16.
29. Там же. С. 13.
30. Установление и упрочение... С. 124—126.
31. Очерки истории Кировской организации... С. 411—412; Тимкин Ю. Н. Смутное время... С. 13.
32. Вятская речь. 1917. 14 апр. (№ 79). С. 3.
33. Вятская речь. 1917. 9 мая (№ 98). С. 2.
34. Вятская речь. 1917. 15 апр. (№ 80). С. 2.

35. Вятская речь. 1917. 14 апр. (№ 79). С. 1.
36. Крестьянская газета. 1917. 30 июня (№ 47). С. 17.
37. Крестьянская газета. 1917. 28 июля (№ 55). С. 14.
38. Крестьянская газета. 1917. 4 авг. (№ 57). С. 15.
39. Там же. С. 14.
40. Крестьянская газета. 1917. 1 авг. (№ 56). С. 16.
41. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 35. Лл. 49, 49об.
42. Крестьянская газета. 1917. 7 июля (№ 48—49). С. 13.
43. Установление и упрочение... С. 145—146.

Глава 5. Поворот к реакции: путь в тупик (июль — август 1917 г.)

К началу июля 1917 г. в политической жизни России сложилась своеобразная ситуация, объективно заданная огромными просторами страны, невысокой плотностью ее населения, неразвитостью информационной инфраструктуры, неграмотностью 70% россиян и, как следствие всего этого — большими различиями в уровне социально-экономического развития различных регионов. Побочным, но политически очень важным результатом действия указанных факторов в условиях калейдоскопа событий революционного времени явились существенные различия в темпах протекания политических процессов, пестрота в их оценках, в настроениях и желаниях людей. Понятно, что урбанизированная Петроградская губерния (70% городского населения, 400 тысяч промышленных рабочих) и крестьянская Вятская губерния, где доля городского населения не превышала 4%, просто не могли совпадать по указанным параметрам в революционном 1917 году. Соответственно не одинаковым было и отношение к различным политическим партиям, в том числе — к радикальным социалистам.

Вышедшая в дни Февральской революции из глубокого подполья 24-тысячная большевистская партия первоначально слабо влияла на ситуацию не только в Вятской губернии, но и в стране в целом и потому не представляла серьезной опасности для нового политического режима. Однако к лету 1917 г. продолжавшаяся мировая война, бездарная и своекорыстная политика Временного правительства привели к росту популярности большевистских лозунгов: «Долой войну!», «Долой 10 министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!» Именно они преобладали в ходе 400-тысячной демонстрации в Петрограде 18 июня. Организованная «верхами» в поддержку политики правительства, манифестация неожиданно для ее инициаторов обернулась плебис-

цитом в пользу В. И. Ленина и его сторонников [1].

В эти дни и недели российское общество быстро «левело», но процесс шел неравномерно. Если жители столицы, других крупных промышленных городов (в первую очередь рабочие и солдаты тыловых гарнизонов) все чаще отдавали симпатии большевикам, то провинция, сельская глубинка и, в незначительной степени, действующая армия оставались еще преимущественно на стороне правящей коалиции — партий кадетов, меньшевиков, эсеров, энесов. Проявилось это и в работе 1-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (3—24 июня), на котором ленинцы располагали лишь десятой частью голосов. Настроения петроградской улицы и большинства делегатов съезда, прибывших из регионов и с фронта, явно не совпадали. Председатель Вятского Совета РСД, меньшевик И. И. Войтов, вернувшись со съезда, докладывал землякам о том, что на нем «провинция и фронт оказались против Петрограда, над которым начали господствовать большевистские лозунги» [2]. Вектор развития политической ситуации был ясен правительственным кругам: завтра вслед за столицей пойдет вся страна, а партия большевиков превратится в непобедимую силу, которой и придется сдать власть. Вывод: остановить большевиков, пока это еще можно сделать. Умелыми действиями спецслужб, в том числе и Франции [3], союзника России по Антанте, было спровоцировано массовое народное выступление в Петрограде 3—4 июля, в ходе которого имели место кровавые столкновения. Большевики, совершенно не заинтересованные (с учетом расклада сил на данный момент) в преждевременном, тем более вооруженном, выступлении, примкнули к демонстрации, стремясь придать ей мирный характер. В письме ряду комитетов партии (в Москву, Харьков, Вятку и др.), датированном 15 июля, секретарь ЦК РСДРП (б) сообщал, что демонстрация «началась 3 июля вопреки призыву ЦК и питерских партийных центров»; когда выяснилось, что массы все равно пойдут, ЦК призывал к мирной демонстрации, а в ночь с 4-го на 5-е предложил прекратить ее [4].

Тем не менее власти обвинили большевистскую партию в попытке вооруженного захвата власти, что никак не подтверждалось самим ходом демонстрации, начали репрессии против ее членов и постарались загнать РСДРП (б) в подполье, что удалось лишь отчасти. Для того, чтобы подорвать социальную базу партии, изолировать ее от сторонников и колеблющихся, вслед за июльскими событиями начинается муссирование версии о «большевиках — германских шпионах», сидящих якобы на мешках с немецким золотом. Определенный, хотя и ограниченный, эффект это мероприятие дало, что испытали на себе и большевики Вятской губернии. К тому же местная пресса — сплошь

антибольшевистская — с удовольствием воспроизводила официальную версию. Например, «Вятская речь» в номере за 25 июля сообщала: «В данных предварительного следствия имеются прямые указания на Ленина, как германского агента, который в Петрограде на немецкие деньги развернул соответствующую деятельность» [5].

С помощью прессы и распускаемых слухов противникам большевиков порой удавалось доводить часть населения до антикоммунистической истерии. Один из руководителей Вятской губернии периода Гражданской войны А. Н. Новоселов вспоминал о том, как летом 1917 г. против большевиков велась оголтелая пропаганда: «Большевику в это время опасно было показаться на улицах города, не рискуя быть растерзанным «воинственно настроенной» обывательской толпой» [6]. Служивший в Вятском гарнизоне солдат-большевик А. П. Кучкин, приехав в июле отпусником в родной Белорецкий завод Оренбургской губернии (30 тысяч населения), был потрясен тем, что даже от здешних рабочих можно было услышать «вопл»: «Повесить, расстрелять большевиков!» [7]. О ругани крестьян в адрес большевиков сообщал в ЦК из села Дебесское Сарапульского уезда Вятской губернии член РСДРП (б) С. И. Малыгин [8].

Но тот же Малыгин отмечал парадоксальность ситуации («все крестьяне — большевики (по духу. — В. Б.) и большевиков ругают» и указывал причину: отсутствие объективной информации. Здесь, — писал он, — с большевистской прессой не знакома даже интеллигенция [9]. «Ведь наши крестьяне вполне солидарны с лозунгами большевиков, — вторил ему в письме от 9 июля из Верхне-Туринского завода Пермской губернии солдат Пантелей Бабенко. — Наши крестьянские массы, которые более всех несут тяжесть войны, которая ведется ради капитала и в потеху кровожадной буржуазии, всегда готовы поддержать большевиков» [10]. Упомянутый выше А. П. Кучкин также указывал на невежество как на причину истеричной озлобленности: «На большевиков смотрят как на самых опасных и страшных врагов. Здесь не знают тактику большевиков, толкуют ее извращенно. Большевиков мешают с анархистами, монархистами, шпионами, ворами, поджигателями и т. д. и т. п.» [11]. Именно поэтому практически все письма с мест в адрес ЦК РСДРП (б) заканчивались просьбой прислать левую литературу: газеты, журналы, брошюры, дающие представление о сути большевизма, его стратегии и тактике.

В то время как местные организации правящих в России весной — осенью 1917 г. партий обладали солидным арсеналом периодических изданий, позволяющих им широко распространять любые измышления о политических

противниках, вятские большевики до конца этого года не имели своей газеты, а следовательно, и возможности на равных вести идейно-политическую борьбу. Главная причина — отсутствие средств. Вот как выглядел бюджет вятской организации РСДРП (б) на 19 августа 1917 года: собрано членских взносов 8 рублей 50 копеек, пожертвований — 23 рубля 9 копеек, взято займы у частных лиц — 100 рублей [12].

И в августе, и в последующие месяцы у вятских большевиков не хватало денег не то что на издание газеты (к тому же доступ в типографии был перекрыт им «демократами» у власти), но даже на оплату литературы, присылаемой из «центра». Так, уже 8 ноября в письменном отчете в ЦК о проделанной работе и о ситуации в регионе секретарь вятского комитета РСДРП (б) П. П. Капустин просил выслать литературы на сумму 500 рублей («на нее существует громадный спрос»), но предупреждал, что оплатить этот заказ организация не может [13]. Мешков с немецким золотом не обнаружилось и у руководства РСДРП (б). В ответном письме секретарь ЦК уже фактически правящей партии (!) писал о том, что безвозмездно выслать литературы на 500 рублей Центральный Комитет тоже не может: «Мы совершенно не располагаем излишними средствами». В Вятку было отправлено литературы на сумму 50 рублей, для получения печатной продукции сверх этой суммы комитету еще предстояло доказать свою платежеспособность [14].

Июльские события были использованы правящими кругами России как повод для ужесточения внутренней политики, для усиления борьбы с нарастающей анархией, а также со своими теперь главными политическими противниками — большевиками. На фронте была восстановлена отмененная после падения монархии смертная казнь. А. Ф. Керенский, оставаясь военным министром, сменил 8 июля на посту председателя правительства слишком мягкого и нерешительного (по крайней мере, так его оценивал П. Н. Милюков) князя Г. Е. Львова. Начались гонения на большевистских лидеров. Некоторые из них — Л. Б. Каменев, А. М. Коллонтай, Ф. Ф. Раскольников и другие — подверглись аресту, В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев ушли в подполье.

Стремясь усилить эффективность «вертикали власти», временно исполнявший обязанности министра внутренних дел И. Г. Церетели потребовал от губернских комиссаров строго исполнять указания правительства, не поддаваясь никаким местным влияниям. Одновременно было опубликовано правительственное постановление от 5 июля, предусматривавшее тюремное заключение сроком до трех лет за публичные призывы к неповиновению властям, к убийству, разбою, грабежам, погромам и другим тяжким преступлениям. Аналогичные действия военнослужащих приравнивались к государственной из-

мене [15]. Курс на ужесточение политики нашел полное понимание у руководителей Вятской губернии, у поддерживавших их общественных и партийных организаций.

Еще только получив известия об июльских событиях в Петрограде, губернский комиссар П. Т. Саламатов дал указание уездным комиссарам и общественным комитетам переходить к самым решительным мерам по отношению к большевикам, разгоняя их организации и арестовывая партийных активистов [16]. Деятельность большевистской партии как «изменнической» осудили солдатские комитеты вятского гарнизона. Исполком Вятского Совета крестьянских депутатов 7 июля постановил: «Обратиться через исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов к правительству с требованием принять, не считаясь ни с какими жертвами, самые решительные меры с целью пресечения всех попыток к вооруженным выступлениям и насильственному посягательству на Временное правительство...» [17] Вятский Совет РСД запретил 11 июля продажу большевистских газет в киосках города. Решение это было продублировано в уездных центрах. Даже для гораздо более правой «Вятской мысли», на основании правительственных узаконений от 11 и 26 июля и распоряжения штаба Казанского военного округа, была введена предварительная цензура [18].

Впрочем, случаи арестов большевиков в Вятке и на территории губернии в эти летние месяцы не зафиксированы. Похоже, что дело ограничилось информационным террором и психологическим давлением, о чем шла речь выше. Видимо, этот террор и явился главной причиной развала еще не вполне оформившейся и насчитывавшей к началу июля 70 членов вятской городской большевистской организации. До конца лета распался и ее координирующий центр — организация учащейся молодежи. Определенную роль здесь сыграло и стечение обстоятельств. Ключевые ее члены — студенты В. А. Грязев и В. В. Зубарева — вернулись в свои учебные заведения, в Харьков и Петроград соответственно [19].

Дальнейшая судьба обоих была трагична. Виктор Грязев вскоре вступил в Красную армию, а осенью 1918 г. оказался в Тамбове, где, продолжая учебу в вузе, одновременно исполнял обязанности члена Ревтрибунала. В июне 1919 г., будучи в командировке в г. Козлове, попал в руки прорвавших фронт белых казаков деникинского генерала К. К. Мамонтова и был ими расстрелян [20]. Вера Зубарева в декабре 1917 г. сестрой милосердия добровольно уехала на Донской фронт со сводным отрядом петроградской Красной гвардии. 29 января 1919 г. в ночном бою у станции Синявской была захвачена в плен казаками, увезена в Ростов-на-Дону и там казнена [21].

Устроить гонения на маловлиятельную организацию вятских большевиков для местных либералов и умеренных социалистов трудности не представляло. Гораздо сложнее было переломить неблагоприятные тенденции социально-экономического характера (продолжающийся спад производства, рост цен и т. п.), добиться выполнения заданий по хлебозаготовкам, остановить набирающую силу анархию. Последнее представлялось особенно трудным в связи с тем, что блок правящих партий, увлеченный демократическими процедурами, в определенном смысле подхлестывал ее и путем организации целой череды выборов в органы местного самоуправления.

Летом — осенью 1917 г. жители Вятской губернии пережили пять избирательных кампаний (последними в ноябре были выборы в Учредительное собрание), которые порой накладывались одна на другую, сопровождаясь серьезными нарушениями, злоупотреблениями, скандалами. Это дополнительно накаляло атмосферу, параллельно развевая демократические иллюзии и снижая активность избирателей. Относительно последнего картина была довольно пестрой. На выборы гласных Вятской городской Думы явилось 37 % зарегистрированных избирателей. В Котельничском уезде 52 % крестьян соответствующего возраста избирали гласных волостных земств. Примерно такой же уровень политической активности продемонстрировали они и при выборах гласных уездного земства. Зато в самом Котельниче в последнем случае явка к урнам составила всего лишь 9,5 %. Средний показатель явки по Вятскому уезду при формировании земств в 22 волостях равнялся 35 %, при разбросе от 60 % по Макарьевской и Рохинской волостям до 11 % в Пасеговской и 7 % в Троицкой. Почти полное равнодушие к выборам гласных уездного земства проявилось у жителей Ижевской волости (17 %) и самого Ижевского завода — 14 %. В целом же для революционного времени, когда политическая активность граждан вырастает в разы, показатель явки вятчан на избирательные участки был не слишком впечатляющим, опускаясь в отдельных случаях (выборы гласных волостных земств) до 2 % [22].

Саму идею создания волостных земств (в дореволюционной России земские органы существовали только в губерниях и уездах) можно оценивать как серьезную ошибку Временного правительства. Призванные заменить традиционное общинное и волостное самоуправление крестьян, земства были отвергнуты значительной их частью. Летняя избирательная кампания давала тому множество примеров, назовем лишь некоторые. В Пургинской волости Сарапульского уезда местный сход в июле отказался создавать избирательную комиссию и потребовал отложить эти выборы до конца войны. В Малмыжском уезде жители деревни Кулларово Сардыкбашской волости воспре-

пятствовали составлению списков избирателей, а заодно — и проведению сельскохозяйственной переписи. Отказалось дать сведения о числе избирателей и население деревни Веселуха Коршикской волости Орловского уезда, заявив, что ему земство ни к чему, поскольку существует волостное правление, которое устраивает больше [23].

В иных случаях сама идея демократизации российского общества на западный манер вступала в противоречие с традиционными национальными и религиозными обычаями и понятиями жителей региона. В связи с этим в некоторых, главным образом татарских, селениях Кошкинской и Янгүловской волостей Малмыжского уезда мужское население отказывалось давать сведения о женщинах, считая недопустимым их участие в политической жизни [24]. Состоявшиеся в августе выборы в волостные земства (там, где они все-таки состоялись) в отдельных случаях принесли удивительный результат, вряд ли возможный в варианте традиционной общинной демократии. Так, в земство Теребиловской волости Уржумского уезда гласным был избран бывший полицейский урядник Н. П. Кононов, который, по утверждению корреспондента «Крестьянской газеты», был в свое время приговорен Казанской судебной палатой к одному году заключения, с лишением прав, за истязания и убийство удмурта [25].

Выборы в Вятскую городскую Думу, проходившие 23 июля, показали (с поправкой на относительно скромный показатель явки избирателей), что позиции либералов и умеренных социалистов в губернском центре остаются прочными, с некоторым перевесом в пользу вторых. После завершения выборов на посту городского головы бывшего статского советника П. Н. Шкляева сменил меньшевик Н. П. Алеев, его заместителем стал кадет А. Е. Иорданский. Членами городской управы были избраны кадет В. И. Казенин, эсеры А. В. Красов, Ю. А. Малис и др. [26]

В уездных центрах кадеты явно не котировались. Там политическими лидерами выступали эсеры, что особенно ярко проявилось в конце лета и осенью. Показательно в этом смысле решение проходившего в первой декаде сентября елабужского уездного крестьянского съезда, который, в числе прочего, обсуждал вопрос о грядущих выборах в Учредительное собрание. Рассмотрев программы различных партий, делегаты подавляющим большинством голосов (230 против 3) постановили голосовать на выборах за партию эсеров как за единственную «отстаивающую интересы крестьянства». За партию кадетов не было подано ни одного голоса. Из 20 гласных, избранных в июле в Орловскую городскую Думу, кадетами были лишь двое [27].

Однако в эти же летние месяцы многие крестьянские общины, а то и целые волости, все чаще выходили из-под влияния любых политических партий и подконтрольных им органов власти, действуя в соответствии с собственным крестьянским разумением. В Вятском уезде 11 деревень самовольно выкосили луга протяженностью около 10 верст, принадлежавшие крупному землевладельцу В. Х. Крутихину. После вмешательства уездного земельного комитета крестьяне согласились в качестве компромисса, оставив себе половину заготовленного сена, вторую передать на нужды армии [28].

Усиливался саботаж продовольственной разверстки и государственной монополии хлебной торговли. В номере за 4 июля «Вятская речь» извещала читателей: «Население Бурановской волости Сарапульского уезда не дало добровольно скота для армии. Меры воздействия не имели успеха. Из Сарапула командирована вооруженная команда» [29]. В начале августа бурные события происходили в Ижевском заводе, где попытка арестовать агитатора, критиковавшего политику правительства, завершилась избиванием начальника участковой милиции Еронтьева и трех его подчиненных возмущенной хлебной монополией толпой. Начальник милиции завода Смирнов просил губернские власти прислать воинскую часть, аргументируя это тем, что милиция сталкивается с угрозой вооруженного сопротивления, а население открыто говорит о необходимости свержения Временного правительства [30]. Недовольство граждан продовольственной правительственной политикой дополнительно усиливалось всякого рода злоупотреблениями в этой области местными предпринимателями, контроль за которыми со стороны властей явно оставлял желать лучшего. В определенном смысле расписываясь в неэффективности собственного управленческого аппарата, губернский комиссар с возмущением писал в газетной статье о том, что в «последнее время из городской хлебопекарни довольно часто продается черный хлеб с запеченными предметами, вроде веревки, комков грязи и т. п.» [31].

Как уже отмечалось, продовольственная проблема возникла отнюдь не летом 1917 г. Поэтому и А. Ф. Керенский свое премьерство начал с того, что уже 15 июля разослал в губернии телеграммы с требованием беспощадно (в том числе с применением оружия) пресекать любые попытки препятствовать уборке хлеба и передаче его продовольственным управам [32]. Оснований для беспокойства по поводу хлебозаготовок у правительства было более чем достаточно. Неделию спустя министр продовольствия А. В. Пешехонов констатировал, что поступление продуктов на фронт в это время, в сравнении с маем — июнем «угрожающе понизилось», что запасы продовольствия иссякли, и потому «армии живут лишь подвозом текущего дня» [33]. Но и местным работ-

никам становилось все труднее преодолевать сопротивление крестьянства. Возможно, на этой почве возникал кадровый «голод». Во всяком случае во второй половине августа слободская уездная продовольственная управа искала желающих занять вакантные должности учетчиков хлеба и причастных к этому же делу инспекторов, обещая очень неплохую по тем временам зарплату: первым — по 5 рублей в сутки, вторым — по 6, а при работе в отдаленных районах — по 6 и 9 рублей соответственно [34].

Нехватка продовольствия в государственных закромах, а порой уже и в городах и на фронтах отчасти была обусловлена спадом сельскохозяйственного производства, у которого, в свою очередь, имелись достаточно веские причины. Главные из них — мобилизация на фронт миллионов мужчин самого трудоспособного возраста, части лошадей (главной тягловой силы деревни), а также предельный износ инвентаря, производство которого в условиях войны сократилось до минимума. На протяжении 1917 г. властями делались попытки смягчить указанные проблемы.

Поскольку основные материальные ресурсы страны использовались для военных нужд, отрасли промышленности, производящие необходимые для деревни изделия, испытывали острый металлический «голод». В целях борьбы с ним правительство объявило 19 июля «железным днем». В опубликованном в газетах обращении лидер эсеров, министр земледелия В. М. Чернов призвал граждан проявить сознательность. «Помните, — писал он, — что дорог каждый фунт, каждый кусок железа, чугуна, стали или меди... Осмотрите же и очистите от старого металла ваши кладовые, саран, отдайте на общую пользу то, что бесполезно лежит у Вас. Все пойдет в плавку или обработку, все получит применение в сельском хозяйстве. Помогите крестьянству — и оно не обойдет Вас своим хлебом в будущем тяжелом году» [35]. Призвала вятчан провести «железный день» и специальная губернская комиссия, подчеркнув, что «у крестьянина нет сельскохозяйственных орудий и машин, нет даже колесных шин, осей, подков. Нечем работать, нечем возить» [36].

Разовая кампания по сбору металлолома, даже если она увенчалась успехом (о чем трудно судить по использованным источникам), в любом случае не могла в должной мере компенсировать потери от углублявшегося экономического кризиса, от носившего системный характер спада производства. За период с марта по июль в Вятской губернии по разным причинам было остановлено не менее десятка предприятий с общим числом работников более тысячи человек. Спадом были затронуты такие отрасли, как производство масла, изделий из кожи, стекла, а также производство сельскохозяйственного инвентаря (серповая фабрика торгового дома Сазанова) [37].

Нехватку рабочих рук в аграрном секторе экономики власти пытались преодолевать за счет привлечения на поля дополнительных работников из города. В первой декаде июля появился приказ военного министра А. Ф. Керенского начальникам тыловых гарнизонов по соглашению с местными гражданскими руководителями формировать воинские команды для уборки урожая [38]. В Вятке приказ министра был рассмотрен на совместном заседании комитетов 106-го полка, 697-й пешей дружины и военной секции городского Совета РСД 7 июля. Было решено отправить часть солдат для работы в собственных хозяйствах, другую часть — в чужих хозяйствах, но все это в пределах Вятской губернии. Вместе с тем военнотруженики предложили властям и общественным организациям мобилизовать на уборку урожая интеллигенцию и учащихся [39].

Еще одним резервом рабочей силы выступали военнопленные, которых в губернии было немало. Хватало и желающих использовать их труд на своем поле или на подворье, в связи с чем 23 июня губернский комиссар опубликовал объявление, в котором разъяснялось, что ходатайства об отправке на работу пленных следует направлять в Петроград, в учрежденную при военном министерстве специальную межведомственную комиссию [40].

Наверно, эти меры несколько смягчали проблему нехватки рабочей силы. Воинские уборочные команды летом 1917 г. действительно время от времени появлялись на хлебных полях региона. Иногда они же играли роль штрейкбрехеров, подменяя отказывавшихся приступать к уборке, «бастовавших» крестьян. Кроме того, воинским командам поручалась защита собственности частных владельцев от покушений общинников, пресечение крестьянских выступлений, помощь уполномоченным на то лицам в проведении переписи хлебных запасов, в реквизиции продовольственных «излишков». Отправка карательных отрядов в сельскую местность была одним из конкретных проявлений той политики «закручивания гаек», к которой повернула либерально-социалистическая коалиция после июльских событий в Петрограде. Появлялись они преимущественно в южных, земледельческих уездах региона.

Так, в середине августа в Малмыжском уезде отряд в составе 35 солдат, возглавляемый офицером и сопровождаемый местным милицейским чином и членом уездного исполкома мусульманином Маннафовым, совершил рейд по Сардыкбажской, Кошкинской и Янгүловской волостям с преимущественно татарским населением. Ему было поручено вылавливать дезертиров, пресекать самогонное вино и помогать продовольственным управам производить учет хлеба. Рейд проходил относительно гладко, было арестовано 38 дезертиров. Однако в деревне Сардыкбаж население встретило солдат градом кам-

ней. Неповиновение удалось подавить лишь после ареста 12 зачинщиков, которых тут же приговорили к пяти месяцам заключения и отправили в тюрьму. Параллельно в том же уезде действовали еще два отряда [41].

В получивших огласку случаях особым зверством отличился отряд (22 солдата и прапорщик Борисов), присланный в Петропавловскую волость Сарапульского уезда. «Воевали» каратели почему-то преимущественно с женщинами, подвергая их показательным поркам. В Дебессах двух девушек подвергли экзекуции на глазах у толпы в обнаженном виде. Беременную женщину били до тех пор, пока у нее не случился выкидыш. То же самое повторилось и в деревне Тойкино, где до появления воинской команды никаких волнений не наблюдалось. Жители села в коллективной жалобе приводили подробности: «...избили нагайками по наущению священника Ваганова. Всего избито около 20 человек, причем некоторые были биты до потери сознания. Шесть женщин, наказывая, позорно оголяли, секли до испражнения. Жить страшно» [42].

Нетрудно представить, какую жгучую ненависть в народе начинала вызывать власть, чьи представители действовали подобным образом. К тому же земледельцам приходилось сталкиваться и с проявлениями явной несправедливости на почве проведения государственной хлебной монополии. Поручая монопольные заготовки зерна частным контрагентам и, по существу, не контролируя их, губернские власти создавали благоприятные условия для масштабных злоупотреблений. На 4-м крестьянском съезде Малмыжского уезда (12–14 сентября) был озвучен такой факт: контрагент Булычев, который делал закупки в этом уезде, от каждого приобретенного у крестьян пуда зерна «прихватывал» в свою пользу по 9–11 фунтов; к тому же он присвоил пять тысяч пудов заготовленной для армии ржаной муки [43].

Естественно, что в таких условиях не могло быть и речи о серьезной борьбе со спекуляцией продуктами. Собственно, по большому счету такая задача и не ставилась, а, вводя некоторые ограничения свободы торговли, губернские власти вместе с тем оставляли спекулянтам-перекупщикам (от деятельности которых страдали не только крестьяне, но и большинство горожан) вполне достаточный простор для маневра. В частности, в июне Вятская городская Дума запретила скупщикам продовольствия перепродавать продукты на всех базарных площадях губернского центра (что должно было создать видимость принятия мер), но при этом уточнила: «...за исключением Ивановской и мест, отведенных в городе Вятке для продажи продовольственных продуктов с возов, лотков, ларей и т. д.» [44]

На фоне подобных явлений довольно наивно звучал вопрос, задаваемый редакцией «Вятской речи»: «Почему же народ не везде поддерживает закон?

(о государственной монополии. — В. Б.) Почему крестьяне везут недостаточно хлеба?» [45] На этот вопрос можно найти ответ, например, в мемуарах А. И. Деникина, который свидетельствовал о том, что сложившееся в условиях войны положение в российском обществе «углубило рознь между двумя классами — торгово-промышленным и рабочим, доведя до чудовищных размеров прибыли и обогащение первых и ухудшив положение вторых» [46]. Подобным же образом выглядело объективно складывавшееся и противостояние крестьянства, с одной стороны, кулаков, крупных землевладельцев, купечества — с другой. Соответствующими были и поведенческие реакции первых.

Как и в предыдущие месяцы продолжались незаконная рубка лесов, самогонарение. Председатель сельского комитета В. Е. Гладышев сообщал в прессе, что в его Трыкской волости Малмыжского уезда более половины крестьян перегоняют хлеб в самогон, а волостной комиссар пьянствует наравне с другими и участвует в пьяных драках [47]. Но центральной и все более острой проблемой оставалось все же сопротивление крестьян заготовкам продовольствия. Об одном из проявлений такового говорилось в телеграмме от 16 августа губернского комиссара командующему Казанским военным округом. Текст ее гласил: «По сообщению уездкомиссара Сарапульского уезда, на почве введения хлебной монополии начались беспорядки, принявшие весьма серьезный характер. Надежных солдат в сарапульском гарнизоне мало, между тем, беспорядки угрожают распространиться на Ижевский и Воткинский заводы. Прошу немедленно выслать из Казани в распоряжение сарапульского комиссара роту хорошо дисциплинированных солдат или сотню казаков» [48].

В конце августа в Киселевской волости Котельничского уезда жители не допустили реквизиции скота, причем сопротивление возглавило волостное правление, дав крестьянам команду не пригонять скот в назначенное властями время и в указанное место [49]. Действия земледельцев постепенно приобретали все более решительный, наступательный характер. В августе же жители сел Псево и Саразцы Елабужского уезда, захватив помещичье имение, вступили в вооруженную схватку с прибывшей воинской командой. Крестьяне, проживавшие в деревне Немченята Красавской волости Котельничского уезда, захватив земли кулаков и вооружившись топорами и вилами, прогнали присланный уездным комиссаром отряд солдат [50]. Это означало, что насилие властей как метод решения продовольственных и аграрных проблем становилось неэффективным. Первые результаты этой политики подытожил министр продовольствия А. В. Пешехонов, признав на заседании правительства 21 августа ситуацию критической «вследствие отказа населения продавать нужный для армии и городов хлеб» [51].

Разрядить ситуацию могли лишь радикальные меры, способные удовлетворить большинство российских граждан, в первую очередь — вывод России из мировой войны и решение земельного вопроса в пользу крестьянства. Однако тесно привязанные к Антанте и опиравшиеся главным образом на элитные слои населения (в том числе на крупных землевладельцев), российские либералы, а также признавшие безоговорочно после июля их лидерство в правительстве умеренные социалисты, на такие шаги были просто неспособны. Отсюда — ставка на дальнейшее ужесточение внутренней политики, на усиление репрессий, на военную диктатуру.

Кадеты были прямо причастны к подготовке корниловского мятежа, имевшего место в конце августа, что дополнительно снизило их без того невысокую популярность в широких народных массах. Но выступление верховного главнокомандующего русской армией, генерала Л. Г. Корнилова, не получив реальной поддержки ни в обществе, ни в вооруженных силах, захлебнулось. От этой враждебно встреченной в народе и в армии (где прокатилась волна расправ солдат и матросов над той частью офицерского корпуса, которая симпатизировала Корнилову) акции поспешили «откреститься» умеренные социалисты, в том числе и вятские [52]. С этого времени режим, не способный ни к радикальным реформам, ни к результативным репрессиям (хотя он и пытался их продолжать), вступил в фазу начавшейся агонии.

Неэффективность второго направления была обусловлена не только провалом диктаторских замыслов, но и развалом вооруженных сил, утратой реального контроля над ними со стороны властей. В этом смысле ситуация в тыловых гарнизонах Вятской губернии конца лета радикально отличалась от той, которая была в первые послереволюционные месяцы, причем дела обстояли одинаково плохо как в уездах, так и в губернском центре. Надо заметить, что вятские власти, местные общественные организации проявляли определенную заботу о солдатах-тыловиках, особенно в плане обеспечения условий для их культурного досуга. В Загородном саду был учрежден солдатский клуб 106-го полка, ставший местом оживленных политических дискуссий. При клубе работал буфет (чай, фруктовые воды, холодные закуски), практиковались игры — шахматы, шашки, домино, лото, хальма и блошки; три раза в неделю проводились танцы под духовой оркестр; в июле формировалась библиотека [53]. Господа офицеры коротали время за карточным и бильярдным столами.

Солдаты охотно пользовались культурным досугом, но... воевать не хотели. К середине лета дело зашло довольно далеко. Руководитель прибывшей с фронта за пополнениями делегации (из 84-й пехотной дивизии) поручик Ба-

рабанов был потрясен открывшейся перед ним картиной, что весьма эмоционально выразил в опубликованном в «Вятской речи» обращении: «В полку мы (фронтовые посланцы. — В. Б.) нашли полный развал, полную разруху, преступное бездействие власти начальников и революционных организаций. Весь 106-й полк дезорганизован; из 10 тысяч товарищей нельзя набрать здоровую, помнящую свой долг роту... В 106-м полку живет грозная контрреволюция и имя ее — шкура». Далее поручик писал о том, что в тот момент, когда в опасности находится «наша красивая свобода», «стыдно проводить время в бильярдной, за карточным столом и в садах»; солдатам надо не хулиганить, а заниматься, осваивать военное дело. 106-й должен быть «полком здорового пополнения, а не полком разложения» [54].

Призывы такого рода уже мало трогали солдат-тыловики, большинство из которых рвались домой, к своим семьям, к заброшенному хозяйству. Солдат, как, впрочем, и миллионы гражданских лиц, не могло не шокировать к тому же решение Временного правительства перенести на более поздний срок выборы в Учредительное собрание. В то самое собрание, которое, по утверждению правящих кругов, должно было заняться рассмотрением главных вопросов обустройства жизни российского государства и общества.

В июне правительство назвало датой проведения выборов 17 сентября, а созыва Учредительного собрания — 30 сентября [55]. Летние выборы в органы местного самоуправления показали, что кадеты — главная правительственная партия послефевральской России. — на предстоящих выборах в российский парламент гарантированно потерпят разгромное поражение. Основная масса избирателей — российские крестьяне — отдавать свои голоса кадетам явно не собирались. Поэтому партия Милюкова стала сознательно затягивать этот процесс, и во второй половине августа был объявлен перенос выборов в Учредительное собрание на 12 ноября, а датой его созыва становилось теперь 28 ноября [56]. Надежды миллионов на скорое решение земельного и других вопросов парламентским путем рухнули; оставалось надеяться только на себя. В соответствии с этой нехитрой формулой и начали действовать те же миллионы рабочих, крестьян, солдат. Еще выше поднялась захлестнувшая страну волна анархии.

В то время как крестьяне все чаще и все решительнее удовлетворяли свои нужды в земле, сене, инвентаре и т. п. за счет частных владельцев, власти все менее могли призвать их к ответу с помощью вооруженной силы. Применение таковой уже было чревато переходом солдат на сторону усмиряемых селян. По такому сценарию развивались, например, события в Юринской волости Сарапульского уезда, где в августе местное население воспроти-

вилось проведению описи хлеба и проведению выборов в волостное земство. Посланная в волость для наведения порядка рота солдат вызвала массовые выступления крестьян. О случившемся узнали солдаты расквартированного в Сарапуле 166-го полка. Они устроили митинг, арестовали командира полка и уездного комиссара, которых, продержав ночь под замком, выпустили с условием отзыва карательной команды из Юринской волости. В Юрино полк делегировал своих вооруженных представителей для наблюдения за поведением уездных властей. В свою очередь губернский комиссар для усмирения взбунтовавшейся воинской части добился через окружной военный штаб в Казани отправки в Сарапул сотни донских казаков из Екатеринбурга [57]. Последнее пока еще было возможно. Но это продлится недолго.

Лето 1917 года в России — это время обострения не только социальных, производственных и продовольственных, но и финансовых проблем. Несмотря на то, что Временное правительство за неполный год удвоило внешний долг, накопленный за два десятилетия царским режимом, доведя его до огромной суммы в 16 миллиардов рублей (весь годовой бюджет России в 1913 г. составлял 3,5 миллиарда), денег в регионах страны хронически не хватало. В начале июня губернский комиссар П. Т. Саламатов не придумал ничего лучшего, как обратиться к той части местного населения, которая получала скромные пособия за находившихся на фронте членов семей, с призывом добровольно отказаться в пользу государства (которое «нуждается в средствах на ведение войны») от этой льготы [58]. Впрочем, добровольность получалась относительная. Находившийся в те же дни в Орлове солдат Андрей Клековкин отправил в адрес Петроградского Совета РСД письмо с просьбой разобраться с некоторыми творящимися в этом уездном городе безобразиями. В частности, жаловался он, «многие семьи призванных солдат на войну не получали и не получают пайков, которые полагаются, и многие эвакуированные солдаты, пущенные в месячные поправки, не получают суточных денег за прошлые годы и теперь» [59].

Занимаясь крохоборством, пытаясь решать финансовые проблемы за счет тощих рабочих и крестьянских кошельков, центральные и местные власти вместе с тем оставляли непокрытыми действительно серьезные каналы утечки капиталов. В разгар революционных событий началось их «бегство» за рубеж. К числу тех, кто в это время переводил крупные суммы в иностранные банки и продавал им отдельные компоненты своих промышленно-финансовых владений, относилась и фирма Стахеевых, действовавшая «под вывеской торгового дома елабужских купцов, миллионеров Стахеевых» [60]. Фирма неплохо заработала на войне. По данным Т. М. Китаниной, за один лишь 1917

год ее глава И. И. Стахеев приобрел акций на сумму в 100 миллионов рублей, а общая стоимость ценных бумаг концерна достигла тогда 200 миллионов рублей. Но в те же дни и месяцы 1917 года один из более молодых членов этого семейства, прочно обосновавшись в игорном доме Монако, «пустил по ветру» значительную часть состояния елабужских миллионеров [61].

Не слишком обременяло государство владельцев крупных капиталов и налогообложением, что, впрочем, было не удивительно. Миллионеров типа министра М. И. Терещенко хватало и в рядах главной правящей партии кадетов, и непосредственно в правительственных кругах. Как выяснилось позднее, не относился к числу бедняков и бывший адвокат А. Ф. Керенский. После его бегства из Зимнего дворца в дни октябрьского переворота только в двух банках Петрограда на личных счетах свергнутого премьера было обнаружено и конфисковано Советским государством около 1,5 миллионов рублей [62]. Поэтому и грозные заявления по поводу усиленного обложения налогами крупных состояний и сверхдоходов (доходивших у многих кампаний до 100 и более процентов) остались преимущественно в области благих пожеланий [63].

Однако и обычные, неповышенные налоги собирались плохо, причем в этой сфере богатые «верхи» и полунисшие «низы», случалось, действовали в унисон. Уже в мае власти Сарапульского уезда довели до сведения губернского руководства, что население налогов не платит, земская казна пуста, служащие остаются без жалования, школы, библиотеки, больницы накануне закрытия [64]. Утечка капиталов, падение производства, инфляция, саботаж налогоплательщиков — все это вместе взятое делало финансовую проблему в принципе неразрешимой и гарантировало ее дальнейшее обострение.

Вину за многочисленные провалы правительственной политики и общественной деятельности губернские власти норовили переложить на чужие плечи, и в этом плане наиболее подходящим объектом им виделась оппозиционная большевистская партия. Относительно обоснованные, но еще чаще вымышленные обвинения сыпались на нее со всех сторон. В связи с этим вятский комитет РСДРП(б) был вынужден обратиться в редакцию «Вятской речи» с просьбой опубликовать опровержение. Просьба была удовлетворена, и в номере за 12 июля появился текст следующего содержания:

«За последние дни по городу распространяются письма и записки, заключающие в себе угрозу поджога города, грабежей и т. д.; в составлении и распространении этих писем молва обвиняет большевиков. Мы заявляем, что это гнусная провокация неизвестных нам личностей и что мы к этому делу никакого отношения не имеем. Точно так же не имеем никакого отношения к агитации и волнениям, наблюдающимся среди солдат сорокалетнего и стар-

шего возраста. Протестуем против всех клевет о вятских большевиках, которые распространяются в настоящее время в городе Вятке» [65].

Публикация опровержения, естественно, не остановила газетную травлю местных большевиков. Напротив, именно в эти июльские дни вятская пресса с особым усердием стала воспроизводить в различных вариантах запущенную из центра версию о «большевиках-немецких шпионах». Наиболее интересная история оказалась у сотрудников «Крестьянской газеты», обнародовавших самый фантастический сюжет в номере от 1 августа. В соответствии с ним не только деньги (по 800 тысяч, по 250 тысяч рублей и т. д.) систематически переводились столичным большевикам из-за рубежа, но и сам Ленин, «проживавший в немецкой Швейцарии, состоял в общении с Парвусом, посещал лагеря (так в тексте. — В. Б.), в которых находились украинцы, где и вел пропаганду об отделении Украины от России» [66]. Как известно, бумага терпит все. Но все же, изобразить Ленина в роли украинского националиста! — для этого требовалось большое воображение. Но главное, слухи, сплетни, политические провокации не отменяли необходимость решения реальных социально-экономических проблем, а в этой области дела у властей всех уровней шли все хуже. В сентябре начался обвал.

Примечания к 5-й главе

1. См., например: Новейшая история Отечества. XX век / Под ред. А. Ф. Киселева и Э. М. Щагина. М., 1998, т. 1. С. 211.
2. Вятская речь. 1917. 16 июля. С. 3.
3. См.: Логинов В. Т. О «пломбированном вагоне», «немецком золоте» и пользе переиздания старых книг // Коммунист. 1991. № 5. С. 124—126.
4. Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март — октябрь 1917 г.): Сборник документов. М., 1957. Т. 1. С. 22.
5. Вятская речь. 1917. 25 июля. С. 2—3.
6. Новоселов А. Н. Указ. Соч. С. 73.
7. Переписка Секретариата ЦК... Т. 1. С. 439.
8. Там же. С. 411.
9. Там же.
10. Там же. С. 438.
11. Там же. С. 439.
12. Там же. С. 160.
13. Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. М., 1957. Т. 2. С. 244.
14. Там же. С. 84.
15. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 126. Лл. 3, 45.

16. Быстрова А. С. И. В. Попов. Киров, 1972. С. 41.

17. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 126. Л. 45.

18. Быстрова А. С. Указ. соч. С. 42; Крестьянская газета. 1917. 12 сент. (№ 68). С. 12—13.

19. Кучкин А. П. Большевистская организация в Вятке в начале 1917 года // За власть Советов: Сборник статей (воспоминания старых большевиков). Киров, 1957. С. 27.

20. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 35. Лл. 21об.

21. Там же. Л. 23.

22. Тимкин Ю. Н. Смутное время на Вятке. С. 17; Крестьянская газета. 1917. 15 сент. (№ 69). С. 12; 3 окт. (№ 74). С. 8; 10—13 окт. (№ 76—77). С. 11—12.

23. ГАКО. Ф. 582. Оп. 158. Д. 36. Лл. 44, 46; Крестьянская газета. 1917. 1 авг. (№ 56). С. 10.

24. ГАКО. Ф. 582. Оп. 158. Д. 36. Л. 44.

25. Крестьянская газета. 1917. 29 авг. (№ 64). С. 22.

26. История города Кирова. Киров, 1975. С. 145, 147.

27. Крестьянская газета. 1917. 4 авг. (№ 57). С. 15; 12 сент. (№ 68). С. 9.

28. Установление и упрочение... С. 214—215.

29. Вятская речь. 1917. 4 июля (№ 141). С. 3.

30. Установление и упрочение... С. 169—170; ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 9. Лл. 66—70.

31. Крестьянская газета. 1917. 25 авг. (№ 63). С. 22.

32. Крестьянская газета. 1917. 21 июля (№ 53). С. 23.

33. Там же. С. 22.

34. Вятская речь. 1917. 26 авг. (№ 64). С. 1.

35. Крестьянская газета. 1917. 30 июня (№ 47). С. 3.

36. Вятская речь. 1917. 19 июля (№ 153). С. 1.

37. Установление и упрочение... С. 74—76.

38. Крестьянская газета. 1917. 7 июля (№ 48—49). С. 2.

39. Вятская речь. 1917. 9 июля (№ 146). С. 3.

40. Крестьянская газета. 1917. 23 июня (№ 45). С. 2.

41. Установление и упрочение... С. 172.

42. Там же. С. 175; Кирюхина Е. И. Установление советской власти в Вятской губернии. Киров, 1955. С. 175.

43. ГАКО. Ф. 1354. Оп. 1. Д. 1. Л. 11об.

44. Крестьянская газета. 1917. 20 июня (№ 44). С. 10.

45. Крестьянская газета. 1917. 21 июля (№ 53). С. 20.

46. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 214.

47. Установление и упрочение... С. 179, 180 и др.

48. Там же. С. 171.

49. Там же. С. 177—178.

50. См.: Кирюхина Е. И. Установление советской власти... С. 175.
51. Крестьянская газета. 1917. 29 авг. (№ 65). С. 19.
52. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 162. Л. 62.
53. Вятская речь. 1917. 8 июля (№ 144). С. 1.
54. Вятская речь. 1917. 19 июля (№ 153). С. 4.
55. Крестьянская газета. 1917. 7 июля (№ 48–49). С. 3.
56. Крестьянская газета. 1917. 25 авг. (№ 63). С. 22.
57. Установление и упрочение... С. 175.
58. Крестьянская газета. 1917. 9 июня (№ 41). С. 2.
59. Установление и упрочение... С. 136.
60. Китанина Т. М. Военно-инфляционные концерны в России. 1914–1917 гг. Л., 1969. С. 3–4.
61. Там же.
62. Декреты Советской власти (далее — ДСВ). М., 1957. Т. 1. С. 328.
63. Китанина Т. М. Указ. соч. С. 3–4.
64. Установление и упрочение... С. 161.
65. Вятская речь. 1917. 12 июля. С. 1.
66. Крестьянская газета. 1917. 1 авг. (№ 56). С. 8.

Глава 6. Осенняя катастрофа: власть, сельская община и продовольственный вопрос

Как уже говорилось выше, с продовольственной проблемой столкнулось еще царское правительство. Временное же, унаследовав ее, все больше склонялось к силовому варианту решения таковой. В начале сентября правительство как будто осознало, что в отношениях с деревней уже не обойтись одним лишь кнутом и что надо идти на уступки. Официально признав, что, с одной стороны, «города, целые губернии и даже фронт терпят острую нужду в хлебе, хотя в стране его достаточно», а с другой — что за предшествовавший период цены на хлеб существенно отстали от быстро растущей стоимости изделий промышленности, оно постановило повысить закупочные цены на зерно [1]. Это было разумное, но уже изрядно запоздавшее решение, в силу чего на ситуацию в области хлебозаготовок оно существенно не повлияло.

К тому же результатами повышения цен воспользовались не столько земледельцы, сколько перекупщики-спекулянты. О масштабах явления некоторое представление дает телеграфное сообщение от 10 октября продовольственной управы Елабужского уезда губернскому комиссару. В телеграмме говорилось о том, что в селении Икское Устье частные лица и посланцы продкомов иных губерний, скупая хлеб, довели цену на него до 8 рублей за пуд

ржи, в результате чего «город и полк остались буквально без хлеба». С целью упорядочить ситуацию 6 октября туда выезжали комиссар Виноградов, член уездной продовольственной управы Лекарев, председатель городского продкома Реутов. Все трое были жестоко избиты толпой мешочников, подстрекаемых спекулянтами, при откровенном попустительстве сопровождавшего их уездного комиссара и подчиненного ему отряда в составе четырех офицеров и 150 солдат [2].

Но главная проблема заключалась даже не в спекуляции как таковой, а в том, что значительная часть крестьянства на этом этапе требовала уже не частичных уступок, а радикального пересмотра всей продовольственной политики. Во многих населенных пунктах региона открыто дискутировался вопрос об отмене государственной хлебной монополии. Так, в Орловском уезде он активно обсуждался на сходах в Монастырской, Березовской, Гороховской волостях [3]. При этом земледельцы различными способами саботировали сельскохозяйственную перепись, мероприятия властей по учету хлебных запасов, продажу зерна государству по твердым ценам. По этой причине они, собрав урожай, старались держать его в снопах и не спешили с обмолотом. Власти же стремились заставить их делать это, не отказываясь и от принуждения с помощью вооруженной силы.

Драматические события развернулись на этой почве в конце сентября в деревне Лудорвай (Старовеньинской волости Сарапульского уезда), куда в конце сентября прибыла воинская команда численностью до 60 человек, возглавляемая двумя прапорщиками и помощником начальника ижевской милиции Гаврюшиным. Во время созванного волостного схода были арестованы четыре агитировавших против обмолота крестьянина. Запугав остальных крестьян и сельского старосту стрельбой в воздух, солдаты захватили молотильные машины, а утром, оставив арестованных под охраной часового, ушли на гумно работать. Тем временем у здания правления, где сидели арестанты, собралась толпа до полутысячи крестьян. Испуганный часовой сбежал, арестованных односельчан крестьяне собирались выпустить на волю и посадить на их место захваченных ими председателя волостной продовольственной управы И. А. Шевякова и председателя волостной избирательной комиссии учителя П. В. Главатских. Помешала случайность: в этот момент из Ижевска в деревню явились еще три солдата, и один из них (Петухов), стреляя в толпу, ранил четырех человек. На выстрелы с гумна прибежали солдаты и рассеяли толпу. Безоружные крестьяне были вынуждены подчиниться, но при этом они категорически отказались выдать тех, кто созвал толпу [4].

Однако в такого рода операциях успех далеко не всегда сопутствовал властям. Во время инцидента в деревне Лудорвай в той же самой Старовеньинской волости действовали еще две воинские команды, причем одна из них, состоявшая из 78 военнослужащих, была крупнее первой. Но в этом случае, ввиду яростного сопротивления хлеборобов, солдатам обеих команд не удалось ни заставить крестьян молотить хлеб, ни сделать это самим [5]. Не лучшим образом обстояли дела и в Яранском уезде, где хлебозаготовки фактически застопорились еще в первой половине сентября. В это время в продовольственных управах хлебные запасы отсутствовали. В самом Яранске еще имелся двухнедельный запас, но зато уже не было никаких надежд закупить новые партии зерна у крестьян по твердым ценам. В то же время хлеб по высоким ценам (9—10 рублей за пуд) уходил из уезда в соседние Костромскую и Нижегородскую губернии. Уездные власти не располагали необходимыми силами для пресечения этого вывоза, в силу чего уездный комиссар просил у губернского воинских подкреплений для реальной реализации закона о государственной хлебной монополии [6].

Не добившись заметного эффекта в области хлебозаготовок за счет повышения закупочных цен, губернские власти быстро вернулись к тактике «кну-та», широко практикуя использование воинских команд в уездах и волостях. В начале октября «Крестьянская газета» сообщала: «В Селезневскую волость Вятского уезда выехал с вооруженной силой член продовольственной управы И. И. Кассин; волость может дать до 50 тысяч пудов хлеба, но отказывается». В Якшинской волости того же уезда крестьяне не допустили регистраторов к производству учета хлеба. В ответ туда был отправлен отряд солдат [7].

С начала октября борьба за хлеб между теми, кто его выращивал, и управленческими структурами приобрела ожесточенный характер. Истощив относительно мирные методы воздействия на крестьян, губернские продовольственные органы приступили к принудительному изъятию хлебных «излишков». Волостным уполномоченным было предложено не останавливаться перед взломом амбарных запоров, арестами и передачей в суд оказывающих сопротивление граждан. В помощь им придавались воинские команды [8]. Следует заметить, что меры эти не были инициированы губернскими властями; они действовали в строгом соответствии с правительственными указаниями, понукавшими их к насильственным действиям. Так, 22 октября комиссар Саламатов получил телеграмму от министра внутренних дел меньшевика А. М. Никитина, в которой в очередной раз предписывалось «твердо, решительно и без малейших промедлений» подавлять «любые анархические выступления, нарушающие общественную безопасность». Никитин сообщал так-

же, что военный министр приказал командующим войсками предоставлять в случае необходимости в распоряжение губернских комиссаров конные части [9].

Но опора на вооруженную силу не стала панацеей для властей, что лишний раз высветили события в хлебобродной Медянской волости Вятского уезда. Здесь продовольственным органам удалось заготовить, взять на учет и складировать в так называемых общественных магазинах около 9 тысяч пудов ржи. Однако, когда поступило распоряжение доставить хлеб на железнодорожную станцию, крестьяне разгромили магазины и растащили рожь по домам. Посланные в помощь продовольственным агентам солдаты сами приняли участие в грабеже. Сотрудникам управы пришлось спасаться бегством [10]. В Малмыжском уезде в середине октября при исполнении служебных обязанностей были избиты в деревне Шишиной Рожинской волости инструктор хлебной переписи Польшин и регистратор Шурмин [11].

В этой «битве за хлеб» нередко лилась кровь, появлялись и трупы. В частности, в конце октября в Старовеньинской волости Сарапульского уезда в ходе столкновений между солдатами и не дававшими проводить опись хлеба крестьянами были убиты двое и ранены трое местных жителей [12]. Но это уже не могло остановить разгул крестьянской вольницы, вылившейся, в числе прочего, в борьбу с определенными низовыми управленческими органами, а именно — с навязанными им «сверху» волостными земствами.

Достаточно чуждые земледельцам по своей сути, органы эти стали на протяжении 1917 года еще и ненавистны им по той причине, что во многом именно они выступали проводником политики государственной хлебной монополии, политики разверстки и реквизиций. Если раньше селяне противились созданию волостных земств преимущественно в пассивной форме, то с середины осени они переходят буквально к разгрому таковых в тех населенных пунктах, где они успели появиться. В первой половине ноября в Ернурской, Ихтинской, Корляковской, Сердежской и Прыткинской волостях Яранского уезда крестьяне приняли приговоры об упразднении волостных земских управ и парализовали их деятельность; в Ихтинской и Малошегловской волостях были к тому же ликвидированы волостные продовольственные управы [13].

Наглядное представление о том, как это происходило, дает следующий эпизод. 25 ноября, к моменту пачала расширенного, с участием членов волостного Совета крестьянских депутатов, заседания Конганурского волостного земства (Уржумский уезд), у его здания собралась толпа до 400 человек, главным образом солдат. Толпа разгромила волостную продовольственную управу, разогнав охранявших ее военнослужащих, и учинила расправу над ее персоналом и попавшими под руку учителями. Часть избитых членов управы были

к тому же посажены под арест [14]. Некоторым из местных администраторов в это время стало доходить, что игнорировать традиционное крестьянское самоуправление себе дороже, что надо вносить коррективы в текущую политику. Одним из таких достаточно гибких администраторов оказался комиссар Котельничского уезда Н. Зубарев, который в ноябре разъяснял сельским старостам, что «закон о сельском управлении не отменен» и им следует исполнять свои обязанности [15]. Высказывание это можно понимать и как косвенное признание провала затеи с волостными земствами.

Это, в свою очередь, означало и провал продовольственной политики Временного правительства и его представительств на местах, хотя он, конечно, задавался не одной лишь этой причиной. Но она была существенна. Нараставшими продовольственными затруднениями в Вятской губернии был вызван к жизни и продублированный 6 октября в местной прессе (за подписью председателя губернского продкома кадета Л. Юмашева) запрет на вывоз из региона крупного рогатого скота, свиней, овец, мяса, солонины, яиц, ржи, ржаной муки, крупы, а также холста, сена, мануфактуры, мочала, кулей и рогож [16]. В сентябре — октябре продовольственные управы Вятки, Слободского, Омутнинского завода, некоторых других городов и поселков стали предупреждать губернские власти о надвигавшемся голоде и требовали принятия экстренных мер [17]. Даже в земледельческих уездах ситуация приобретала драматический характер. В конце ноября Котельничская городская управа докладывала в Вятку, что «ввиду полного истощения запасов муки в городе Котельнич» и запрета закупки муки по «вольным ценам», местные власти не состоянии дать хлеб как городским жителям, так и «оседающим здесь солдатам и проходящим эшелонам войск» [18].

Между тем нехватка продовольствия остро ощущалась не только в городах (особенно промышленных регионов и Севера России), но и на фронте. В первой декаде ноября уржумский комиссар получил телеграмму от командующего Западным фронтом генерала Балуюева. В ней сообщалось, что «армии фронта за последние два месяца получают лишь четверть того, что полагается; бывшие запасы иссякнули на днях, и армию ожидает голод». Аналогичного содержания телеграмма поступила в эти же дни в Малмыж. Там и там генерал просил принять меры, чтобы спасти фронтовиков от голодной смерти [19]. Но что могла сделать уездная администрация, если к этому времени уже и губернские власти фактически утратили контроль и над деревней, и над воинскими частями тыловых гарнизонов.

К середине осени, тем более в последующие недели, власть в уездах и волостях оказалась практически парализованной. Дело доходило до того, что

(как это происходило в Орлове) для поддержания порядка в уездном центре во время выдачи там по карточкам сахара губернскому комиссару пришлось послать в этот населенный пункт из Вятки воинский отряд во главе с офицером [20]. Местным администраторам все меньше приходилось рассчитывать на милицию, сотрудники которой стали просто разбегаться. В октябре губернский комиссар жаловался в Главное управление милиции МВД на дефицит кадров в этом ведомстве. В его письме как о довольно типичном явлении говорилось о самовольном оставлении службы милицейскими чинами [21]. Месяц спустя проблемы этой коснулся и председатель Яранской уездной земской управы, который в письме командующему Казанским военным округом сетовал на нехватку «вполне пригодных для службы в милиции лиц», что не позволяло закрыть вакансии даже начальников участковых отделов милиции [22].

Понять причины возникшего кадрового дефицита той поры нетрудно: милиционеры не только сталкивались с ситуациями, когда практически не могли влиять на ход событий, но порой и сами становились жертвами народной ярости. Например, 9 октября в селе Кичма Уржумского уезда во время ярмарки буйствующей толпой был убит военнотрудовой, арестованы начальник участковой милиции и рядовой милиционер [23]. Случалась, что толпа выступала в роли коллективного судьи и палача, оттесняя в сторону представителей правоохранительных органов. 8 октября на базаре села Новый Тарьял Уржумского уезда милиционер задержал неизвестного по подозрению в продаже краденой лошади, но затем отпустил его. Толпа, наблюдавшая эту сцену, тут же учинила над неизвестным жестокий самосуд [24]. Подобное стирание граней между гражданами, с одной стороны, органами управления и правопорядка — с другой, свидетельствовало о глубоком кризисе последних, о размытии плотины, призванной сдерживать напор анархической стихии.

В осенние месяцы заметно падало доверие крестьян к правительству страны (на страницах местных газет перестали появляться сельские и волостные приговоры со славословиями в его адрес), к местным органам управления и самоуправления, к политическим партиям. Выразительным документом, отразившим эту тенденцию еще в середине лета, стал приговор, принятый 9 июля сходом села Шудинского Афримской волости Малмыжского уезда. Этот действительно «мужичий» текст избежал интеллигентской правки. Его авторы выразили недоверие всем политическим партиям страны и признали лишь беспартийный (по их мнению) Крестьянский союз. Главным экономическим требованием участников схода выступала конфискация всей частной собственности помещиков и капиталистов. В политической области селяне потребовали ликвидации института чиновничества с заменой его «вы-

борными от народа представителями» [25].

Реальным хозяином положения в сельской местности в осенне-зимний период стала община, которая в условиях прогрессирующего распада государственных структур и углубляющегося паралича официальной системы правопорядка переживала настоящий ренессанс. Выражалось это и в активном наступлении общинников на отрубников-хуторян, и в реставрации общинного самоуправления там, где его уже успели заменить волостными земствами [26], и в полном господстве ныне ничем не стесненного традиционного народного права. Именно этот суровый, нередко жестокий (но преимущественно по отношению к «чужим»), спаянный психологией коллективизма и взаимовыручки крестьянский «мир», тысячами нитей связанный с городскими рабочими, с одной стороны, и солдатскими гарнизонами — с другой, в конечном счете в наибольшей степени определял сущность и направленность социальных процессов в революционном 1917 году в аграрной Вятской губернии.

Внутри общины отношения строились на основе принципов уравнительности и воздаяния за проступки и преступления. То и другое, в духе народной демократии, освящалось приговором сельского схода. Справедливым считалось оказывать в это трудное время продовольственную помощь — желательно за счет чужих — нуждающимся односельчанам. Так, жители деревни Верхняя Тойма Меринновской волости Малмыжского уезда, совершив в декабре набег на вмерзшую в лед баржу с хлебом ижевского продкома, значительную часть добычи — 126 мешков — распределили между семьями бедняков [27]. Столь же решительно осуществлялась расправа с преступниками, резко выросло число самосудов, в первую очередь в отношении тех, кто покушался на общинные владения и имущество.

Например, в августе несколько жителей починка Ильинского Барановской волости Сарапульского уезда убили крестьянина деревни Квадашур-Можги той же волости Е. М. Занчарова за попытку запасть дровами в роще, принадлежавшей сельскому обществу [28]. Месяцем раньше жители починка Дуброва Юринской волости того же уезда, устроив самосуд, лишили жизни двух татар, родом из другой деревни, М. Шахитдинова и М. Хазиахметова за кражу овец. Трупы убитых и две связанные овцы были оставлены на телеге в лесу [29]. Жуткий случай, наглядно демонстрирующий степень ожесточения людей в условиях военно-революционного времени, произошел в деревне Ехлациха Сарапульской волости. В первой половине октября пожарами здесь были уничтожены три дома с дворовыми постройками. Заподозренный в поджогах крестьянин из деревни Дубровка В. Д. Кузнецов, временно проживавший в Ехлацихе, сознался на сходе в совершении данных преступлений. Сход

приговорил его к смерти. Два крестьянина, уполномоченные на то присутствующими членами сельского общества, отвели Кузнецова на одно из пепелищ, связали ему руки, облили керосином и подожгли. Когда казнимый упал на землю, с него сбили пламя, облив водой, после чего повезли в сарапульскую земскую больницу. Там через шесть часов он скончался [30].

Паралич государственных органов управления в уездах и волостях неизбежно оборачивался серьезными провалами не только в области хлебозаготовок, но и в сфере финансов, производства, в том числе и связанного с обороной страны. Что касается последнего, то, начавшись еще в весенние месяцы, он продолжился и в осеннюю пору. Один из примеров тому. В Яранском уезде военнопленные вместе с кустарями изготавливали кожаную обувь для армии. Однако из-за нехватки сырья к ноябрю это дело почти прекратилось [31]. Между тем обувь на фронте была нужна позарез. 26 сентября «Крестьянская газета» поместила на своих страницах письмо солдат Дмитриева и Шаповалова, а также прапорщика Малкина 84-й пехотной Стальной дивизии, уже давно пополняемой почти исключительно выходцами из Вятской губернии. Взывая к милосердию земляков, военнослужащие писали: «В горах наступила холодная осень. Граждане и гражданки Вятской губернии! Стальная дивизия — Ваши братья, отцы, мужья и сыновья босы! Босиком нельзя воевать в горах. Дайте нам сапог, сапожного материала, теплого белья» [32].

С финансами дела обстояли еще хуже. Еще в середине сентября губернский комиссар потребовал от уездных принятия мер «по взысканию податей и налогов» [33], а два месяца спустя сделал запрос на предмет достигнутых ими результатов. Ответы котельничского начальника милиции и сарапульского уездного комиссара свелись к тому, что «отданы распоряжения» и «приняты самые энергичные меры», но о реальных плодах двухмесячной деятельности не было сказано ни слова [34]. Более честно ответили комиссары Нолинского и Орловского уездов. Первый сообщил о реальной опасности бунта «на почве недостатка денег при выдаче пайков и суточных солдатским семействам и солдатам или на почве недостатка хлеба, запасы которого крайне незначительны» [35]. Из Орлова пришла паническая телеграмма: «Финансовое положение критическое. Грозит ликвидацией слабое поступление сборов». Губернский комиссар отреагировал на нее наложением традиционной для того периода резолюции: «Сообщить всем начальникам милиции о принятии самых строгих мер» [36].

Не сказать, что денег в регионе так уж совсем и не было. Деньги были, и немалые. В губернии довольно успешно распространялись облигации правительственного «Займа свободы». За послефевральский период в одном лишь Нолинском уезде их было продано на сумму 675 тысяч рублей [37]. Вопрос

был в том, куда они уходили и на что расходовались. На зарплату учителям, например, средства не всегда находились и в сентябре [38]. Впрочем, на симпатиях педагогов к правящей коалиции, особенно к умеренным социалистам, это никак не сказывалось.

Ослабление административного контроля над деревней одним из следствий имело широкое развитие самогонварения и пьянства, то и другое нередко под покровительством сельского общества. В середине сентября некто Малиновский писал в «Крестьянскую газету», что в Просницкой волости Вятского уезда, ввиду отсутствия мер противодействия, «кумышковадение начинает принимать грандиозные размеры» [39]. В Унинской волости Глазовского уезда во второй половине сентября волостное собрание поощряло самогонварение, не позволяя представителям власти арестовывать правонарушителей. Оно же препятствовало работе местного продкома, но при этом приветствовало частную продажу и закупку хлеба. В результате, как об этом сообщал в Вятку начальник уездной милиции, в волости «цены на хлеб растут до 10 рублей за пуд, процветает кумышковадение, народ спивается, озверел, и идут призывы к погромам торговцев» [40].

В условиях административно-правового беспорядка многие общины занялись «самообеспечением» путем захвата принадлежавших государственным учреждениям и частным лицам материальных ценностей. В середине ноября крестьяне Круглыжской волости Котельничского уезда взяли под свой контроль заготовленное и находившееся в хлебозапасных магазинах зерно, не позволяя его вывозить. Уездная продовольственная управа доносила в Вятку, что без дополнительной вооруженной силы забрать его не представляется возможным [41]. В начале ноября жители деревень Бобыли и Дряхлово Нагорской волости Слободского уезда самовольно открыли Быковский хлебозапасный магазин, поделили и развезли по домам весь находившийся в нем хлеб [42]. Крестьяне 11 деревень Вятского уезда, скосившие летом траву на лугах помещика В. Х. Крутихина и согласившиеся было половину сена отдать армии, с середины ноября начали вывозить его полностью. У местной участковой милиции не хватало сил им противостоять [43]. В Елабужском уезде, в Свиногорском затоне на Каме зазимовал караван судов с грузами, принадлежавшими товариществу Волго-Вятского пароходства. В середине декабря на караван совершали набеги жители соседнего села Свиногорье. Они не только разграбили товары, но и причинили ущерб самим судам, выломав двери, выбив стекла и т. п. Для наведения порядка были присланы 20 солдат, которые пытались арестовать грабителей, но община не позволила это сделать. На последующие жалобы пострадавших владельцев имущества уездный комиссар не реагировал [44].

В конце ноября крестьяне Морозовской волости Котельничского уезда сожгли имение Зырина, разграбив хлеб, скот, сельскохозяйственный инвентарь. Начальник уездной милиции, опасаясь распространения погромов на соседние имения и не доверяя местному гарнизону, просил губернского комиссара прислать человек 30 солдат [45]. Что касается последнего направления крестьянской активности, то на нем действия общинников к концу года стали приобретать более системный и менее погромный характер. По поступившим в первой декаде декабря сведениям из Уржумского уезда, крестьяне, создавая специальные комитеты, приступили в это время к планомерному овладению имениями помещиков Бушковых, Депрейс, Матвеевых и др. [46]

Параллельно с общинной «самодеятельностью», нередко переплетаясь с нею, развивалась обычная преступность. Уже в летние месяцы, а также в начале осени она отличалась широкими масштабами и разнообразием форм проявления. Например, в одном из наиболее беспокойных Глазовском уезде в сентябре зафиксировано большое количество драк и убийств на бытовой и имущественной почве, много краж; во второй половине месяца — два случая изнасилования крестьянок солдатами [47]. В первой половине сентября в Котельничском уезде 11 крестьян деревни Бутыринской Ключевской волости напали на возчика Паозерского лесничества и, избив его, отобрали 300 рублей казенных денег, сумку с бумагами и два револьвера [48].

В Котельничском и Орловском уездах крестьяне уже целыми деревнями рубили казенный лес. Лесная стража была бессильна в противостоянии хорошо организованным селянам, и для «вразумления» непокорных опять же посылались милиция и войска [49]. Во второй половине сентября община деревни Петрятской Бисеровской волости Глазовского уезда спустила воду из пруда, прекратив тем самым помол муки на частной мельнице крестьянина А. Ф. Бисерова [50]. Общая обстановка своеобразно влияла на сознание людей, на их восприятие происходящих событий. Так, начальник местной милиции, при наличии в Слободском уезде трех убийств за первую половину сентября, оценивал обстановку как «спокойную» [51].

Преступность нарастала в октябре, но по-настоящему обвальная характер приняла в ноябре-декабре. В частности, такое наблюдалось в Малмыжском уезде, где отмечено большое количество покушений на имущество (взломы, грабеж), осуществляемых во все более грубой, агрессивной форме, нередко группами преступников, причем в роли таковых сплошь и рядом выступали те, кто в довоенное время ни о чем подобном и не помышлял [52]. В деревне Мамашеровой Кошкинской волости Малмыжского уезда в ночь на 23 декабря около десятка ее жителей с целью грабежа пытались ворваться в

дом односельчанина Абдрахмана Ахмадиева. С этой целью они изрубили запертые ворота, ворвались во двор и стали рубить топором двери, но хозяин спугнул их выстрелами из револьвера [53].

Крайне криминальная обстановка сложилась в Елабужском уезде. Так, в деревне Новый Киняус Поршурской волости в ночь на 18 ноября в дом крестьянина К. М. Бельтюкова ворвалось около тридцати односельчан, которые, выбив все окна в доме, похитили имущества и денег на сумму около 600 рублей [54]. 6 ноября в селе Мушак Мушаковской волости Елабужского уезда местный житель И. К. Митрошин, заподозренный в краже тарантаса, был убит толпой [55]. В самой Елабуге днем 24 ноября жители города И. Атияков, Д. Бабушкин, Д. Лобашев, проникнув в дом гражданки М. И. Аникиной и угрожая ей смертью, требовали от хозяйки деньги. В предыдущую ночь они с той же целью ворвались в дом своего земляка П. З. Понькина и, вымогая у него деньги, устроили в жилище погром, причинив материальный ущерб на сумму около 800 рублей [56].

Во время грабежей, случалось, гибли люди — иногда к ним причастные, а порой и случайные. Так, во время расхищения селянами овса из вмерзшей в лед на Курмыжском озере в Малмыжском уезде баржи, «шаловой пулей» был убит крестьянин А. П. Поскребышев, житель деревни Криули Больше-Порекской волости. 30 декабря подобным же образом в Елабуге погиб крестьянский мальчик, оказавшийся вблизи Торгового дома купца Александрова в то время, когда власти уничтожали там запасы пива, а местные жители из тех же закромов расхищали спирт. Кто стрелял — неизвестно [57].

В погромном движении, в прочих правонарушениях особо отличались солдаты, недавно — на законных основаниях или нет — вернувшиеся с фронта. «Чудили» фронтовики по-разному. 15 октября в деревне Успин Пургинской волости Сарапульского уезда один из них (П. М. Коробейников) стрелял в окно крестьянского дома, где квартировали рабочие-железнодорожники. Пытался туда же бросить бомбу, но промахнулся, она ударилась о ножку садовой скамейки и разнесла ее в щепки. В окнах домов полопались стекла, но, к счастью, обошлось без человеческих жертв [58]. 16–17 ноября на хуторе Шамшуриной в Киясовской волости того же уезда был угнан скот и разграблено имущество на общую сумму около 60 тыс. рублей. В грабеже, которому не смогла воспрепятствовать местная милиция, участвовали многие крестьяне окрестных сел и солдаты-отпускники. Для ареста грабителей была послана воинская команда из сарапульского гарнизона [59].

29 ноября в деревне Кугунур Арборской волости Малмыжского уезда группа местных жителей, главным образом бывших фронтовиков, избili ме-

стного торговца С. Ш. Фахрутдинова и членов его семьи, взломали торговое помещение, похитили товаров на сумму около 40 тысяч рублей и с угрозами удалились [60]. 17 декабря в селе Лудяно Экономическом Буйской волости были разгромлены лавки торговцев И. Н. Питиримова и Н. И. Телицына. Как «изящно» сформулировал это начальник милиции Нолинского уезда, в погроме участвовали солдаты, некоторые крестьяне и «чернь» [61]. 25 декабря солдат 166-го запасного полка Семен Агафонов, а с ним переодетые в военную форму Александр Внебрачный, Семен Еродбаев и Таисия Кузнецова производили обыски у жителей Сарапула, но были задержаны и привлечены к уголовной ответственности [62].

Настоящим бедствием для многих населенных пунктов (в первую очередь городов) России в целом и Вятской губернии в частности стали продовольственные и пьяные бунты и погромы. Первые обычно возникали на почве нехватки продуктов питания. С началом осени их также подхлестнуло правительственное решение о существенном повышении закупочных цен на зерно, что соответствующим образом сказалось на розничных ценах многих продовольственных товаров. По далеко не полным официальным данным такого рода эксцессов в целом по России было: в мае — 3, в июне — 7, в июле — 43, в августе — 100, в сентябре — 154, в октябре — 125 [63]. Зафиксированы они и в ряде городов Вятской губернии, включая губернский центр. Что касается пьяных погромов, то самый страшный из местных имел место в Сарапуле, где 9 ноября солдаты дислоцированного там 166-го запасного пехотного полка напали на пивной склад Александрова, разгромили его и затем в состоянии опьянения учинили разгром всех прочих городских торговых лавок, большинство из которых были затем преданы огню. Солдатским погромам подверглись также казенный винный склад, два книжных склада, здания продовольственных управ. Погромщики освободили из местной тюрьмы заключенных, подожгли тюремные корпуса и здание окружного суда. Во время этой вакханалии погибли 37 человек, 20 были ранены [64].

Погром продолжался три дня, но какое-то время и после этого город оставался во власти солдатской стихии. Навести относительный порядок удалось лишь неделю спустя, когда 17 ноября сюда прибыл из Казани пробольшевистски настроенный отряд численностью 600 человек. Он разоружил местный гарнизон и сарапульскую милицию, арестовав ее начальника Машковцева и заменив его на Сморгалова. Был сменен также начальник гарнизона, и проведены перевыборы городского Совета. 26 ноября отряд вернулся в Казань. Ноябрьский погром в Сарапуле резко ухудшил ситуацию в окрестностях города, которые, по определению председателя уездного исполкома, и в пос-

ледующие месяцы «находились в состоянии анархии и безвластия» [65]. Выпущенные из городской тюрьмы уголовники, объединившись с некоторыми местными жителями, производили грабительские налеты на деревни Исенбаевской волости. Правда, крестьяне сумели организовать для отпора и в одной из стычек с бандитами убили трех их предводителей. В середине ноября посланным на помощь селянам отрядом солдат во главе с подпоручиком Ивановым были уничтожены еще семь бандитов из ранее судимых за уголовные преступления местных жителей [66].

Не следует думать, что описанное выше имело место только на Вятской земле. Волна анархии катилась в 1917 году по всей России, о чем, в ряду прочих, свидетельствовал в своих «Записках о революции» активный участник революционных событий, член исполкома Петроградского Совета РСД и ВЦИК видный меньшевик Н. Н. Суханов (Гиммер). Приведу цитату из его воспоминаний:

«Суды Линча, разгромы домов и магазинов, насилия и глумления над офицерами, над провинциальными властями, над частными лицами, самоличные аресты, захваты и расправы ежедневно регистрировались десятками и сотнями. В деревне участились поджоги и погромы усадеб. Крестьяне начинали по-своему «регулировать» землепользование, запрещали порубки лесов, угоняли помещичий скот, брали «под контроль» хлебные запасы и не давали вывозить их к станциям и пристаням... Но больше всего нарушали порядок и государственную жизнь, конечно, разгулявшиеся солдаты... Солдаты безо всяких разрешений огромными потоками направлялись на побывку домой. Они заполняли все железные дороги, совершая насилия над администрацией, выбрасывая пассажиров, угрожая всему делу транспорта и становясь общественным бедствием... Солдаты текли по деревням из тыла и фронта, напоминая великое переселение народов. А в городах они переполняли и разрушали трамваи, бульвары, заполняли все общественные места. Там и сям сообщали о пьянстве, бесчинстве, буйстве» [67]. Те самые воинские части, которые еще недавно служили гарантом порядка и опорой губернских властей, все чаще воспринимались ими теперь олицетворением разбушевавшейся стихии.

К началу зимы режим, созданный Февралем, исчерпал себя даже в Вятской губернии, где формально он еще сохранялся. Местные власти не успевали реагировать на происходящие события, особенно в сельской глубинке, тем более были неспособны направлять их в нужное для себя русло. Иллюстрацией к сказанному может служить одно из последних посланий комиссара Уржумского уезда в Вятку, датированное 30 ноября. В нем сообщалось: «Подго-

товка к выборам в Учредительное собрание (назначенных в губернии на начало декабря. — В. Б.) проходит спокойно. В городе организуется Совдеп. Два дня проходят поголовные розыски продовольствия. Было шесть случаев попыток крестьян захватить частновладельческие мельницы». Продолжается незаконная рубка леса и т. п. [68] Нам уже приходилось отмечать своеобразное понимание термина «спокойствие» вятскими властями в 1917 г. В переводе же на язык здравого смысла приведенный выше текст выглядит примерно так: подготовка в выборам в Учредительное собрание довольно равнодушно воспринимается не только политически активной частью населения, занятой организацией городского Совета, но и уездными властями — они рыщут в поисках продовольствия. Крестьяне же норовят удержать за собой свой хлеб, покушаются на чужие мельницы и рубят не свой лес. «А в остальном, прекрасная маркиза, — как поется в популярной шуточной песенке, — все хорошо, все хорошо!».

Примечания к 6-й главе

1. Крестьянская газета. 1917. 12 сент. (№ 68). С. 3.
2. Крестьянская газета. 1917. 15 сент. (№ 69). С. 17.
3. Установление и упрочение... С. 182.
4. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 5. Лл. 84, 84об., 85об.
5. Там же. Л. 84.
6. Крестьянская газета. 1917. 12 сент. (№ 68). С. 18.
7. Крестьянская газета. 1917. 3 окт. (№ 74). С. 9.
8. Установление и упрочение... С. 191.
9. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 126. Л. 61.
10. Крестьянская газета. 1917. 3 окт. (№ 74). С. 9.
11. Крестьянская газета. 1917. 31 окт. (№ 82). С. 9.
12. Там же.
13. Установление и упрочение... С. 214.
14. Там же. С. 223—224.
15. ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 9. Лл. 186, 186об.
16. Крестьянская газета. 1917. 6 окт. (№ 75). С. 24.
17. См.: Тимкин Ю. Н. Смутное время на Вятке. С. 27—28.
18. ГАКО. Ф. 582. Оп. 158. Д. 36. Л. 115.
19. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 126. Лл. 52, 53.
20. ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 9. Лл. 186, 186об.
21. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 7. Лл. 19об, 20.
22. ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 9. Л. 169.
23. Крестьянская газета. 1917. 31 окт. (№ 82). С. 9.
24. Там же.

25. ГАКО. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 2. Лл. 94—96.
26. См.: Бакулин В. И. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. Киров, 2006. С. 49.
27. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 3. Л. 24об.
28. Там же. Д. 5. Л. 61.
29. Там же. Лл. 48, 48об.
30. Там же. Л. 81об.
31. ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 9. Лл. 158, 159.
32. Крестьянская газета. 1917. 26 сент. (№ 72). С. 1.
33. ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 9. Л. 67.
34. Там же. Лл. 66, 71.
35. Там же. Л. 124.
36. Там же. Л. 70.
37. Там же. Л. 135.
38. Там же. Л. 5.
39. Крестьянская газета. 1917. 15 сент. (№ 69). С. 18.
40. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 2. Лл. 15, 15об., 19, 19об.
41. Установление и упрочение... С. 218.
42. Там же. С. 208.
43. Там же. С. 214—215.
44. ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 9. Лл. 464, 464об.
45. Установление и упрочение... С. 224.
46. Там же. С. 231.
47. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 2. Л. 15об., 16.
48. Там же. Д. 7. Лл. 5, 5об.
49. См.: Установление и упрочение... С. 179—180; Крестьянская газета. 1917. 3 окт. (№ 74). С. 9.
50. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 2. Л. 15.
51. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 6. Лл. 10, 10об.
52. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 3. Л. 27.
53. Там же. Лл. 25об., 26.
54. Там же. Д. 4. Л. 19.
55. Там же. Л. 13об.
56. Там же. Л. 19.
57. Там же. Д. 6. Лл. 26об., 27.
58. Там же. Д. 5. Л. 81об.
59. Там же. Лл. 95, 95об.
60. Там же. Д. 3. Л. 20.
61. Там же. Д. 8. Л. 26.
62. Там же. Д. 5. Лл. 105, 105об.
63. Канищев В. В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный (погромное движение в городах России в 1917—1918 гг.). Тамбов, 1995. С. 68.

64. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 5. Л. 92.
65. Городилова Н. Октябрь в уездах // Октябрь и Гражданская война в Вятской губернии. Вятка, 1927. С. 29.
66. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 5. Лл. 94, 94об.
67. Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 2. Кн. 4. С. 224—225.
68. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 3. Л. 20.

Глава 7. Солдаты, рабочие и партийцы в дни агонии февральского режима

Симптомов того, что тыловые гарнизоны губернии из фактора стабильности начинают превращаться в один из основных генераторов смуты, хватало уже и в летний период. Проявлялось это в масштабном дезертирстве и отказах отправляться на передовую, в эпизодах перехода посланных с карательными целями в деревню солдатских команд на сторону крестьянства, в активном участии многих военнослужащих в погромном движении. Криминальные наклонности отдельных лиц, а то и целых воинских частей, случалось, проявлялись и при выполнении приказов, ориентированных совсем на другие цели.

Один из подобных случаев был зафиксирован в следующем телеграфном сообщении: «В ночь на 29 июня войсковые части стоящего в Глазове пехотного полка, в составе не менее двух вооруженных рот, по постановлению Глазовского Совета рабочих и солдатских депутатов, произвели повальный обыск в прилегающих к городу деревнях с целью обнаружения дезертиров и кумышкования. При обысках солдатами были допущены многочисленные грабежи и насилия». Местный исполком КОБ предложил Совету РСД (в котором огромным влиянием пользовались именно солдатские депутаты. — В. Б.) провести совместное расследование этого дела, но тот отказался [1].

В июле проигнорировали приказ об отправке на фронт вятский и глазовский гарнизоны, солдаты старших возрастов самовольно продлили свои отпуска. Практически безрезультатно окончились и попытки вербовать в маршевые роты местных солдат прибывшими с фронта делегатов [2]. С началом осени ситуация усугубилась. 25 сентября губернский комиссар телеграфировал в Главное управление милиции МВД: «В местном гарнизоне солдаты отказываются нести караульную и всякую иную службу, старики требуют немедленного отпуска домой, увещеваниям не поддаются; увещевавшего командира полка арестовали, избили депутатов. Положение весьма серьезное,

так как надежных солдат в гарнизоне нет, военные комитеты авторитетом не пользуются» [3].

С октября Временное правительство приступило к частичной демобилизации армии. 10 октября глава правительства А. Ф. Керенский и военный министр А. И. Верховский издали приказ о возвращении домой солдат, призванных в армию в 1897—1898 гг. [4]. Если этой мерой власти надеялись приглушить недовольство солдат продолжающейся войной, а также сбить волну нараставшей преступности, то они по обыкновению своему опять опоздали. Именно октябрь обозначил крутой перелом ситуации к худшему. Особенно «отличился» на этом этапе стоявший в Глазове 154-й полк. Группа солдат этой воинской части произвела четыре погрома в домах и складских помещениях торговцев Афанасьевской волости Бодалева, Смышляева, Торочкова и Тукациера [5].

В самом Глазове военнослужащие устроили пьяный дебош. Пресса сообщала: «Беспорядки, учиненные солдатами местного полка прекращены были... прибывшим отрядом из Вятки. Отряд арестовал несколько пьяных буянов... Несколько рот местного полка отправлены на фронт. Человеческих жертв не было, жизнь в городе вошла в нормальную колею» [6]. Безобразия творились и в других уездах. Так, в селе Селтах Малмыжского уезда пьяными солдатами был избит председатель волостной управы Носков [7].

Пытаясь минимизировать ущерб, причиняемый солдатскими бесчинствами, местные власти занялись ликвидацией запасов алкогольных напитков. В глазовском казенном винном складе, вслед за прошедшим погромом, было уничтожено 6700 ведер водки, на пивоваренном заводе — 3000 ведер пива. В начале декабря были опорожнены 162 бочки пива, общим объемом более семи тысяч литров, на складе вятского товарищества Жигулевского пивоваренного завода [8]. Подобная же операция была проведена в Елабуге [9]. Однако и в этих делах не обходилось без осложнений. В городской елабужский склад, где осуществлялось уничтожение спирта, ворвалась толпа солдат, захватившая остатки спирта и вина. В ту же ночь склад по неизвестной причине загорелся и был пожаром уничтожен полностью [10].

25 октября в столице большевики и их союзники свергли Временное правительство и провозгласили власть Советов, в ответ на что местная правящая «верхушка» сформировала антибольшевистский Верховный Совет по управлению губернией. События эти поставили гарнизон Вятки и ряда других городов региона перед необходимостью политического выбора. 4 ноября состоялось совместное заседание полкового, ротных и офицерских комитетов, проходившее под руководством председателя первого из них — Купчихина. Присутствовали и посланцы глазовского гарнизона; один из них, прапорщик

М. Драгунов, высказался за признание нового большевистского правительства, но не был поддержан большинством присутствующих [11].

Они сделали выбор в пользу недавно созданного Верховного Совета, назначив своими представителями в нем Думбадзе и Клабукова; но при этом комитетчики, несколько погрешив против логики, потребовали освобождения арестованных по приказу этого же Совета большевиков, в частности, П. Г. Фалалеева. В масштабах страны они одобрили идею создания «однородного социалистического правительства», без участия в нем «буржуазных партий» [12]. Таким образом, решение совещания выявило некоторый сдвиг влево в позиции вятского гарнизона, но, вместе с тем, оно было внутренне противоречиво, носило промежуточный характер, что, очевидно, соответствовало состоянию умов большинства находившихся в городе солдат.

К этому времени часть военнослужащих гарнизона уже перешла на сторону большевиков и их количество постепенно росло. Это обстоятельство, как и давление «снизу» самих солдат, подвигло губернские власти продолжить курс на сокращение воинского контингента в Вятке. 16 и 22 ноября Верховным Советом во главе с Саламатовым было проведена полная демобилизация солдат 1902 года призыва и частичная — 1899—1901 гг. [13]. Шаг этот не был санкционирован ни правительством страны, ни штабом Казанского военного округа; позднее он будет поставлен в вину членам Верховного Совета.

Командный состав вятского гарнизона, в свою очередь, противопоставил себя центральной большевистской власти в вопросах военного строительства. 4 декабря под председательством прапорщика Верещагина в Вятке состоялось собрание офицеров 106 полка, обсудившее правительственное постановление о введении в армии принципа выборности командиров, продублированное приказом по Казанскому военному округу, в который входила и Вятская губерния. Собрание отвергло этот принцип, как и само правительство, возложив свои надежды на грядущее Учредительное собрание, которое «установит закономерный уклад... воинской жизни». Решение это было доведено до полкового солдатского комитета [14].

Но в этом случае коса нашла на камень. С конца октября, не без влияния событий в столице, в вятском гарнизоне быстро и радикально меняются солдатские настроения, выстраиваются иные, чем прежде, взаимоотношения между рядовыми и командным составом воинских частей. Последний окончательно утрачивает свою власть над солдатами. Не дало результата и внешнее вмешательство. На исходе октября в Вятку с фронта, из 84-й дивизии, прибыл отряд офицеров, «ударников», георгиевских кавалеров, возглавляемых полковником Соловковым. В его планы входило установление контроля над 106-м

полком, в том числе путем обновления командного состава. Однако полковой комитет пронгнорировал приказы полковника, а бригаду ударников солдаты по его распоряжению разоружили [15].

В ноябре полковой комитет был значительно обновлен и, соответственно, стал еще более левым. Именно этот его состав, в ответ на непризнание офицерским собранием принципа выборности командиров, постановил: «...выборы командного состава произвести, весь офицерский состав уволить и обезоружить» [16]. С другой стороны, в этот же период Вятку стали покидать явные противники большевиков — начальник милиции Дробинин, часть офицеров, прокурор, некоторые служащие земской управы [17], что также повлияло на общую ситуацию в городе, на соотношение политических сил. В начале декабря вятские большевики, перехватывая власть у Верховного Совета, уже получили реальную поддержку в виде вооруженных отрядов, выделенных местным гарнизоном [18].

Разумеется, говорить о поголовной большевизации воинских частей тыловых гарнизонов Вятской губернии было бы явным преувеличением, но существенно то, что противники новой власти в регионе были лишены возможности опереться на серьезную вооруженную силу. Это делало их сопротивление безнадежным и бессмысленным. Демобилизацию военнослужащих, начатую «верховниками», большевикам пришлось продолжать и завершать. Присланный из «центра» в Вятку комиссар Лупарев в своем докладе в Совнарком 6 декабря так обосновывал необходимость этого мероприятия: «Ввиду того, что Верховный Совет издал приказ о роспуске резерва ополчения, негодных к строевой службе, а также и 1903 и 1904 годов призыва, и этот приказ был отдан по гарнизону бывшим начальников, я был вынужден в конце концов отдать распоряжение о роспуске означенных солдат, так как другого выхода совершенно не было. Солдаты начали колебаться и возможно, что они бы провели это в жизнь и без нашего распоряжения» [19]. Вскоре тем же путем придется идти и самому Совнаркому.

Политическая ситуация в городах губернии в немалой степени зависела от настроений и поведения рабочих, а они постепенно менялись. Пошли на спад те безусловные доверие и поддержка, какими в весенне-летний период пользовались в трудовых коллективах меньшевики. Их социальная база постепенно размывалась. Рабочие все больше разочаровывались не только в пропагандируемой меньшевиками теории «классового сотрудничества», но и — особенно — в том, как эта входившая в правительственную коалицию партия осуществляла эту теорию практически и в масштабах государства, и на губернском уровне.

В коалиционных кабинетах Временного правительства, то есть в период с мая по октябрь включительно, пост министра Труда был отдан меньшевикам. Его занимал М. И. Скобелев, затем К. А. Гвоздев. Первый из них, с большой помпой, вступая в должность, обещал подготовить и провести в жизнь ряд декретов в пользу рабочих, включая введение 8-часового рабочего дня. Однако и при этом министре, и при его преемнике законотворческая деятельность осталась преимущественно в области благих пожеланий, а само министерство превратилось в ведомство по сглаживанию конфликтов между рабочими и предпринимателями (что признавал и сам Скобелев, делая в июне доклад на I-м Всероссийском съезде Советов РСД) [20]. В серьезных конфликтах министерство Труда обычно становилось на сторону последних. Например, оно поддержало мнение Совета Петроградского общества заводчиков и фабрикантов о «недопустимости отпусков» для рабочих и солидаризовалось с министерством торговли и промышленности в его требовании интенсификации труда на производстве [21].

Вятские умеренные социалисты действовали в том же духе, как и их столичные лидеры, что достаточно ярко проявилось в работе проходившего в сентябре 4-го крестьянского съезда Малмыжского уезда. Председательствовавший на съезде неонародник М. И. Поспелов, делая доклад о текущем моменте, внушал делегатам: «За создавшуюся разруху мы не должны обвинять ни правительство, ни организации, потому что вина дальше (от уточнения, где именно, оратор уклонился. — В. Б.), да и теперь не время искать виноватых, а время жертвовать — давать деньги правительству, во избежание голодных бунтов — помочь хлебом» [22].

Слабым местом в рассуждениях Поспелова было то, что он почему-то призывал к жертвенности не все категории населения, а лишь малоимущие. В его устах это звучало так: «К жертвам призываются все, и если не все дают, то нельзя на это смотреть. Если не жертвуют капиталисты, так это понятно — родина является теперь мачехой; народу же она — мать родная, которую дети должны поддерживать, а не убивать» [23]. А в ответ на замечание делегата Заболотского о том, что неплохо бы и капиталистам раскошелиться на некоторые общественные нужды, секретарь съезда Бурдина заявила: «отнятие капиталов... у богачей сейчас явилось бы актом несвоевременным и нарушило бы принцип свободы личности». Ее поддержал товарищ по партии Кряжев, призвавший при этом крестьян-делегатов не брать дурной пример с буржуазии, прячущей свои денежки, а докладчик Поспелов поставил точку в вопросе: «Обращаться к капиталистам не нужно. Ведь крестьяне защищают свое, народное дело; неужели они не найдут средств у себя! Если люди не жалели

жизни своей за свободу, то крестьяне не должны жалеть четвертака» [24].

Эта изощренная демагогия, хотя и с трудом, но пока еще проходила на тех собраниях вятских аграриев, где инициативой владела неонародническая интеллигенция. Во всяком случае, малмыжский съезд принял резолюцию, внесенную эсерами. Таким же результатом завершился и состоявшийся в те же сентябрьские дни 3-й губернский крестьянский съезд. Но подспудно в его резолюциях звучало разочарование политикой правительства, что само по себе было не удивительно: ни одно из принципиально важных решений 1-го (июньского) губернского крестьянского съезда не было реализовано. Делегаты данного форума были вынуждены их продублировать, впрочем, с теми же шансами на успех.

Анализ материалов 3-го съезда показывает, что за прошедшие с начала лета месяцы позиции политически активной части вятского крестьянства хотя и не изменились принципиально (как уже отмечалось, они и ранее были достаточно радикальны), но зато ужесточились. В его решениях категорично звучали требования «беспощадной борьбы со спекуляцией», «беспощадного обложения имущих классов» и т. п. В резолюции по продовольственному вопросу спекулянты уже именовались врагами Родины и революции. Кроме того, делегаты высказались за отмену смертной казни, введенной правительством Керенского на фронте, и подчеркнули недопустимость дальнейшей отсрочки созыва Учредительного собрания. В области внешней политики съезд высказался за проведение твердой линии по отношению к союзникам России по Антанте «в видах международного выступления с предложением мира» [25]. Судя по заключительной фразе, до вятских аграриев, а возможно и местных эсеров и энесов, стало доходить, что в вопросах войны и обещанного мира лидеры союзных держав, рука об руку с отечественными либералами, просто водят за нос «российскую демократию».

В искусстве демагогии вятским эсерам явно не уступали и местные меньшевики, что, в частности, проиллюстрировали следующие события. В сентябре — октябре в типографии акционерного общества «Народная свобода» вспыхнула забастовка в связи с увольнением без всяких на то оснований одного из наборщиков. Вначале бастовавших поддерживал вятский профсоюз печатников, объединявший коллективы четырех типографий. Третейский суд, созданный губернским отделом Труда, обязал правление акционерного общества восстановить на рабочем месте уволенного наборщика, оплатив ему вынужденный прогул, а прочим рабочим — половину среднего заработка за дни забастовки. Однако правление а/о это постановление проигнорировало [26]. Ситуация складывалась серьезная, тем более что в числе прекративших рабо-

ту была типография губернского правления, монопольно выполнявшая заказы, связанные с выборами в Учредительное собрание. Последние оказались в регионе под угрозой срыва. Головной боли местным властям добавила и начавшаяся в те же дни забастовка сотрудников милиции [27].

Тем не менее конфликт завершился победой владельцев типографий, поскольку на городском собрании 200 членов профсоюза печатников 17 октября его меньшевистское руководство в ожесточенных спорах настояло на прекращении забастовки «на время выборов в Учредительное собрание». В принятой резолюции эмоционально осуждалась непорядочность тех самых лиц, на уступки которым меньшевики как раз и склоняли рабочих. Там говорилось: «Отказываясь временно от единственно сильного оружия классовой борьбы пролетариата — стачки, мы признаем, что общество должно заклеить каиновой печатью как изменников всех предпринимателей, умышленно оттягивающих ответ до начала работ по выборам в Учредительное собрание... считаясь исключительно со своей личной пользой в такой важный для России момент» [28].

Меньшевики Вятки в этот момент очень напоминали повара из известной крыловской басни, пытавшегося усовестить стащившего мясо кота Васю, а владельцы типографий — это милое домашнее животное, которое в той же басне «слушает, да ест». Эффект от подобной критики в плане воспитательного воздействия на предпринимателей был близок к нулю, а вот рабочим и крестьянам постепенно надоедало принимать во внимание не свою собственную, а исключительно буржуазную «личную пользу».

Крайне слабо использовали умеренные социалисты в целях защиты интересов своих избирателей и потенциал Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ограничиваясь в большинстве случаев лишь констатацией фактов попрания социальной справедливости и их моральным осуждением. Например, депутат, а затем и председатель Слободского Совета А. Г. Кушков в своих выступлениях не раз затрагивал проблему чиновничьих злоупотреблений на почве призывов в армию. Им приводились и конкретные данные по поводу того, как некоторые крестьяне уезда откупались от службы, давая взятки в канцелярии воинского начальника. Но максимальным результатом такого рода обсуждений становился запрос к начальнику милиции с просьбой проверить эту информацию [29]. Все это вместе взятое и разрушало прежнюю монополию идейного воздействия местных умеренных социалистов на население губернии.

Но вместе с тем не следует упрощать ситуацию. Процесс этот был отнюдь не прямолинейным. Свою роль играли и инерция общественного сознания, и то обстоятельство, что у тех же меньшевиков имелись и кое-какие зас-

луги перед вятскими рабочими. В частности, меньшевистский профсоюз вятских железнодорожников принял участие в закончившейся в ночь на 27 сентября всероссийской забастовке работников этого вида транспорта. Вятский стачком возглавлял Н. Яковлев, его заместителем был Н. Потапичев, а членами стачкома — А. Алпатов, А. Белых, А. Мерзлов, Плехов, Ситчихин; комиссар боевой дружины — В. Утробин. В результате этой акции Временное правительство издало декрет о прибавке к жалованью и обещало обеспечить железнодорожников одеждой, обувью и продовольствием [30].

Во всяком случае, даже в последние месяцы 1917 года на сторону вятских большевиков перешли далеко не все местные рабочие, хотя часть из них все же записалась в отряды Красной гвардии. По оценке рабочего-железнодорожника Г. В. Перминова, еще в октябре преобладающее большинство рабочих станции Вятка-1 «защищало политику Временного правительства и открыто придерживалось взглядов членов партии меньшевиков»; поворот в их настроениях произошел не ранее второй половины ноября. Именно с этого времени стало заметно расти число сочувствующих большевикам [31]. Хотя, как уже было сказано, случались исключения и раньше.

В период после июльских событий правящей коалиции не удалось нанести большевистской партии полное и окончательное поражение. Уже в конце июля — начале августа ее очередной (6-й) съезд проходил под носом у властей — в Петрограде, на Васильевском острове. После провала корниловского мятежа (а в противостоянии ему роль РСДРП(б) была значительной) популярность партии в народе стала быстро расти. Сентябрь отмечен процессом большевизации Советов Петрограда, Москвы и многих других промышленных городов.

Путь, пройденный в осенние месяцы вятской губернской организацией большевиков, как и прежде, не был усыпан розами. Но все же, хотя и медленно, ситуация стала меняться в их пользу. В первую очередь это касалось таких населенных пунктов, как Глазов и Ижевск. Основными факторами, предопределившими данный поворот, являлись бездарная политика Временного правительства, а затем и победа большевиков Петрограда. Естественно, что-то делалось и местными партиями.

Глазовские большевики пользовались поддержкой части солдат 154-го полка, хотя, как свидетельствуют описанные выше события в Глазове и его округе, еще сильнее в этой воинской части были анархические настроения. Тем не менее им удалось к концу августа завоевать довольно прочные позиции и в городском Совете РСД. Показателен тот факт, что уже 20 августа этот орган высказался за переход власти в стране в руки Советов. Члены городской

организации РСДРП(б), в первую очередь И. В. Попов и Н. Я. Шубин, помогали создавать Советы не только в населенных пунктах при промышленных предприятиях уезда (Залазинский, Омутнинский, Песковский, Пудемский заводы), но и в Балахнинской, Святицкой, Юкаменской волостях Глазовского уезда. К тому же они нередко инициировали преобразование волостных ячеек Крестьянского союза в Советы крестьянских депутатов. В ядро глазовской организации РСДРП(б), кроме упомянутых выше, входили также С. П. Барышников, Н. А. Амосов, братья Иван и Иосиф Волковы, прапорщик 154-го полка М. В. Драгунов.

Благодаря активной деятельности, им уже к началу осени удалось обрести определенное влияние (что вообще-то было нетипично для той поры) даже в крестьянской среде, потеснив при этом местных эсеров. Однако последние, вкупе с меньшевиками, все же и в середине осени сохраняли преобладающее влияние в сельской местности, а председателем Глазовского уездного Совета РСД до октября 1917 г. оставался прапорщик, эсер А. И. Шульц. Правда, эсером он был левым [32].

При всем при том глазовская группа РСДРП(б) была относительно немногочисленной. Числом членов ее существенно превосходили партийные организации ряда крупных заводов — Омутнинского (около 300 человек), Воткинского (до 200) и особенно Ижевского, достигшая к началу октября численности 749 членов. На последнем из названных предприятий, кроме того, сформировалась в составе 60 большевиков национальная эстонская партийная группа. Рост большевистских рядов шел на фоне распада переживавших кризис организаций умеренных социалистов, в первую очередь — меньшевиков, которых на Ижевском заводе в сентябре оставалось уже около трех сотен из общего числа 1400 человек в мае 1917 г. В Ижевском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов фракция РСДРП(б) в начале октября имела 57 мандатов из общего их числа 220, 10 ее членов входили в исполком Совета [33]. Но даже мощная ижевская партийная организация практически не работала с крестьянством. Лишь 24 октября она впервые послала пропагандистскую группу, да и то не в сельскую местность, а в уездный центр Сарапул [34].

В губернском центре эти процессы шли гораздо медленнее, тенденция к усилению позиций большевизма в политической жизни города была выражена гораздо слабее. После фактического распада вятской городской организации летом 1917 г., к началу октября ей удалось возродиться примерно в том же количестве (около 70 членов), но теперь уже в гораздо более «орабоченном» варианте. Ее фактический руководитель, рабочий-железнодорожник В. И. Лалетин в письме в ЦК РСДРП(б) во второй половине августа утверждал,

дал, что она пользуется определенным влиянием на ряде предприятий города (в железнодорожных мастерских станций Вятка-1 и Вятка-2, на фабриках Булычева и Гелис), с числом работников более двух тысяч человек. При этом он отмечал, что некоторое усиление позиций вятских большевиков в рабочей среде сопровождалось ослаблением их социальной базы в солдатской массе в связи с тем, что большая часть 106-го полка была к этому времени отправлена на фронт [35].

В целях консолидации крайне разобщенных и пока еще малочисленных сил в начале октября была организована 1-я губернская конференция большевиков. 17 ее участников три дня (2–4 октября) совещались в Народном Доме (ныне — здание ТЮЗа на углу улиц Ленина и Дрелевского). Заведовавший Домом меньшевик Журавлев был не слишком гостеприимен: взяв плату за несколько дней вперед, он отвел делегатам-большевикам подвальное помещение, где они работали при свечах, сидя на пустых ящиках [36].

Главными фигурами на конференции (2–4 октября) были явно не представители губернского центра. Вятские делегаты М. Попов, П. Фалалеев и П. Капустин (последний выступал) присутствовали лишь с правом совещательного голоса [37]. Бесспорным было лидерство глазовских большевиков. Из них же состояло избранное конференцией губернное бюро: И. В. Попов — председатель, М. В. Драгунов и А. Н. Злобин — члены. Кандидатами в бюро были названы Н. А. Амосов и Н. Я. Шубин [38]. 1-я губернская конференция большевиков не лучшим образом справилась с задачей объединения разобщенных партийных сил. Во всяком случае С. И. Малыгин, находившийся в конце октября в селе Дебесское Сарапульского уезда, пытался устанавливать связи с другими вятскими большевиками через ЦК РСДРП(б), где ему, действительно, назвали ряд адресов [39].

Главной проблемой вятской большевистской организации в этот период была острая нехватка образованных и «политически подкованных» ораторов и пропагандистов, способных на равных «сражаться» на собраниях, митингах, диспутах с партийной интеллигенцией либералов и умеренных социалистов. Характеризуя политическую ситуацию в Вятке, В. И. Лалетин сообщал в октябре в ЦК, что городской Совет РСД «левееет», но партийной организации не хватает интеллигентских сил. Даже относительно образованные землемеры М. М. Попов и А. С. Трубинский на том этапе отошли от политической деятельности. Что же касается недавнего ученика реального училища П. П. Капустина (со скандалом изгнанного из этого учебного заведения в 1917 г. за политические убеждения [40]. — В. Б.), то он против меньшевистских ораторов слаб. Помимо местных меньшевистских «соловьев» Алеева, Стол-

бова и других, приезжали питерский Алексинский, вологодский Трапезников, читали лекцию в «Колизее» (письмо от 17 октября) [41].

Падение 25 октября (7 ноября по новому стилю) 1917 года Временного правительства в столице не могло не наложить своего отпечатка на политическую обстановку в Вятской губернии. Уже 27 октября, в целях консолидации всех антибольшевистских сил в регионе, при губернском комиссаре (тогда еще — П. Т. Саламатове) был образован так называемый Верховный Совет по управлению губернией. В его состав вошли: от губернского земства — П. С. Басов, П. Н. Чирков, Л. В. Юмашев, городской голова Н. П. Алеев, от исполкома Совета РСД — капитан Суетов, крестьянский депутат В. Н. Макушин, от 84-й дивизии — поручик Мусатов [42]. Члены этого органа преследовали цель вывести губернию из-под власти большевистского центра, в определенном смысле оторвать ее от Советской России, в расчете на грядущее падение ленинского Совнаркома. В заседаниях от 27–28 октября на позиции непризнания советской власти встали также Вятская городская Дума (председатель В. В. Амосов), состоявшая главным образом из умеренных социалистов, и городской Совет РСД [43].

Вятский комитет РСДРП(б) на большевистский переворот в столице отреагировал относительно оперативно, призвав в специально выпущенной листовке местных солдат и рабочих к сплочению вокруг Советов, к защите революции и своей советской власти, к честному и добросовестному труду. К крестьянам была обращена просьба везти хлеб в город, ибо «голод — это гибель революции, гибель страны» [44]. Однако уже 29 октября Верховный Совет по управлению губернией, работая на опережение, разгромил городской большевистский комитет, дабы не допустить смены власти в Вятке и в губернии. В тот же день губернский комиссар П. Т. Саламатов приказал начальникам почтово-телеграфных контор перехватывать любые послания новой столичной власти в губернию [45].

Во время налета на помещение вятского комитета РСДРП(б) в ночь на 29 октября был арестован его казначей П. Г. Фалалеев, в ночь на 30-е та же участь постигла члена комитета С. Л. Мясникова и большевика-железнодорожника А. Д. Кошкина. Предупрежденные об арестах В. И. Лалетин и П. П. Капустин успели скрыться. Первый из них временно уехал на Урал, а второй прятался на квартире железнодорожника М. П. Шихова [46]. Оставшимся на воле большевикам удалось организовать митинги протеста на ряде промышленных предприятий и в 106-м полку и вынудить губернские власти, неделю спустя, выпустить на волю арестованных.

Но для решительного наступления на Верховный Совет у вятской орга-

низации РСДРП(б) определенно не хватало сил, требовалась помощь извне. Призыв о помощи прозвучал еще в начале октября, на 1-й губернской конференции большевиков, участники которой поручили избранному ими бюро обратиться в Кронштадтский Совет РД с просьбой о посылке в Вятку моряков — членов вятского землячества — и напечатать в центральной партийной прессе (в газетах «Социал-демократ» и «Рабочий путь») точно такую же просьбу ко всем вятским землячествам [47]. Раньше других откликнулся Екатеринбург. С Уралом у вятских большевиков завязались относительно давние связи. В конце апреля — начале мая П. Г. Фалалеев побывал на областном Уральском съезде железнодорожников, где познакомился почти со всем уральским обкомом РСДРП(б) — Н. Крестинским, А. Андреевым, А. Спундэ, Л. Сосновским и некоторыми другими. Уральские большевики снабдили его кое-какой партийной литературой и пообещали прислать в Вятку «активного работника» [48]. Обещание это они выполнили в октябре, послав туда А. П. Спундэ. Но газета «Уральский рабочий» стала появляться в губернии уже летом 1917 г.

Спундэ был опытным партийным работником и, похоже, талантливым пропагандистом, что вскоре испытали на себе местные умеренные социалисты. В ряде выступлений ему удалось взять верх над ними. До осени 1917 г. вятские умеренные социалисты в публичных диспутах, как правило, одерживали легкие победы над местными большевиками. Теперь же, когда политика правительственной коалиции вызывала все большее разочарование в народе, а большевики Вятки начали получать подкрепление в лице более опытных и грамотных партийных пропагандистов, эсерам и меньшевикам оказалось не просто освоиться в новой ситуации даже чисто психологически. Рабочий депо станции Вятка-1 П. П. Бабинцев вспоминал, как на собрании железнодорожников агитаторы-меньшевики Кабаков и Рыжаков потерпели поражение в диспуте со Спундэ и, не сумев доказать свою правоту, заплакали [49]. Отметился последний не только в Вятке. Рабочий-большевик А. И. Литвин свидетельствовал: у нас, на Воткинском заводе, когда я приехал сюда 21 сентября, «даже и не знали, что такое большевик». Организация образовалась 28 сентября, «когда приезжал товарищ Спундэ, и народ остался им доволен» [50].

Но и один Спундэ не делал погоду; поэтому П. П. Капустин в письме в ЦК РСДРП(б), отправленном 8 ноября, вновь взывал: «Немедленно шлите руководителей, так как таковых у нас нет совершенно. Посылайте обязательно и немедленно, не просим, а требуем, ибо масса ждет действий, а активно действовать мы не в состоянии — нет сил» [51]. В ноябре в Вятку стали прибывать подкрепления из центра, главным образом — из Петрограда.

Выступая на 2-й губернской партийной конференции (июль — август

1918 г.), М. М. Попов подтвердил, что перелом в работе вятской организации РСДРП(б) произошел в октябре — ноябре 1917 г., с появлением работников из центра [52]. С начала ноября, несколько укрепившись в Петрограде, большевистский ЦК стал уделять внимание регионам. В эти дни Петроградский Военно-революционный комитет рассылал на места своих эмиссаров: нести информацию о революции и организовывать советскую власть. «В нашу губернию, — отмечал А. Н. Новоселов, — были командированы товарищи Анцелович Н. М., И. И. Деришев, Филиппов и из Вологды товарищ Ветошкин. Анцеловичем и Ветошкиным были очень успешно проведены рабочие собрания на фабрике Булычева, на станции Вятка-1 и (23 ноября) в железнодорожных мастерских» [53].

Параллельно и в том же направлении шли подвижки в сельской местности. В десятых числах ноября комиссар Котельничского уезда сообщал в Вятку: «В уезде масса приезжих солдат с отпускными билетами от ревкома. Солдаты эти привозят с собой много большевистской литературы и ведут в деревнях агитацию за власть Советов» [54]. В ответной телеграмме от 13 ноября губернский комиссар не придумал ничего разумнее, как предложить ему преследовать большевистских агитаторов по суду, **в соответствии с законами свергнутого Временного правительства**, а также вести контрпропаганду, посылая в соответствующие населенные пункты своих людей [55].

Попытки организовать сопротивление большевистской власти имели место в отдельных уездах Вятской губернии. Так, 1 декабря в Уржуме созданный (по аналогии с Вятским Верховным Советом при губернском комиссаре) Совет при уездном комиссаре обсуждал вопрос о противостоянии одновременно и крестьянам, захватывающим имения, леса, мельницы, и большевикам «путем сплочения членов социалистических партий, демократических организаций, а также проведения митингов и собраний» [56]. Подобная «война на два фронта», при наличии большевистского правительства в столице и быстро развивавшихся левых настроений в массах, не имела никаких шансов на успех.

Провалившись в практической управленческой деятельности, не имея новых плодотворных идей и теряя поддержку в народных массах, вятские либералы и умеренные социалисты в своей борьбе с политическими противниками теперь тем более делали ставку на их очернение и демонизацию. Но и эта тактика становилась все менее эффективной. В середине ноября крестьянин села Больше-Ройское Уржумского уезда А. Роженцев писал в ЦК РСДРП(б): в уезде засилье эсеров, преимущественно сельская интеллигенция (учителя и др.). Эсеры много чего наговорили крестьянам про большевиков, особенно

про Ленина. Дескать, он немецкий шпион, Германия дала ему 20 миллионов рублей и т. п. «Но за последнее время вся эсеровская чепуха разлетается в прах благодаря началу прибытия по деревням товарищей солдат-большевиков». Крестьяне хорошо их слушают (крестьянство — «оно более чем большевики») и «почти со всей нашей программой согласны» [57].

Изменение политической атмосферы в деревне особенно ускорилось в декабре 1917 г., когда большевистское и левоэсеровское правительство страны декретировало решение о демобилизации разложившихся остатков бывшей царской армии России, а возвращение фронтовиков приняло массовый характер. Но и тогда картина сельской жизни оставалась крайне пестрой, а обстановка для большевистских агитаторов далеко не всегда была комфортной. В декабре большевик С. И. Малыгин, живший в это время в деревне Кабак Сарапульского уезда, сообщал в ЦК РСДРП(б): «В деревне преобладает беднота, кулаков мало. Но препятствием к созданию партийной организации выступают членские взносы, так как денег у крестьян нет... у нас голодные здешние крестьяне поголовно покупают хлеб, за пуд платят 15 рублей, где же они деньги возьмут...» Пришлось оставить агитацию за комитет, хотя во время моей поездки по деревням к самой этой идее все бедняки отнеслись сочувственно. «За агитацию я посидел под арестом, но благодаря населению выпустили», но сделать мы ничего не можем: «Милиция вооружена и пожарная дружина организована и вооружена — все из кулаков. Очень трудно работать, ежечасно угрожает опасность и у меня нет никакого оружия... Здесь не было выборов в Учредительное собрание и неизвестно, когда будут». Афиш партийных (предвыборных) тоже нет [58].

Но в целом ситуация в масштабах губернии была для либерально-социалистической коалиции практически безнадежной. Выступая в конце октября на чрезвычайной сессии губернского земского собрания и характеризуя ее, губернский комиссар П. Т. Саламатов констатировал, что армия не подчиняется властям, рабочие предъявляют «совершенно невыполнимые требования», «крестьяне захватывают помещичьи земли» [59]. Само выступление это было, по существу, свидетельством того, что рожденный Февралем режим полностью обанкротился и совершенно не контролирует ситуацию. Тем не менее вятские управленцы такого вывода не сделали, пытаясь любой ценой удержаться у власти.

В сложившейся после свержения Временного правительства обстановке последним шансом на сохранение власти для российских либералов и, особенно, умеренных социалистов становилось Учредительное собрание. В Вятской губернии выборы в него были назначены Верховным Советом 28 ноября

на 3, 4 и 5 декабря [60]. В этот же день Саламатов написал прошение на имя министра внутренних дел об отставке в связи с выдвижением его кандидатуры на этих выборах. Исполняющим обязанности губернского комиссара временно стал инспектор милиции А. Ф. Жуковский [61], но вскоре его сменил В. А. Трейтер. Подготовка к выборам велась и в предшествовавшие месяцы, в середине октября в местной прессе публиковались списки кандидатов по партиям и предвыборным блокам. Так, в меньшевистский список были включены Алеев Н. П., Бердников В. Н., Ватеркамф Л. Н. (Елабуга), Всевожский В. А., Журавлев М. С., Кролюницкий Н. А., Малков А. К. (Воткинский завод), Салтыков С. Н., Смирнов А. Н., Сосулин А. И., Столбов С. Я. и др. [62]

К выборам велась активная пропагандистская подготовка. Помощь извне получали не только большевики. К меньшевикам, например, помимо упомянутых Алексинского и Трапезникова, из Петрограда приезжала сестра доктора Трейтера; выступала на совместном заседании Верховного Совета с гарнизонным комитетом, полемизировала с М. М. Поповым. Собрание прошло бурно, но ни к какому определенному результату не привело [63].

Результаты выборов в Учредительное собрание примерно соответствовали средним по стране. В выборной гонке лидировали эсеры, собравшие 57% голосов от числа проголосовавших вятчан. Одним из тех, кто должен был представлять их организацию в российском парламенте, оказался и бывший губернский комиссар П. Т. Саламатов. Неплохой результат (237 тысяч голосов, или 22%) оказался у занявших второе место местных большевиков. Третий результат (5,2%) был получен партиями, представлявшими национальные меньшинства региона, четвертый (4,5%) — кадетами. Полное поражение потерпели вятские энесы (3,5%) и меньшевики (1,8%) [64].

Но для дальнейшего развития событий в Вятке и в губернии гораздо большее значение имела борьба за городской Совет РСД. С конца октября его меньшевистское руководство, опасаясь утраты контроля над этим органом, отказывалось проводить общее собрание депутатов. В ответ большевики инициировали пере выборы депутатов на промышленных предприятиях и в воинских частях тыловых гарнизонов. В частности, от рабочих железнодорожных мастерских в будущий состав Совета были избраны в ноябрьские дни Бульканов И., Горбушин И., Деришев И., Денисенко Г., Злобин Д., Куварзин И., Лалетин В., Лалетин И., Фалалеев П. и др. В конечном счете, под давлением «снизу», меньшевистский исполком назначил общее собрание Совета РСД на 25 ноября 1917 г. [65] Дата эта обозначила начало нового этапа в истории Вятской губернии.

Примечания к 7-й главе

1. Крестьянская газета. 1917. 7 июля (№ 48–49). С. 15.
2. Установление и упрочение... С. 166.
3. Там же. С. 183.
4. Крестьянская газета. 1917. 10–13 окт. (№ 76–77). С. 9.
5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 2. Л. 17.
6. Крестьянская газета. 1917. 31 окт. (№ 82). С. 9.
7. Там же.
8. Там же; ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 9. Лл. 108, 109, 109об.
9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 194. Д. 3. Л. 27.
10. Там же. Д. 4. Л. 19.
11. Там же. Д. 3. Л. 27.
12. Установление и упрочение... С. 209–210.
13. ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 9. Лл. 205, 206.
14. Вятская речь. 1917. 6 дек. (№ 260). С. 3.
15. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 36. Лл. 80, 81, 82, 83.
16. Вятская речь. 1917. 6 дек. (№ 260). С. 3.
17. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 35. Л. 50.
18. См.: Вятская речь. 1917. 6 дек. (№ 260). С. 2.
19. Установление и упрочение... С. 240.
20. Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964. С. 201–202.
21. Там же. С. 203.
22. ГАКО. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 1. Л. 6об.
23. Там же.
24. Там же. Лл. 6об., 7.
25. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 118. Лл. 14об., 15.
26. Установление и упрочение... С. 233–234.
27. Там же. С. 196.
28. Там же. С. 235.
29. ГАКО. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1. Лл. 56., 6об., 14 об., 17, 18, 20.
30. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 35. Л. 12.
31. Там же. Лл. 116, 116об.
32. См.: Сафонова Т. В., Ившина М. В., Лукина Н. В. История города Глазова. Вехи XX века: Учебное пособие. Глазов, 2003. С. 15–17.
33. Очерки истории Кировской организации... Ч. 1. С. 445.
34. Установление и упрочение... С. 196.
35. Переписка Секретариата ЦК... Т. 1. С. 161–162.
36. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 36. Л. 31.
37. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Лл. 2, 8.
38. Очерки истории Кировской организации... С. 450.
39. Переписка Секретариата... Т. 1. С. 411.

40. Там же. Т. 2. С. 320–321.
41. Там же. Т. 1. С. 416, 417.
42. Фаворов М. Октябрь в Вятке // Октябрь и Гражданская война в Вятской губернии. Вятка, 1927. С. 2.
43. Там же. С. 3, 5.
44. Установление и упрочение... С. 199.
45. Там же. С. 202–203.
46. Переписка Секретариата... Т. 1. С. 243–244; ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 35. Л. 116об; Д. 36. Л. 162.
47. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
48. Там же. Д. 36. Л. 156.
49. Там же. Л. 176.
50. Переписка Секретариата... Т. 2. С. 319.
51. Там же. Т. 1. С. 243–244.
52. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.
53. (Новоселов А. Н. Вятская организация ВКП(б) в 1917–18 гг. // Октябрь и Гражданская война в Вятской губернии. Вятка, 1927. С. 89.
54. ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 9. Л. 90.
55. Там же. Лл. 89, 89об.
56. ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 9. Лл. 448, 448об.
57. Установление и упрочение... С. 216–217.
58. Переписка Секретариата... Т. 2. С. 363–364.
59. Цит. по: Садырина Е. С. Октябрь в Вятской губернии. Киров, 1957. С. 90.
60. ГАКО. Ф. 1345, Оп. 1. Д. 9. Л. 182.
61. Там же. Л. 176.
62. Крестьянская газета. 1917. 17–20 окт. (№ 78–79). С. 3.
63. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 35. Л. 50.
64. См.: Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 363.
65. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 90.

АКТ ВТОРОЙ: ВЛАСТЬ СОВЕТОВ – ГОД ПЕРВЫЙ

Глава 8. Очередная смена власти

Итак, с большой неохотой, вынужденно, под давлением «слева» исполком Вятского Совета РСД назначил пленарное заседание членов этого органа на 25 ноября. Местные большевики, большинство из которых составляли солдаты [1], основательно к нему подготовились. 12 ноября при городском комитете РСДРП(б) в составе 15 членов (И. Деришева, Т. Захарова, В. Зобнина, В. Лалетина, М. Попова, П. Фалалеева и некоторых других) был образован Военно-революционный комитет [2]. ВРК явочным порядком начал кампанию по переизбранию депутатов городского Совета в частях гарнизона, так же как и на предприятиях промышленности и транспорта.

В середине ноября Вятский Совет РСД прежнего состава включал в себя около сотни депутатов. Председателем Совета был С. Л. Томич, секретарем — Ф. С. Князев, среди рядовых членов — Г. П. Ардашев, Афанасьев, Бердников, Васенин, Ф. Н. Дмитриев, М. С. Журавлев, Клабуков, А. Короваев, Мацкевич, П. Н. Чирков, Храмцов и многие другие [3]. Совет и его исполком, не признав власть большевистского правительства, поддерживали Верховный Совет по управлению губернией, делегировав в него 6 ноября Бердникова и Суетова, а через 10 дней дополнительно — Ардашева, Дмитриева, Князева, И. Н. Котова, Н. А. Кролюницкого, Мацкевича, Силаева (трех последних — в качестве кандидатов) [4].

В сложной, быстро менявшейся, особенно после 25 октября, революционной обстановке члены Совета жадно впитывали информацию о происходившем в столице и в стране в целом, пытались найти свое место в потоке событий. В заседании 6 ноября исполкомовцы заслушали доклады Храмцова, недавно вернувшегося из Петрограда, со 2-го Всероссийского съезда Советов РСД (того самого, который провозгласил власть Советов), Кролюницкого, также в столице участвовавшего в совещании представителей местных Советов, Дмитриева, приехавшего из Казани, а также сообщение Степанова о положении на фронте [5].

В ноябре депутаты Вятского Совета РСД на отдельных направлениях начали действовать несколько радикальнее, чем прежде. Так, на заседаниях исполкома Совета 6 и 9 ноября шла речь о решительной борьбе с виноторговлей, вплоть до уничтожения всех запасов спиртных напитков в городе; было решено также закрыть торговую точку в гостинице Миронова, где продавался алкоголь [6]. В целях усиления охраны города депутаты обратились к жите-

лям Вятки с призывом записываться в охранный отряд. Был подтвержден запрет на вывоз из губернии в другие регионы хлеба, а военной секции Совета предложено оказать вооруженную помощь продовольственным управам в борьбе с нарушениями этого запрета мешочниками [7].

Однако и на этом этапе Совет РСД не претендовал на реальную власть, а его радикализм ограничивался довольно узкими рамками. Так, в решениях его исполкома подчеркивалось, что ответственность за порядок в городе Совет РСД делит с городской Думой и ее управой. Сохранилось и боязливо-трепетное отношение умеренных социалистов к среднему и крупному капиталу. Отсюда смиренный тон обращения исполкома Совета от 9 ноября по весьма злободневному и давно «перезревшему» вопросу: «Просить Торгово-промышленный комитет воздействовать на предпринимателей и торговцев воздерживаться от спекуляции» [8].

Контролируемое меньшевиками руководство профсоюза кожевников на заседании 1 декабря, обсудив сообщение о том, что на заводе П. А. Вахрушева полностью игнорируются условия подписанного 17 ноября коллективного договора (между рабочими и хозяином предприятия), постановило «поставить на вид владельцу завода» [9]. Такие половинчатые, а порой и просто наивные решения на фоне обострившихся продовольственных и иных проблем были уже явно недостаточными и вели к изоляции советских меньшевиков и эсеров от большинства городского населения, создавая реальную почву для начатого большевиками процесса основательного обновления персонального состава городского Совета РСД, как и некоторых общественных организаций.

На пленарном заседании Совета РСД 25 ноября (закончившегося утром 26-го), похоже, столкнулись два его состава — прежний и новые депутаты, доизбранные в ходе инициированной большевиками перевыборной кампании. Колебания, а то и явный переход части старого депутатского корпуса на сторону большевиков тем более гарантировал им убедительную победу в этом столкновении. Открывал заседание в роли председателя военный врач, меньшевик Л. С. Томич, в ходе бурных дебатов он передал бразды правления прежнему руководителю этого органа, более опытному И. И. Войтову, однако это не помогло умеренным социалистам. Среди выступавших на заседании большевиков был и присланный в Вятку на должность комиссара новым правительством страны (Совнаркомом) Лупарев. При итоговом голосовании о взятии власти Советом за соответствующую резолюцию было подано 83 голоса, против — 37, два депутата воздержались. Как особо подчеркнул это в своих мемуарах А. Н. Новоселов, резолюция была принята голосами «членов Совета — рабочих и крестьян (точнее, солдат. — В. Б.) против голосов интеллигенции —

меньшевиков и эсеров» [10].

В описании местной прессы, заседание городского Совета РСД «закончилось оглашением декларации протеста против захвата власти, прочитанной членом Совета Н. А. Крелюницким от имени меньшевиков и социалистов-революционеров», а затем — выражениями протеста и отказами сотрудничать с обновленным Советом со стороны представителей губернского Совета крестьянских депутатов и профсоюза служащих. После чего депутаты — умеренные социалисты, сложив с себя депутатские полномочия, покинули зал заседания [11]. На следующий день (27 ноября) группа депутатов — большевиков — рабочий Софронов, солдат Юрьевский и прапорщик Ложкин, — в свою очередь явившись на заседание Верховного Совета по управлению губернией, зачитала там резолюцию городского Совета РСД о взятии власти и сделала заявление о решительном разрыве с «верховниками» [12]. Так оформились два региональных центра власти, между которыми началось затяжное противостояние, причем позиции Верховного Совета за пределами губернского центра (за исключением Глазова, Ижевска, Белой Холуницы и, с оговорками, Омутнинского завода) первоначально были сильнее, чем у его противника. В ряде уездов (особенно в южной части губернии) его открыто поддерживали комиссары и органы местного самоуправления. В частности, это касалось уездов Елабужского, Малмыжского, Уржумского. В двух последних в роли комиссаров выступали эсеры М. Поспелов и Березинский. В Вятском и Сарапульском уездах местные либералы и умеренные социалисты, действуя в унисон со своими столичными коллегами, образовали очаги антибольшевистского сопротивления — «комитеты спасения Родины и революции». В самом Сарапуле новая власть установилась 11 ноября [13].

После ухода из Совета противников большевиков был избран новый исполнительный комитет, фактически вобравший в себя всех членов Военно-революционного комитета — М. Попова, П. Капустина, Лупарева, И. Деришева, А. Трубинского, В. Лалетина, Груздева, Кошкина, Титлинова, Шубина и др. Для оперативной работы из состава исполкома была выделена более узкая группа — президиум Совета (Капустин, Лупарев, Попов, Трубинский, Фалалеев) [14]. На первых порах «большевизированному» Совету было не до созидательной работы. По свидетельству его первого руководителя М. М. Попова, в декабре 1917 г. «вся деятельность городского Совета... состояла в борьбе с Верховным Советом» [15]. Одним из главных ее направлений была расстановка на ключевые посты своих людей.

Новым начальником гарнизона был назначен поручик Мышкин. В губернскую типографию был отправлен комиссар, уполномоченный прекратить

выпуск бюллетеня Верховного Совета [16]. Помимо смены начальника гарнизона, 27 декабря исполком городского Совета (горисполком) назначил своего члена Юрьевского комиссаром станции Вятка-1, начальником милиции Вятки утвердил ее сотрудника Весенина. 29 декабря с мандатами комиссаров направились: Груздев — в местное отделение Госбанка, Шитов — в казначейство, Останков — на почту, а Попов — в казенную палату [17], где их ждал отнюдь не дружеский прием со стороны бастовавших или занимавшихся саботажем служащих.

Одновременно горсовет начал вмешиваться в процессы, происходившие в уездах, в определенной мере превращаясь в центр политической жизни не только города, но и региона в целом. Этой трансформации способствовало и то обстоятельство, что до января 1918 г. отсутствовал общегубернский советский орган, каковым со временем станет губернский исполком Советов. 7 декабря в Котельнич исполкомом Вятского Совета был направлен Останков, 19 декабря тем же маршрутом проследовал Курилов. 9 декабря в Слободской, ставший местом временного пребывания Верховного Совета, выехали: в качестве комиссара — И. И. Деришев, военного начальника — Ларионов. 11 декабря комиссаром в Орлов делегирован Ложкин [18].

Обновленный исполком Вятского Совета РСД, вместе со своими отделами, разместился в декабре 1917 г. на Владимирской улице, в доме бывшего губернатора. Позднее он находился в здании уездного съезда, откуда во второй половине марта (1918 г.) было решено переехать в помещение Духовной консистории [19]. Несмотря на определенную поддержку Совета РСД солдатами вятского гарнизона, опора эта, очевидно, представлялась его руководителям не слишком надежной. К тому же процесс демобилизации старой армии набирал силу. Поэтому уже в конце ноября комиссар Лупарев и председатель Совета М. Попов поручили большевику-рабочему П. Г. Фалалееву формировать отряд Красной гвардии. Первоначально ее функции определялись предельно скромно — охрана Совета РСД и комитета РСДРП(б) [20], затем они значительно расширились. Какую-то роль, наряду с солдатами гарнизона, красногвардейцы, очевидно, успели сыграть и в первых операциях Совета по борьбе с саботажем и установлением военного контроля над стратегически важными городскими объектами.

В свою очередь, Верховный Совет старался воздействовать на умы граждан, издавая свои бюллетени с призывами к неповиновению большевистской власти (были изданы, как минимум, два — 23 ноября и 5 декабря) и ускоренным темпом демобилизуя вышедший из подчинения 106-й полк [21]. 11 ноября по приказу Верховного Совета на лед Вятки были вылиты городские запа-

сы спиртного. Возможно (хотя это еще надо доказать) при этом преследовалась благая цель — устранить дополнительный источник напряженности и беспорядков в городе. Однако большая часть ликвидируемых запасов алкоголя оказалась захваченной сбежавшими к реке вятчанами, а само это мероприятие местные большевики расценили как сознательную провокацию со стороны Верховного Совета, именно как попытку организовать пьяный погром. Комментируя данное событие, П. П. Капустин писал в ЦК РСДРП(б): «Солдаты все страшно перепились, но дали себе честное слово из казармы не выходить. Погром не удался». Однако каким-то образом погибли несколько солдат, убивали их «господа буржуа — северные охотники» [22].

Кроме того, в течение ноября была основательно подготовлена общегородская забастовка служащих: создан подпольный стачком, служащим государственных учреждений и органов местного самоуправления выдали зарплату на месяц (а милиции — на три месяца) вперед [23] и т. д. Очевидно, что уже в конце ноября стал ощущаться пассивный саботаж служащих, за спиной которых стоял Верховный Совет и которые пользовались поддержкой интеллигенции и учащейся молодежи. Стараясь преодолеть его, большевистские руководители перешли к решительным действиям.

1 декабря решением Совета РСД в городе была организована демонстрация силы. 106-й полк, возглавляемый исполкомом Совета, с оркестром и знаменами прошел по городским улицам, установив кое-где свои караулы. Демонстрация прошла относительно мирно, лишь на углу улиц Николаевской и Спасской (ныне — Ленина и Дрелевского, а эпизод этот изображен в городской панораме. — В. Б.) вспыхнула небольшая перестрелка, вызванная чьим-то провокационным выстрелом [24]. В номере за 6 декабря «Вятская речь» сообщала: «В пятницу, 1 декабря, большевики с солдатами захватили помещение комиссара, разоружили милицию и объявили, что вся власть в губернии теперь принадлежит им». 3 декабря стачечный комитет предъявил им ультиматум, потребовав очистить здание комиссариата, дать возможность спокойно работать «законным органам власти в губернии — комиссару и Верховному Совету» и, в подкрепление своих требований, объявил всеобщую забастовку [25].

Ответные меры большевистского руководства были таковы. 4 декабря вооруженные солдаты заняли городскую электростанцию, водокачку и хлебопекарню. Туда же были назначены комиссары Совета [26]. 5 декабря исполком городского Совета РСД постановил взять подписку у членов Верховного Совета о сложении ими своих полномочий, арестовав при этом наиболее активных — Трейтера, Басова, Юмашева, а также — начальника гарнизона Вят-

ки и его помощника за самовольный, без согласования со штабом Казанского военного округа приказ о роспуске по домам солдат 106-го полка [27]. Члены Верховного Совета были вынуждены перейти на нелегальное положение.

Параллельно этим событиям Верховный Совет был лишен значительной части своей вооруженной опоры — рабочим отрядом Красной гвардии была разоружена особая дружина по охране города, возглавляемая причастным к партии эсеров офицером Гермогеновым. Что же касается прибывшего с фронта, из 84-й дивизии, отряда ударников, который первоначально также поддерживал Верховный Совет, то его члены, очевидно трезво оценив обстановку и реальное соотношение сил, после демонстрации 1 декабря заявили о своей лояльности по отношению к городскому Совету РСД [28].

Были сделаны и первые шаги в борьбе с разгулявшейся в условиях войны и революции уголовной преступностью. 2 декабря Совет принял постановление, в котором говорилось: «Всякие попытки к погромам, насилиям, грабёжам и вообще к нарушению общественного спокойствия будут беспощадно подавляться... вплоть до применения вооруженной силы и предания военно-революционному суду». О практическом исполнении данного постановления А. Н. Новоселов дал такую информацию: «Красная гвардия и часть солдат берут на себя охрану города. Бандитские шайки вылавливаются и заключаются в тюрьму. Один из наиболее злостных руководителей этих шайк — Виталий Поярков — расстреливается, и это сразу действует отрезвляюще...» [29]. Уже на этом этапе Вятский Совет РСД опирался на помощь извне. Ее оказал глазковский гарнизон, приславший учебную команду 154-го полка, а также — Советы Вахрушей и Белой Холуницы, направившие в Вятку рабочие отряды Красной гвардии [30].

Но забастовка служащих явилась мощным ударом по власти и авторитету городского Совета РСД. К тому же под воздействием местной прессы она имела тенденцию к расширению. 6 декабря газета «Вятская речь» опубликовала воззвание забастовочного комитета, в котором содержался призыв к гражданам не повиноваться новым властям, поддерживать бастующих и Верховный Совет по управлению губернией. В результате прекратили работу телеграф, почта, другие коммунальные и городские службы. Забастовщиков поддержала и часть профсоюзов, однако не все; некоторые встали на сторону Совета, либо объявили о своем нейтралитете. В числе последних — профсоюз кондитеров, булочников, колбасников и поваров, общее собрание членов которого в начале декабря постановило ввести 8-часовой рабочий день в тех производствах (например, при изготовлении колбас), где он до этого составлял 12—16 часов; по вопросу о захвате власти в городе Советом РСД было

решено соблюдать нейтралитет [31].

До 7 декабря в городе наблюдалось определенное равновесие сил между новой и старой властью. Само по себе установление большевиками военного контроля над некоторыми учреждениями и городскими службами был недостаточной мерой для прекращения забастовки, пока существовали центры, ею руководившие (стачком, Верховный Совет), а у ее участников сохранялась воля к борьбе. Да и оружием располагали не только большевики и их сторонники. В частности, железнодорожная меньшевистская организация имела свою дружину численностью до 50 штыков, причем она сохраняла численный перевес над большевистскими дружинниками до начала февраля 1918 г. Последние сумели ее разоружить лишь с помощью военной хитрости, совершив внезапное ночное нападение.

Не просто порой давалось городскому Совету РСД овладение в декабре (а возможно еще и в январе) предприятиями и учреждениями. Но существовало то, что, по словам командира железнодорожного отряда Красной гвардии А. Т. Кувалдина, захват электростанции, водоканализации, типографии, банков, органов местного самоуправления и т. д. происходил почти бескровно [32]. В целом же в первые дни существования большевистского Совета у его руководителей для перехода к более радикальным действиям не хватало сил и решимости. Ситуация заметно изменилась 7 декабря.

В этот день из Петрограда прибыл посланный питерским Военно-революционным комитетом в распоряжение Вятского городского Совета РСД так называемый Летучий отряд моряков Балтийского флота, возглавляемый матросом Запусом. Прибывшие со знаменем и оркестром торжественно прошествовали с железнодорожного вокзала в центр города, где от имени городского Совета их приветствовал чрезвычайный комиссар Лупарев. Запуск, по словам П. Г. Фалалеева, выделил для Вятки 70 матросов под командованием Ю. А. Дрелевского, И. К. Кириллова, Журбы, Гусарук и Пузырева, что довело находившиеся в распоряжении городского Совета РСД вооруженные силы до 200 человек. Матросы немедленно приступили к патрулированию улиц города. В последующем часть отряда была оставлена в Вятке, другая, под командой Журбы, направлена в Котельнич, и третья, под командой Пузырева, — в город Слободской [33].

8 декабря в Вятке были проведены выборочные аресты в среде руководителей антибольшевистского сопротивления. 8 декабря арестованы члены Верховного Совета — городской голова Н. П. Алеев, В. В. Амосов, Н. А. Кролюницкий, воинский начальник Сутоцкий и 12 милиционеров; на железной дороге в тот же день были задержаны торговцы опиумом [34]. В бюллетене

Вятского городского Совета РСД, вышедшем в свет 8 декабря, чрезвычайный комиссар Совнаркома Лупарев объявил всем служащим комиссариата, аппарат и штаты которого были унаследованы им от комиссаров Временного правительства, что «служащие, не явившиеся к исполнению своих обязанностей 9 декабря... будут считаться уволенными и их места будут замещены вновь приглашенными служащими». В этот же день была закрыта газета «Вятская речь». 15 декабря горисполком ввел предварительную цензуру периодических изданий, поручив ее комиссару по печати, а 19 декабря была запрещена газета «Вятская мысль». 24 декабря Летучему отряду было поручено задерживать членов профсоюзного комитета служащих и тем самым пресечь вывешивание ими по городу «провокационных воззваний» [35].

Кролюницкий уже 9 декабря был освобожден под подписку о невыезде, Алеев оставлен в заключении. Реакция на арест городского головы в Вятке была различной. О его освобождении стали хлопотать гласные городской Думы, некоторые профсоюзные руководители, часть служащих и интеллигенции. С другой стороны, рабочие торгового Дома «Зонов и С-я», обсудив факт ареста на своем собрании 10 декабря, одобрили действия властей [36]. Аресты несколько ограничили масштаб забастовки, но не прекратили ее; борьба продолжалась. 19 декабря оппозицией была созвана экстренная 60-я сессия губернского земского собрания. Ее участники постановили и далее не подчиняться большевикам, признавать лишь власть Верховного Совета (утвердив соответствующее воззвание к населению губернии) и ассигновали 10 тысяч рублей местному представителю «Союза защиты Родины и революции» меньшевику Кролюницкому, который, выйдя из заключения, продолжил активную политическую деятельность [37].

В ночь на 20 декабря Верховный Совет по управлению губернией понес серьезные потери: были арестованы и заключены в тюрьму П. С. Басов, Огнев, Н. А. Кролюницкий, В. А. Трейтер, Н. А. Чарушин [38]. Этот арест, очевидно, сыграл решающую роль в срыве довольно серьезной антибольшевистской акции, запланированной оппозиционерами на 20 декабря. Речь идет о назначенном на этот день местными эсерами губернском съезде крестьянских депутатов. Форум не состоялся: из 120 депутатов явились лишь 30 человек [39]. Вместе с тем следует иметь в виду и накопившееся к тому времени разочарование многих крестьян политикой партии социалистов-революционеров.

Однако и на этом этапе оставшиеся на воле «верховники» продолжили борьбу, переехав для этого в г. Слободской. В роли руководителя В. А. Трейтера теперь сменил некто Буянов. Но в последних числах декабря остатки Вер-

ховного Совета подверглись разгрому и в этом уездном центре [40]. Впрочем, еще один ощутимый удар большевистским властям они успели нанести, ибо в конце декабря 1917 года и в начале января 1918-го забастовка в Вятке вспыхнула с новой силой. «К забастовщикам присоединились торговцы, которые закрыли свои магазины и лавки. Город остался без света, воды и хлеба» [41].

Ситуация была настолько угрожающей, что решением совещания членов исполкома Вятского Совета РСД с представителями солдатских комитетов, профсоюза железнодорожников и некоторых других организаций 27 декабря был воссоздан (хотя и в обновленном составе) чрезвычайный орган — Военно-революционный комитет, в задачи которого, в числе прочего, входило общее руководство обысками, арестами и тому подобными действиями. 9 членов ВРК были делегированы военным отделом горисполкома, 106-м полком, Летучим отрядом и рабочей Красной гвардией. В их числе фигурировали — Быков, Коновалов, Курилов, Семенов, Юрьевский и др. [42] Среди членов ВРК не оказалось чрезвычайного комиссара Лупарева, по вполне объективной причине: в декабре он уехал в Москву с докладом правительству, в дороге заболел тифом и в Вятку уже так и не вернулся [43].

В конце декабря руководство горсовета обратилось к забастовщикам с компромиссным предложением приступить к работе на определенных условиях, которые сводились к следующему: 1) профсоюзный комитет служащих освобождается от «явно контрреволюционных элементов»; 2) в этом случае ему поручается самостоятельно устанавливать внутренний распорядок жизни учреждений; 3) в случае прекращения саботажа гарантировалось невмешательство в жизнь учреждений со стороны Совета РСД. Вместе с тем в обращении подчеркивалось, что служащие, не приступившие к работе до конца месяца, будут считаться уволенными без права на получение пенсии [44].

Далеко не сразу и явно не все забастовщики откликнулись на эти предложения. А. С. Трубинский на пленарном заседании Вятского Совета 13 января констатировал, что исполком этого органа «последние две недели употребил исключительно на борьбу, не проявив себя в творчестве» [45]. Десять дней спустя исполком Совета принимает выразительное постановление: «...взять в свои руки телефонную станцию», а прежних, участвовавших в забастовке служащих на работу «ни в коем случае не принимать» [46]. Однако с середины января сопротивление саботажников и тех, кто открыто бастовал, стало ослабевать. Не последнюю роль сыграл и раскол в среде самих забастовщиков. Например, рабочие хлебопекарни не только вышли из забастовки, но и на общем собрании, проведенном не позднее середины месяца, решили не допускать к работе тех служащих, которые в ней участвовали [47].

До начала февраля явное сопротивление оппозиции власти городского Совета РСД было сломлено, а координирующие его центры разгромлены. Касалось это не только бывшего Верховного Совета по управлению губернией, но и стачечного комитета, в значительной мере совпадавшего с профсоюзным комитетом служащих. В эти и последующие месяцы «комитетчики» на работу не принимались, при их выявлении и обнаружении подлежали аресту, и некоторые из них (например, Копысов) еще и в середине мая находились в заключении [48].

С «верховниками» обошлись несколько мягче. После арестов конца декабря они менее месяца были в заключении, а затем — не позднее 21 января — предстали перед судом губернского Ревтрибунала. Правда, не все. Суда избежали Н. П. Алеев и Н. А. Кролюницкий. Во время пребывания в тюрьме Алеев, осмотренный медицинской комиссией, был признан больным, переведен в губернскую больницу и оттуда бежал. Кролюницкий (в конце декабря арестованный повторно) бежал из тюрьмы [49]. Подсудимых Революционный трибунал, по существу, помиловал, приговорив лишь к году лишения политических прав и немедленно освободив из-под стражи. По крайней мере, один из них — В. А. Трейтер — еще и в 1927 г. жил в Вятке [50]. Некоторые арестованные освобождались без суда. Таким образом вышел на волю 24 декабря бывший комиссар Орловского уезда Иконников [51].

Какое-то время и после суда вопрос о «верховниках» сохранял актуальность. Так, в конце февраля 1918 г. меньшевик Рыжакوف делал запрос в горисполкоме: подлежит ли он суду как бывший член Верховного Совета или может продолжать работу в аппарате городского Совета РСД? Исполком по этому поводу постановил: запросить соответствующую информацию в Ревтрибунале, пока же никакой ответственной работы ему не поручать. В конечном счете, для Рыжакова его членство в Верховном Совете драматических последствий не имело. В последующие месяцы он фигурировал среди сотрудников горисполкома, а затем был назначен директором столовой для безработных [52].

В период с 26 ноября 1917 г. по начало февраля 1918 г. советская власть в Вятке прошла этап своего первичного становления и своеобразного «боевого крещения». У местных большевиков появилась возможность заняться практическими делами, решением «горящих» хозяйственных, финансовых, продовольственных и прочих проблем, установлением более прочных связей с органами управления, общественными организациями, населением региона. Фактором, облегчавшим решение последней задачи, стало появление у вятской организации РСДРП(б) своей газеты. Но само ее рождение было очень непростым.

Еще и в начале декабря 1917 г. даже публикация обычных бюллетеней Совета РСД представлялась почти неразрешимой проблемой. Для подготовки таковых при исполкоме Совета была образована редакционная коллегия в составе А. С. Трубинского, Иосифа и Николая Шубиных. Первый номер бюллетеня был отвергнут в типографиях Харитоновой и губернской. В типографии Епархиального братства при свечном заводе (настоятель завода о. Николай Фаворский) удалось договориться (при формальном согласии начальства) с рабочими-наборщиками Бабинцевым, Клестовым, Переваловым и некоторыми другими об их сверхурочной работе в вечернее время, за особую плату. Но, как рассказывал об этом участник событий П. Г. Фалалеев, к вечеру благочинные сняли мотор с печатного станка, обрезали провода и оставили цех без электричества. Пришлось рабочим прокручивать машину вручную; помогли и подпевшие железнодорожники. Со временем удалось вернуть мотор, подключить цех к энергоснабжению. Во избежание новых эксцессов была выставлена охрана из числа красногвардейцев. Бумаги не хватало, и Фалалеев, получив мандат от президиума горсовета и захватив с собою трех красноармейцев, отправился в губернскую типографию, где конфисковал ее 40 пудов [53].

Проделав первый опыт издательской деятельности, руководство городского Совета начало готовиться к изданию собственной газеты. Редактором будущей «Вятской Правды» был приглашен связанный «с печатным делом» журналист Карпов. Первый номер газеты вышел в свет 20 декабря 1917 г. В подготовке и выпуске его приняли участие М. М. Попов, И. В. Попов, П. П. Капустин, М. Мышкин, И. Кувалдин; техническую сторону дела обеспечивали М. В. Авакумов, наборщики И. Бабинцев, В. Перевалов, Клестов, Пересторонин, Федоров и др. Бумагой газету Фалалеев еще раз обеспечил за счет губернской типографии, с согласия руководства Совета конфисковав на станции Вятка-1 вагон присланной для нее бумаги [54].

Газету, распространяемую с помощью нанятых мальчишек, первоначально брали плохо, особенно интеллигенция. В рабочей среде спрос постепенно рос: к концу января тираж составил уже 4 тысячи экземпляров, а в середине июня 1918 г. — около 10 тысяч. Тогда же бывшую епархиальную типографию, как маломощную и устаревшую, закрыли, а печатание «Вятской Правды» перенесли в губернскую типографию [55]. Теперь это было во власти городского Совета РСД, хотя сказанное совсем не означает, что в 1918 году для его руководителей и членов наступила легкая жизнь.

Первый состав большевистского Совета РСД, состоявший почти исключительно из людей, не обладавших ни приличным образованием, ни — тем более — управленческим опытом, с самого начала столкнулся с целым «буке-

том» трудно разрешимых социально-экономических и политических проблем. В числе наиболее значимых: саботаж служащих и части рабочих управленческих учреждений и предприятий коммунального хозяйства, нехватка продовольствия и финансовых ресурсов, разгул преступности, отсутствие собственных силовых структур и органов правопорядка. Первой из указанных проблем мы уже коснулись, прочие рассмотрим ниже.

Примечания к 8-й главе

1. Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. М., 1967. С. 304, прим. 1.
2. Очерки истории Кировской организации... С. 469; Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 89.
3. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 1—3, 5, 7, 7об., 8, 10—12об.
4. Там же. Лл. 5, 10.
5. Там же. Л. 5.
6. Там же. Лл. 5, 7.
7. Там же. Лл. 7, 7об., 12, 12об.
8. Там же. Л. 7.
9. Вятская речь. 1917. 6 дек. (№ 260). С. 4.
10. Установление и упрочение... С. 236; Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 91.
11. Там же. С. 236—237.
12. Фаворов М. Октябрь в Вятке // Октябрь и Гражданская война в Вятской губернии. Вятка, 1927. С. 9—10; Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 94—95.
13. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 96—97; Очерки истории Кировской организации... С. 462; Переписка Секретариата ЦК... Т. 2. С. 319.
14. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 93.
15. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 18.
16. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 14.
17. Там же. Лл. 20об., 24об., 29.
18. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 15об., 16об., 18, 23.
19. Там же. Лл. 15об., 61.
20. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 36. Л. 196; Д. 38. Л. 56.
21. См.: Фаворов М. Указ. соч. С. 10.
22. Переписка Секретариата ЦК... Т. 2. С. 320—321.
23. ГАСПИКО. Ф. 45. ОП. 1. Д. 38. Л. 13; Установление и упрочение... С. 240.
24. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 95.
25. Вятская речь. 1917. 6 дек. (№ 260). С. 2.
26. Там же.
27. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 14.
28. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 95, 99.
29. Там же. С. 98—99.

30. Там же. С. 102.
31. Вятская речь. 1917. 6 дек. (№ 260). С. 4.
32. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Лл. 15, 18, 19.
33. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Л. 14; ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 15 об.; Установление и упрочение... С. 239; Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 102. (Новоселов ошибочно называет датой прибытия отряда 5 декабря, прочие источники указывают на 7 декабря).
34. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 15 об.
35. Там же; Установление и упрочение... С. 240; ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 19, 23, 25.
36. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 15; Установление и упрочение... С. 242–243.
37. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 103.
38. Там же.
39. Фаворов М. Указ. соч. С. 14.
40. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 103.
41. Фаворов М. Указ. соч. С. 12.
42. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 20 об., 21.
43. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 105.
44. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 246.
45. Установление и упрочение... С. 257.
46. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 37.
47. Там же. Л. 34.
48. Там же. Лл. 122, 122 об.
49. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 104.
50. Там же. С. 86; ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 36; Фаворов М. Указ. соч. С. 18, 19.
51. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 25.
52. Там же. Лл. 51 об., 121.
53. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 36. Лл. 1–4.
54. Там же. Лл. 4, 5.
55. Там же. Л. 5.

Глава 9. Формирование системы управления, силовых и правоохранительных структур (г. Вятка, декабрь 1917 – март 1918 г.)

С момента его большевизации, то есть с конца ноября – начала декабря 1917 г., Вятский РСД, постепенно преодолевая сопротивление противоборствующих сил, стал превращаться в центр политической жизни не только

города, но и – в определенном смысле – всего региона. На этом этапе центральная власть наделила местные Советы широчайшими полномочиями, которые, к тому же, вплоть до момента принятия первой советской Конституции (июль 1918 г.), не были регламентированы. Помимо отсутствия правовых ограничений, полновластие Советов на местах в рассматриваемый период способствовали и такие обстоятельства, как проистекавшая из ее молодости, неопытности и неукорененности слабость центральной власти и назначение Совнаркомом 9 декабря наркомом по городскому и земскому самоуправлению левого эсера Трутовского – одного из руководителей партии, ориентированной на максимальную децентрализацию государственной власти. Новому наркому было поручено проводить в жизнь «принцип полноты власти, как в центре, так и на местах» [1].

Накануне (29 ноября), в ответ на просьбу руководства Московского Совета подтвердить правомочность произведенной им замены губернского комиссара Ейлера губкомиссаром П. К. Штернбергом, Ленин телеграфировал: «**Вся власть у Советов** (выделено мною. – В. Б.). Подтверждения не нужны. Ваше отрешение одного и назначение другого есть закон» [2]. Подобного типа разъяснения давались и вятским руководителям. В письме за 15 февраля 1918 г. в Уржум Н. Елкину секретарь ЦК РСДРП(б) писал: «Вы делаете ошибку, если ждете точных указаний. В этом деле необходима самостоятельность и инициатива», разумеется, с учетом правительственных декретов. При этом в качестве основополагающего принципа местным большевикам предлагалось принимать во внимание интересы «народной бедноты» [3].

Узаконения центральной государственной власти Вятский горсовет в своей управленческой деятельности, как правило, принимал к исполнению, но нередко – с существенной задержкой. Так, 11 ноября 1917 г. ВЦИК и СНК утвердили декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», один из разделов которого гласил: «Имущества дворянских сословных учреждений немедленно передаются соответствующим земским самоуправлениям... Имущества купеческих и мещанских обществ немедленно поступают в распоряжение соответствующих городских самоуправлений». Декрет «приводится в исполнение местными Советами РСД» [4].

Два с половиной месяца спустя, 28 февраля 1918 г., исполком Вятского Совета РСД, во исполнение этого документа, предложил мещанской и ремесленной управам «немедленно сдать городской управе имущество, денежные суммы, делопроизводство и архивы» [5]. Причина промедления, указанная ранее, понятна: 1,5–2 месяца основные усилия вятских большевиков были посвящены не преобразованиям в социальной и иных сферах, а борьбе с Вер-

ховным Советом по управлению губернией и саботажниками-чиновниками. Определенное время требовалось также для структурирования самого Совета РСД, уточнения направления и методов работы, подбора кадров и т. д.

7 декабря 1917 г., при первом формировании 10 отделов исполкома уже большевизированного Совета (финансовый, продовольственный, военный, юридический, культурно-просветительный, труда, по обеспечению семей военнослужащих и др.), фигурировали фамилии 13 человек, большинство из которых стали начальниками отделов исполкома, а прочие — членами коллегий. В их число вошли Груздев И., Капустин П. П., Карпов, Кошкин А. Д., Лапин, Ложкин, Левин, Останков П., Попов М. М., Сорокожердиев, Трубинский А. С., Фалалеев П. Г., Юрьевский [8]. 10 декабря отделы исполкома были пополнены новыми лицами; это — Абакумов Д. А., Бердышев, Денисенко Г., Захаров Т. Х., Генгенрейдер И. И., Казаков И., Калинин И., Куклин А., Анисим и Александр Половниковы, Титлинов И. С., Симонов Я. П., Чиминев Н., Шитов А. [9]. В январе 1918 г. в роли секретаря зафиксирован Горбушин Иван [10]. На 26 января в качестве членов исполкома Совета (и при этом опять же, как правило, начальников отделов) фигурировали Безденежных А. Е., Белобородова, Денисенко Г., Захаров Т. Х., Капустин П. П., Куварзин И., Семенов, Тегер, Трубинский А. С., Горбушин И. [11].

Возглавил переизбранный Вятский городской Совет большевик из местных — М. М. Попов. В начале февраля 1918 г. по состоянию здоровья он уступил этот пост бывшему при нем секретарем А. С. Трубинскому. Заместителями последнего, в свою очередь, были избраны тогда рабочие-железнодорожники И. Д. Груздев и В. И. Лалетин [12]. В последующем структура и номенклатура отделов не раз уточнялись, происходили определенные изменения в персональном составе сотрудников и их руководителей. Кроме того, Совет и его исполком назначали руководящих работников в различных сферах городской жизни или рассылали своих уполномоченных (комиссаров) для выполнения каких-то разовых поручений.

Например, П. Г. Фалалеев был временно назначен комиссаром по городским кинотеатрам («Колизей», «Одеон») с целевым заданием провести в жизнь решение горсовета об их чрезвычайном налогообложении [13]. Более долговременный характер носило назначение члена исполкома Совета, солдата Юрьевского комиссаром станции Вятка-1. Тегер пост начальника культурно-просветительного отдела горисполкома сменил на портфель губернского комиссара (в составе губсовнаркома) по просвещению. Его прежнее место было предложено Н. Д. Шиляевой. 23 февраля на должность комиссара страхового общества был приглашен предложивший свои услуги Совету РСД

священник Давыдовский [14].

В 20-х числах февраля начальником вятского гарнизона назначен прибывший в декабре 1917 г. с фронта Лапин, а освобожденный от этой должности Мышкин влился (23 февраля) в штат горисполкома [15]. 27 февраля один из командиров Летучего отряда, матрос Ю. А. Дрелевский был введен в состав горисполкома и назначен комиссаром юстиции Вятского уезда [16]. 29 марта исполком назначил комиссаром телеграфа контролера почтово-телеграфной конторы Павлова, сопроводив это действие выдачей ему личного оружия [17]. Эти и некоторые другие назначения позволили новой власти ликвидировать в конце января 1918 г. институт губернского и уездных комиссаров Временного правительства, передав значительную часть управленческих функций созданному в середине февраля региональному правительству — Совету народных комиссаров (губсовнаркому) [18].

В процессе своего становления Советы довольно долго взаимодействовали с земствами и городскими Думами, вытесняя их относительно медленно и осторожно. Старые органы обладали богатым управленческим опытом, располагали кадрами специалистов; в Советах наблюдался дефицит того и другого. Разумеется, общая направленность политических процессов сомнений у членов правящей партии не вызывала, поскольку они, вслед за своим лидером, разделяли убеждение в том, что «только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества» [19]. К тому же у первых был ряд преимуществ перед вторыми. Рожденные народной инициативой в разгар революционных событий 1905-го, а затем и 1917 гг., Советы имели много общего с многовековой русской общинной демократией, в силу чего соответствовали менталитету и традициям большинства россиян, были укоренены в народных массах и пользовались их доверием.

Кроме того, они являлись не только органами местного самоуправления, но и — в отличие от земств и городских Дум — структурными элементами государственной власти [20], что значительно расширяло их возможности и повышало эффективность деятельности в сравнении с их предшественниками. Но первоначальное сотрудничество органов местного самоуправления двух типов было разумным и исторически вполне оправданным. Следует заметить, что во время Февральской революции старый государственный аппарат пострадал гораздо больше, чем в Октябре, что и послужило одной из главных причин захлестнувшей страну анархии весной — осенью 1917 г.

Первоначально и центральная власть не ставила вопрос о немедленном устранении земств и городских Дум. Более того, буквально на второй день

после провозглашения 2-м Всероссийским съездом Советов РСД советской власти, большевистское правительство (Совнарком) приняло, а 28 октября обнародовало постановление о расширении прав городских самоуправлений в вопросах продовольственного снабжения, причем речь в документе шла именно о старых органах местного самоуправления — городских Думах. Что же касалось местных Советов РСД, то они на этом этапе лишь наделялись правом «быть осведомленными о постановлениях и действиях городского самоуправления в продовольственной области» [21]. Правда, некоторое обновление их состава при этом не исключалось. Местным Советам в ноябре 1917 г. было предоставлено право распускать Думы и производить перевыборы в них [22].

Вятские большевики этим правом не воспользовались. Очевидно, не было уверенности в том, что будет получен положительный результат. Но главное — нехватка кадров, способных к эффективной управленческой деятельности, необходимых в первую очередь для заполнения штатов Советов РСД. Большинство депутатов Вятского Совета и членов его исполкома составляли рабочие, либо совсем не имевшие образования (например, П. Г. Фалалеев), либо — в лучшем случае — окончившие начальную школу. Кстати, именно эта обделенность культурными благами и связанное с нею отсутствие жизненных перспектив будили и питали ненависть по отношению к политическому режиму самодержавия, а затем и Временного правительства и у этих, и у миллионов других, находившихся в сходных условиях российских граждан.

Оказавшись после Октября у власти и на конкретных управленческих должностях, они справлялись с проблемой нехватки знаний по-разному. Кого-то из них выручали жизненный опыт, природная смекалка, организаторские способности, у кого-то не хватало и этого. Так, рабочий завода Зонова Стародумов Иван Петрович в 1918 г. был направлен рабочими предприятия в горисполком, где 4 месяца работал помощником заведующего отделом труда Маркова Василия Никифоровича. Затем вышел из состава исполкома, так как «был политически слаб». После чего профсоюз выдвинул его в Рабоче-Крестьянскую инспекцию, где он уже смог справиться со служебными обязанностями более успешно [23].

В целом же, как уже было сказано, большевистское руководство страны взяло курс на взаимодействие старого и нового местного самоуправления (с постепенным переносом центра тяжести на второе) на протяжении определенного переходного периода. За это время Советам предстояло не только прочно подчинить городские Думы и их управы своему политическому контролю, но и овладеть искусством управления в различных сферах — хозяйственной, социальной, военного строительства и т. д. В подобном духе были выдер-

жаны обращение Наркомата внутренних дел от 24 декабря 1917 г. и постановление 3-го Всероссийского съезда Советов в середине января 1918 г. [24] По похожему сценарию развивались события и в Вятской губернии.

Разумеется, не все проходило гладко. Первоначальный саботаж чиновников не только обострил отношения между ними и новым вятским руководством, но и заставил последнее поспешить с некоторыми организационными решениями: жизнь не стояла на месте, а проблемы нарастали как снежный ком. Член исполкома горсовета Братухин свидетельствовал: «В числе саботажников оказалась и губернская продовольственная управа, пришлось выделить свой продовольственный орган» [25]. На фоне этой политической борьбы Вятский городской Совет РСД 27 января 1918 г. по докладу П. П. Капустина, дополненному выступлением А. С. Трубинского, принял радикальное решение: «Городское самоуправление как таковое упразднить, переводя его отделы в соответствующие отделы Совета» [26].

Однако еще и в середине следующего месяца решение это не только не было выполнено, но круг обязанностей управы даже был несколько расширен: ей передавались бракоразводные дела и предлагалось немедленно организовать соответствующий отдел. Правда, вслед за этим, 20 февраля, горисполком постановил: «Городскую Думу и управу распустить, а весь аппарат переходит в распоряжение местного Совета» [27]. Но и на сей раз речь шла, по существу, не о физическом, а лишь о юридическом упразднении городской управы (Дума действительно распускалась), поскольку служащим ее предлагалось оставаться на своих рабочих местах [28], а отделы ее продолжали функционировать в прежнем режиме, хотя и под контролем советских руководителей.

В этом варианте кто-то должен был координировать порой однотипную работу отделов исполкомов горсовета и продолжавших функционировать отделов городской управы. Для этого 20 же февраля была образована коллегия по городскому самоуправлению (КГС). По первоначальному замыслу в нее должны были войти, в роли задающих общее направление работы, три представителя городского Совета (ими стали А. Е. Безденежных, А. Д. Кошкин, В. И. Лалетин), а также более многочисленные руководители отделов городской управы, избранные общими собраниями работников этих отделов [29].

Спустя несколько дней горисполком вернулся к этому вопросу, пересмотрев собственное решение в сторону снижения представительства в КГС от городской управы. В прениях на заседании исполкома говорилось о том, что сотрудничество с интеллигенцией, в связи с окончанием забастовки, желательно. Но, вместе с тем, не следует забывать, что интеллигенция «на дело смотрит не с нашей точки зрения», и заставить ее работать в нужном направ-

лении можно, лишь организовав над ней «строгий контроль» и реально овладев городскими финансами [30]. В соответствии с новым решением, в коллегию по самоуправлению городская управа теперь делегировала только троих своих сотрудников (одним из них оказался специалист в области заготовок продовольствия, активно сотрудничавший с советской властью В. Е. Максимов), а представительство горсовета, напротив, усиливалось. 22 марта в КГС дополнительно вошел П. Г. Фалалеев [31]. Сама коллегия объявлялась подотчетной исполкому горсовета, а ей, в свою очередь, передавались финансы («касса») городской управы [32].

Впрочем, все это было лишь началом пути. 6 марта 1918 г., в докладе о работе исполкома на сессии городского Совета РСД П. П. Капустин признавал, что процесс выстраивания управленческой системы проходит еще лишь одну из промежуточных стадий, каковой и являлось образование КГС. Наряду с этим даже в самом горсовете еще не завершено формирование отделов [33]. К данной проблеме вятские большевики возвращались и позднее. Так, на заседании горисполкома 27 марта 1918 г. было принято предложение П. П. Капустина объединить городское самоуправление с Советом [34], что практически должно было вылиться в ликвидацию как городской управы, так и коллегии городского самоуправления. Тем не менее и та и другая продолжали свою деятельность и во второй половине апреля, и в конце мая, и в конце июня [35]. Таким образом, как минимум до середины 1918 г., вятские советские и партийные руководители активно использовали в своей деятельности рабочий аппарат старого городского самоуправления — отделы городской управы.

Постепенно выстраивались новые органы правопорядка. На основании декрета Совнаркома «О суде» от 22 ноября 1917 г. не позднее начала января 1918 г. был сформирован губернский Революционный трибунал. Функции и порядок формирования этого органа в декрете определялись следующим образом: «Для борьбы против контрреволюционных сил... а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц учреждаются рабоче-крестьянские революционные трибуналы в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами РСД. Для производства же по этим делам предварительного следствия при тех же Советах образуются особые следственные комиссии» [36].

В марте Ревтрибунал был переизбран; теперь его возглавил Исаев, в роли членов этого органа выступали М. Попов и П. Капустин. Кроме того, в заседаниях трибунала участвовали присяжные заседатели, из нескольких де-

сятков которых 11 человек (Безденежных, Бражников, Генгенрейдер, Горбушин, Кощеев, Леонтьев, Сафранов, Ульянов, Цилке, Шумитин, Шумихин) были делегированы горсоветом. Председателем следственной комиссии в феврале 1918 г. являлся Клобуков [37]. Бывший командир летучего отряда Ю. А. Дрелевский был назначен комиссаром юстиции Вятского уезда, а где-то с лета 1918 г. — города Вятки. Исполкомом горсовета в марте были избраны (по существу назначены) народные судьи — Г. А. Молчанов и А. Л. Тупицын, а также предложено профсоюзам, воинским частям и партийным организациям большевиков и левых эсеров определить кандидатуры в общей сложности 60 заседателей для участия в работе народных судов, пришедших на смену дореволюционным окружным судам и мировым судьям [38].

Упрочение власти Совета РСД было невозможно без опоры на собственные вооруженные силы. 106-й запасной полк, сыгравший определенную роль в захвате власти в городе вятскими большевиками, в конце 1917 — начале 1918 г. был в основном демобилизован. Соответственно выросло значение прибывших из центра Летучих отрядов и формируемых на месте рабочих отрядов Красной гвардии. В конце 1926 г. вятский Истпарт [комиссия для сбора материалов по истории революций и Гражданской войны при городском комитете ВКП(б)] составил список первых членов отрядов Красной гвардии в Вятке. В нем значились фамилии около полусотни человек, в том числе:

Бабинцев Павел Павлович, Бнатов Ф. И., Булькановы Алексей и Иван, Бусыгин Василий, Гайдукевич Владимир, Генгенрейдер Иван, Груздев Иван, Голубков Петр, Девятериков Павел, Зобнин Дмитрий, Зубарев Василий, Капустин Петр, Колотов Василий, Коновалов Аркадий Филиппович, Котельников Матвей, Коровин Иван, Кувалдин Алексей Тимофеевич, Кувалдин Михаил, Лалетин Василий, Лалетин Григорий, Лалетин Илья, Попов Афанасий, Попов Иван, Рябов Иван, Ситников Иван, Утробин Василий, Фалалеев П. Г., Шихов Максим и другие. Несколько позднее к ним добавились Алесон Петр, Иванов Александр, Клабуков Петр, Коркин Семен, Маркелов Михаил, Мамаев Афанасий, Мистрюков Алексей, Опарин Дмитрий, Перевощников Семен, Слободчиков Владимир, Сунцов Петр, Халявин В. Е., Цыбин Дмитрий и проч. [39].

Первый отряд в составе 48 человек, по поручению руководства Вятского Совета РСД организовал П. Г. Фалалеев, в доме которого, по адресу Пупыревская площадь, дом № 52/2 первоначально размещался и штаб соединения. Винтовками и патронами, не без риска для собственной жизни, отряд снабдил служивший оружейником в 106-м полку Аркадий Коновалов. Ему, с помощью сына, удалось тайком вынести со склада 50 винтовок и 8 тысяч патронов. Комиссаром отряда горсовет назначил Василия Утробина, его помощником —

Максима Шихова. Основу вятской Красной гвардии составили рабочие-железнодорожники, как члены РСДРП(б), так и беспартийные. Рабочие заводов и фабрик, по некоторым оценкам, в событиях 1917 г. оказались более пассивными. Большевик Н. Деньгин категорически утверждал, что у власти ему и его товарищам удалось удержаться лишь благодаря железнодорожникам. Они же составляли ядро Красной гвардии и в последующие месяцы [40]. Еще один отряд образовался на фабрике Булычева. В числе рабочих-партийцев в нем были представлены Гайдукевич, Касаткин, Коровин, Лагунов и др. [41]

Контроль над железной дорогой имел стратегическое значение в плане снабжения Вятки и других населенных пунктов губернии, с военной точки зрения и т. п. Между тем здесь и в конце 1917 г. оставались сильными позиции меньшевиков, причем как в региональном, так и во всероссийском масштабе. В их руках оставалось руководство отраслевым профсоюзом — Всероссийским исполкомом железнодорожников (ВИКЖелем). Командир отряда Красной гвардии Кувалдин Алексей Тимофеевич вспоминал:

Главным был вопрос — удержим ли мы власть, не имея управленческого опыта, в условиях наступившей разрухи. Основными в тот момент были три проблемы: борьба с контрреволюцией, борьба за хлеб и за овладение железными дорогами, где в это время хозяйничал эсеро-меньшевистский ВИКЖель. Он вел борьбу против советской власти, «им задерживались эшелоны с Красной гвардией, хлеб, фураж, снаряжение и прочее». На местах, в том числе и в Вятке, были созданы участковые железнодорожные исполкомы, проводившие ту же политику. Вятский железнодорожный меньшевистский исполком имел вооруженную дружину из 50 человек, находившуюся при станции Вятка-2. Только ее разоружение (ночью врасплох силами отряда всего лишь в 14 человек) обеспечило перелом в ситуации. Дружинников отпустили под письменное обязательство не бороться с советской властью. Контроль со стороны отряда за служащими заставил их выполнять свои обязанности. Положение дел на транспорте стало улучшаться. Отряд охранял склады, кассы товарного двора, патрулировал железнодорожную линию. На 3—4-й день начался его рост. Пришли люди солидные, средних лет — Девятериков, Перов и др. Кроме винтовок имели два пулемета, один мотоцикл, две кавалерийские лошади. Жалование не получали, продукты — из конфискованных. Два часа в день изучали военное дело. В мае отряд насчитывал уже 130 человек [42].

Обязанностей у отряда было много: охрана железнодорожных сооружений, особенно Загарского моста через реку Вятку, и огромных складов с фуражем и «военными припасами»; контроль за движением поездов, в первую очередь военных; тайное наблюдение за действиями администрации желез-

нодорожных мастерских; борьба с контрреволюционной пропагандой и с мешочниками-спекулянтами; охрана важнейших городских учреждений и предприятий [43]. Прежняя городская милиция, получившая жалование за три месяца вперед (как утверждает Фалалеев), занималась саботажем. Подменяя ее в деле охраны порядка, красногвардейцы патрулировали город без денежного вознаграждения, за обычный хлебный паек [44].

Случались и конфликты между ними и горожанами, в горсовет от последних порой поступали жалобы. П. П. Бабинцев в своих мемуарах возлагал вину за злоупотребления на просочившихся в отряд бывших городских, однако конкретных фамилий не называл. Городской партийный комитет в январе 1918 г. на жалобы отреагировал созданием специальной комиссии. Правда, в нее вошли руководители и члены отряда Красной гвардии — А. Ф. Кувалдин, М. П. Шихов и тот же Бабинцев [45], которые, по существу, занялись самопроверкой. Полностью результаты работы комиссии неизвестны. Не исключено, что одним из них стало узаконенное 20 февраля 1918 г. горисполкомом требование к вступающему в Красную гвардию предоставлять рекомендацию, либо утвержденную профсоюзным комитетом, либо подписанную одним из членов Вятского горисполкома [46].

Вопрос о судьбе старой милиции решался новой властью сложно и долго.

Первоначально ее однозначно рассматривали как силу враждебную и, к тому же, достаточно опасную. Поэтому на заседании горисполкома 19 декабря командир Летучего отряда И. К. Кириллов потребовал немедленного ареста «членов уголовной милиции». Решение такое было принято [47], но, очевидно, осталось невыполненным, поскольку уже 23 декабря особым постановлением городской власти милиция оставалась на содержании управы; право контроля и распоряжения ею Совет РСД закрепил за собою. Тогда же горисполком выдал из своих средств каждому сотруднику милиции аванс в сумме 25 рублей [48].

Тем не менее, пока еще вопрос о судьбе милиции оставался открытым, а отказ от ее немедленной ликвидации рассматривался как явление преходящее и вынужденное. Когда в середине января 1918 г. в селе Кстинино (надо полагать, местными властями) были разоружены несколько милиционеров, Вятский горисполком распорядился вернуть им оружие, но с характерной формулировкой: «временно... до организации советской власти и до выбора Красной гвардии» [49]. Перелом в отношении к милиции как к необходимому государственному институту произошел уже ближе к лету 1918 г., что, в частности, подтверждается выступлением губернского военкома Малыгина 8 июля на собрании комиссаров участков вятской городской милиции [50].

Далеко не последнюю роль в жизни города и всего региона с декабря 1917-го по весну — лето 1918 г. играли Летучие отряды, отнюдь не случайно появившиеся во многих губерниях России, в том числе и в Вятской. Дело в том, что еще 5 декабря 1917 г. Совнарком ассигновал 20 тысяч рублей нарком по морским делам П. Е. Дыбенко (по его просьбе) «на экстраординарные расходы для посылаемых в экспедиции отряды по борьбе с контрреволюцией» [51]. Порой такого рода отряды одновременно нацеливались и на заготовку продовольствия для голодающих городов центра и Северо-Запада России. Роль их в событиях конца 1917-го — первой половины 1918 г. неоднозначно воспринималась даже в большевистской среде, что, в частности, отражено и в текстах воспоминаний вятских партийных работников.

Так, П. Г. Фалалеев оценивал ее высоко, обращая внимание на тот факт, что с самого начала горсовет поручил Летучему отряду «организовать заградительный отряд на Вятке-1-й и все нелегальные грузы продовольствия... передавать в распоряжение горпродкома, благодаря чему Вятка вышла из критического положения голода». Летучий отряд решительно боролся со спекулянтами, которые порой объединялись в вооруженные группы [51]. Более сдержан в оценках А. Н. Новоселов. Хотя отряд существенно укрепил силы большевистского Совета РСД, — писал он, — но, «вместе с тем, он доставил и немало беспокойства Вятскому Совету. Дело в том, что в отряде было чрезвычайно слабое коммунистическое влияние, а командный состав (Журба и др.) был настроен анархически» [52].

Параллельно с вооруженными силами городского Совета складывались и структуры управления ими. 7 декабря, в процессе формирования депутатами и представителями воинских частей (гарнизона Вятки, Летучего отряда) первого состава исполнительного комитета большевистского Совета РСД, в числе прочих был образован военный отдел. В него вошли поручик Н. Г. Лапин, солдаты Сорокожердиев и Юрьевский, а также назначенный 5 декабря новым начальником гарнизона поручик Мышкин. Задачи отдела первоначально сводились к организации отрядов Красной гвардии и усилению охраны городских предприятий и учреждений. Для охраны города в тот же день было выделено 130 военнослужащих [55].

Что касается такой ключевой в военном отношении должности, как начальник городского гарнизона, то в этом качестве, наряду с Мышкиным, уже с 9 декабря стал упоминаться Лапин, а в феврале 1918 г. второй полностью вытеснил первого. Но, оставаясь и дальше членом исполкома, Мышкин продолжал заниматься вопросами укрепления военной силы городского Совета [56]. В марте 1918 г. он приезжал в Москву, обращался в Центральный Коми-

тет большевистской партии, после чего секретарь ЦК снабдил его следующей запиской к военному руководству страны: «Прошу Главный штаб Красной Армии способствовать получению оружия и обмундирования тов. Мышкиным, командированным Вятской организацией» [57]. 20 февраля горисполком постановил упразднить должность начальника гарнизона [58], но, судя по последующим событиям (со временем мы к ним еще вернемся), Лапин это решение проигнорировал.

10 декабря 1917 г. военный отдел горисполкома пополнился новыми лицами. В него вошли Калинин Иван, Чиминев Николай, Шитов Аркадий [59]. Вместе с тем значение его снизилось в связи с возрождением в конце месяца чрезвычайного органа — Военно-революционного комитета. ВРК включал в себя представителей военного отдела исполкома Совета РСД (Коновалов, Курилов, Юрьевский), 106-го полка (3 человека, в частности, Быков и Семенов), Летучего отряда (двое) и одного от Красной гвардии. Руководство горсовета поручило ему формирование «революционных отрядов» и силовую поддержку продовольственных органов. После обнародования принятого 15 января 1918 г. Совнаркомом декрета о строительстве революционной Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) к числу задач, решаемых вятским ВРК, добавилась и эта [60].

В конце января 1918 г. была произведена очередная реорганизация исполкома Вятского горсовета. Его структура усложнилась, стала более дробной. Произведенная к этому времени ликвидация ВРК вновь повысила значение военного отдела, который теперь возглавил С. С. Семенов; в нем появились подотделы: по созданию «социалистической армии», штаб Красной гвардии, гарнизонного хозяйства, охраны города и ликвидационный — для устранения лишних лазаретов и госпиталей. Параллельно продолжались кадровые перетасовки. 14 марта в штат отдела повторно был зачислен солдат Сорокожердиев, однако уже 18 марта выведен из него по причине болезни и большой загруженности. Вместе с ним покинул отдел Андреев, не исключено — по сходным причинам (он в это время являлся членом чрезвычайной следственной комиссии губернского трибунала и гарнизонной военной коллегии). В тот же день (18 марта) горисполком утвердил коллегию военного отдела в составе — Леонтьева (председатель), Басова, Ильичева, Коновалова, Москвичева и Рыбака [61].

С наступлением весны 1918 г. продолжало оставаться немало вопросов в области взаимоотношений между различными находившимися в городе вооруженными формированиями, а также — между ними и городской властью. К тому же в это время количество воинских частей в губернном центре увели-

чилось, и 10 марта при горисполкоме было созвано совещание «для выяснения их функций». В нем участвовали делегаты от формируемых красноармейских частей, отрядов Красной гвардии, Летучего отряда, авиационного парка и «тяжелого дивизиона». Они договорились перестроить военный отдел горисполкома на основе принципа участия в нем по одному представителю от каждого из названных выше воинских подразделений. Лишь на этих условиях они согласились подчиниться реорганизуемому органу. Исключение составил анархистствующий Летучий отряд, оставшийся «на положении свободного флота» [62]. Все эти пертурбации военного строительства были закономерными, они задавались чрезвычайной сложностью и пестротой политической жизни региона периода первичного становления в нем советской власти.

Примечания к 9-й главе

1. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 гг. М., 2006. С. 95.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-130. Оп. 1. Д. 74. Л. 29.
3. Переписка Секретариата ЦК РКП(б). М., 1959. Т. 2. С. 208.
4. ДСВ. Т. 1. С. 72.
5. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.
6. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 62.
7. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38.
8. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 15, 15об.
9. Там же. Л. 17.
10. Там же. Лл. 33, 36.
11. Там же. Лл. 39, 39об.
12. Там же. Л. 43. и др.
13. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Л. 14.
14. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 47, 49, 54 об.
15. Там же. Л. 49; ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Л. 13.
16. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 45об.
17. Там же. Лл. 73об., 74.
18. Там же. Лл. 39, 50об.
19. Цит. по: Мамаев А. В. Проблемы трансформации самоуправления в пост-революционном городе (на примере г. Вятки) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия история. 2006. № 3. С. 195.
20. Там же; Орлов Д. Реформа местного самоуправления: угроза жизнеспособности народа и государства // Точка РУ. 2007. Июнь. № 3. С. 7.
21. ДСВ. Т. 1. С. 26—29.
22. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 1. Д. 74. Л. 28.

23. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 36. Л. 82.
24. См.: Мамаев А. В. Указ соч. С. 196.
25. Установление и упрочение... С. 258.
26. Там же. С. 261.
27. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 45об., 47.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же. Л. 51.
31. Там же. Лл. 66, 96.
32. Там же. Лл. 47, 51об.
33. Установление и упрочение... С. 266.
34. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 70.
35. Там же. Лл. 96, 97об., 104, 122, 138об., 142, 144об., 156об.
36. ДСВ. Т. 1. С. 125—126.
37. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 45об., 63, 63об.
38. Там же. Лл. 73об., 154об. и др.
39. Там же. Л. 63об.
40. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Лл. 38, 39.
41. Там же. Лл. 12, 56; Д. 36. Л. 144; Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 93.
42. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Лл. 15—18.
43. Там же. Лл. 20—23.
44. Там же. Л. 13.
45. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 36. Л. 178об.
46. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 48.
47. Там же. Лл. 15, 15об.
48. Там же. Л. 23.
49. Там же. Лл. 24 об., 25.
50. Там же. Л. 33.
51. Там же. Л. 160.
52. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров. Ноябрь 1917 — март 1918 гг. М., 2006. С. 114.
53. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Л. 14.
54. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 102.
55. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 14, 15, 15об., 16.
56. Там же. Лл. 16, 49.
57. Переписка Секретариата ЦК... М., 1967. Т. 3. С. 45.
58. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 47.
59. Там же. Л. 17.
60. Там же. Лл. 20об., 21, 34.
61. Там же. Лл. 39, 39об., 60, 61, 61об.; ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Л. 34.
62. Там же. Лл. 58, 59.

Глава 10. Политическая жизнь региона (январь — апрель 1918 г.)

Картина становления власти Советов в уездах была довольно пестрой. Относительно быстро это произошло в Белохолуницком заводе. Правда, и в начале осени здесь преобладающим, особенно среди служащих, было влияние либералов, умеренных социалистов, встречались и монархисты. Тем не менее большевикам, вместе с сочувствующими, удалось в середине сентября создать неплохо вооруженную дружину и даже выставить с завода какого-то чиновника, приехавшего из Слободского организовывать антибольшевистский «Комитет спасения Родины и революции». В первой половине октября был сформирован в составе 18 человек довольно левый Белохолуницкий Совет рабочих депутатов, в конце месяца родился профсоюз. На базе последнего при заводууправлении — с целью разобраться в финансовых делах предприятия (ликвидировать невыплаты рабочим заработной платы и т. п.) — был создан Деловой Совет, в который входили в качестве ключевых членов большевики А. Ф. Елькин, М. В. Захваткин, Н. Д. Савельев. Автор воспоминаний об этих событиях — большевик А. П. Лаврин, вместе с Елькиным и Захваткиным, являлся депутатом Совета РД [1]. Благодаря подобным действиям местных большевиков была подготовлена почва к относительно легкому становлению власти Белохолуницкого Совета РД, что случилось уже в конце ноября 1917 г. [2]

В Котельниче события развивались по иному сценарию. Как можно судить по имеющимся источникам, в первой декаде декабря доведенные до отчаяния разгулом спекуляции, а может быть и еще какими-то безобразиями, жители Котельнича в лице Совета РСЖД свергли прежнего комиссара Н. И. Зубарева, для чего при Совете был образован ВРК. В дело вмешался Вятский Совет РСД, прислав сюда комиссаром П. Останкова, который 11 декабря сообщал в Вятку о том, что в городе 7 декабря образовался Военно-революционный комитет, членами которого являлись депутаты местного Совета РСЖД. ВРК начал энергичную борьбу со спекуляцией, получив при этом серьезную поддержку со стороны «со стороны населения уезда, города и всех общественных организаций» [3].

Председатель ВРК Овчарук безропотно сдал вятскому комиссару власть в городе и в уезде [4], однако и тот не долго ею пользовался. По неизвестной причине 19 декабря 1917 г. Вятский горисполком постановил: комиссаром в Котельнич командировать Курилова с наказом: разобраться, «утвердив декрет Котельничского ВРК о роспуске городской Думы». Немалую роль в этих

событиях сыграли присланный сюда 7 декабря или чуть позже из Вятки отряд матросов во главе с Журбой (Ю. Н. Тимкин находит эту роль ключевой) и, очевидно, Летучий отряд под командованием балтийского матроса С. М. Черепанова, который, объявившись в Котельниче, вскоре (в январе 1918 г.) переберется оттуда в Яранск [5].

В последнем случае внешнее вооруженное вмешательство стало решающим фактором смены власти. Еще и в конце ноября 1917 г. яранский комиссар утверждал в своих сообщениях в Вятку, что «в уезде все спокойно» [6]. После появления здесь черепановского отряда, в результате военного переворота, в ходе которого были арестованы уездный комиссар и два местных кадета, 19 января 1918 г. власть перешла вначале к организованному на базе отряда Военно-революционному комитету, а затем — к Совету. Большинство жителей Яранска были и дальше настроены антибольшевистски, и потому Совет опирался, главным образом, на поддержку солдат и крестьян уезда [7].

В Сарапуле после описанного ранее ноябрьского погрома и появления здесь пробольшевистски настроенного отряда из Казани был переизбран меньшевистский Совет. Однако и в новом его составе преобладали меньшевики. Поэтому, когда отряд вернулся в Казань, в Сарапуле в основном воспроизвелась прежняя ситуация. Полевение масс наблюдалось здесь уже главным образом в январе 1918 г., а реально власть обновилась лишь к концу февраля [8]. В Елабуге 29 октября образовался оппозиционный по отношению к ленинскому Совнаркому Комитет спасения революции в составе командира расквартированного здесь 230-го пехотного запасного полка, 20 представителей подразделений этого полка, начальника елабужского гарнизона, представителей Совета РКД, земства, Союза труда, Союза торгово-промышленных служащих, ряда других профессиональных объединений, а также местных организаций меньшевиков, эсеров, эсеров-интернационалистов и, как ни удивительно, большевиков.

Комитет развил бурную деятельность. Его распоряжением был закрыт пивоваренный завод Стахеева, запасы пива и солодового напитка уничтожены. Затем наступила очередь пивных запасов местного Торгового дома купца Александра [9]. Похоже, это была не первая попытка такого рода. Еще в начале лета 1917 г. уездным Комитетом общественной безопасности принималось решение остановить пивоваренный завод Торгового дома «Иван Григорьевич Стахеев». Председатель КОБа Г. Зотин в письме губернскому комиссару обосновывал этот шаг необходимостью экономить хлеб, нехваткой дров и рабочих рук; к тому же местные жители, преследуемые за перегонку хлеба в самогон, роптали по поводу поблажек заводу Стахеева [10]. Была ли вторая

попытка более удачной — сказать трудно. Во всяком случае и в Елабуге в начале февраля власть перешла к Совету [11].

Становление советской власти в Слободском уезде датируется началом (по другим данным — 17-го) декабря 1917 г., в Орловском — тоже 17 числа того же месяца, в Нолинском и Глазовском уездах — 20 января 1918 г., в Малмыжском — 27 января. Характерно, что в последнем случае, с конца ноября 1917 г., уездная власть была практически парализована, а население города и его округа вместо серьезной информации о происходящем в стране и в губернии «питалось» антикоммунистическими публикациями местной газеты «Малмыжская жизнь». Уржумский Совет взял власть 7 января [12]. Вятский уезд до начала марта 1918 г. управлялся городским Советом РСД, и лишь после этого был сформирован уездный Совет на съезде крестьянских депутатов [13]. В целом становление новой власти в регионе шло непросто, при поддержке лишь части населения и существенной роли вооруженного насилия. Изучавший проблему пермский историк Л. А. Обухов подытожил: «Таким образом, из 10 уездных центров губернии только Глазов безоговорочно поддержал переворот в Петрограде. В губернском и шести уездных центрах власть большевиков утвердилась с помощью вооруженной силы...» [14]

Процесс становления советской власти неизбежно предполагал появление соответствующего органа регионального уровня, каковым и стал избранный 1-м губернским съездом Советов (5–8 января 1918 г.) губернский исполнительный комитет Советов (губисполком, или просто — ГИК). Последний, в свою очередь, сформировал 16 февраля региональное правительство — губернский Совет народных комиссаров. В этот Совнарком вошли: М. М. Попов (в роли почетного председателя), С. И. Малыгин (председателя работающего, он же — руководитель продовольственного бюро), Е. Б. Бакин (председатель земельной коллегии), В. Л. Волков (председатель торгово-промышленного отдела), А. А. Вопняков (нарком юстиции), П. Н. Евстафиев (нарком по военным делам), В. А. Лобовиков (заведующий отделом самоуправления, затем переименованным в отдел управления губернией), П. А. Останков (заведующий медицинским отделом), М. М. Рейтав (нарком финансов), Н. А. Соломин (заведующий отделом призрения), Тегер (заведующий отделом народного образования), А. Г. Тэнс (нарком почт и телеграфов). Одновременно анархист Тэнс являлся заместителем председателя Совнаркома, а Останков — секретарем этого органа [15].

В первой половине 1918 г. между горсоветом и ГИКом сложились непростые отношения. Возникший несколько ранее губернского исполкома и, соответственно, более опытный горсовет (в первую очередь в лице его испол-

кома) на этом этапе явно претендовал на роль лидера, зачастую пытался диктовать свою волю органу, формально более высокому в иерархии власти. Порой ему это удавалось, чему способствовала большая, чем у ГИКа, партийная однородность и персональная близость горисполкомовцев. В руководстве городского Совета РСД тон задавало сплоченное революционной деятельностью еще в предшествовавшие месяцы 1917 г. большевистское ядро, в первую очередь — М. М. Попов, А. С. Трубинский, П. П. Капустин, В. И. Лалетин.

Так, 21 января горисполком **предписал** ГИКу и своему продовольственному отделу распорядиться к тому времени реквизированными и конфискованными товарами и продуктами питания. Вмешавшись в середине февраля в конфликт между ГИКом и партийными органами по поводу служебной площади, исполком горсовета дал указание: «Партийному комитету (большевиков) остаться в старом помещении, ни в коем случае не уступать ГИКу» [16]. «Перетягивание одеяла», уточнение функций и сфер влияния городского и губернского исполкомов, их взаимная притирка продолжались далее. Так, 20 февраля П. Капустин и Тегер участвовали в совместном заседании представителей ГИКа и местных Советов, посвященном именно этой проблеме. В те же дни горисполком отказал (а 22 марта подтвердил этот отказ) в передаче городской телефонной станции в ведение отдела почт и телеграфов ГИКа [17].

Затяжной конфликт между горсоветом и ГИКом дополнился обострением отношений между первым из них и Летучим отрядом. Все это вместе взятое составило тот фон, на котором развернулась так называемая «лапинская авантюра». Исходным пунктом связанной с нею истории следует считать начало развернутой вятскими большевиками кампании по борьбе со злоупотреблениями советских чиновников. 25 января 1918 г. П. П. Капустин на заседании горисполкома завел речь о том, что отдельные члены этого органа замечены пьяными, а в народе поговаривают и о том, что среди исполкомовцев встречаются взяточники. На следующий день исполком Вятского городского Совета РСД постановил: «Все лица, принимающие участие в советской работе и компрометирующие советскую власть, будут подвергаться самому строгому наказанию, до бессрочной каторги включительно». Президиуму горсовета было поручено опубликовать это решение в местной прессе; для выявления фактов злоупотреблений служебным положением сформирована особая комиссия [18].

28 января член комиссии Тронин на заседании горисполкома выступил с соответствующими обвинениями в адрес начальника вятского гарнизона М. Г. Лапина. В частности, последний, по словам Тронина, доставлял в частные дома реквизированные Летучим отрядом мясо и другие товары. Дополнительная проверка, проведенная членами исполкома Демидовым, Ивановым и

Сорокожердиевым, не только подтвердила первоначальное обвинение, но и выявила новые нарушения Лапина. Он совершал какие-то махинации с фуражом для лошадей, присвоил 700 рублей, полученных в результате проведенного благотворительного спектакля в пользу солдаток, а также высказывал угрозы в адрес руководителей горсовета. На этом основании исполком Совета 10 марта распорядился арестовать Лапина и отправить его в губернскую тюрьму [19].

Однако на защиту Лапина поднялись члены губернского исполкома Советов и Летучего отряда. В качестве ответной меры ими планировался арест городского комитета большевиков и руководства Вятского Совета РСД. С санкции ГИКа военный комиссар С. С. Семенов освободил из тюрьмы Лапина, объявил губернию на военном, саму Вятку — на осадном положении, а Летучий отряд во главе с Кирилловым разоружил большевистскую организацию. Руководителям горсовета (Капустину, Лалетину, Попову...) во избежание ареста пришлось скрываться. Но вскоре «лапинцы» столкнулись с сопротивлением местного гарнизона, а затем в ход событий решительно вмешался Уральский областной Совет [20]. Вначале в лице проезжавшего через Вятку уральского областного военного комиссара Ф. И. Голощекина. С его участием 14 марта в губернском центре прошло совместное заседание членов ГИКа и городского Совета, что «в некоторой степени разрядило атмосферу и предотвратило вооруженное столкновение» между сторонами [21]. Затем, 23 марта, в Вятку из Екатеринбурга прибыла комиссия во главе с А. Г. Белобородовым.

Сопровождавшие ее уральские красногвардейцы провели аресты активных «лапинцев», после чего началось следствие. Результаты его Белобородов озвучил на 2-м губернском съезде Советов (проходил с 30 июля по 3 августа 1918 г.). В его докладе делался вывод о том, что «вследствие малого количества заводов, в Вятской губернии нет твердой базы для советской власти», а это, в свою очередь, выдвигает на первый план вооруженные силы (в частности, Летучий отряд), чрезмерно повышает их значимость в политической борьбе. «Поэтому выборные организации, — продолжал докладчик, — чувствовали свою зависимость от воинских частей, и поведение губисполкома обуславливалось поведением этих частей». Сыграли свою роль и ошибки, допущенные ГИКом, личные качества некоторых его членов. По свидетельству А. Н. Новоселова, посланцами Урала «были арестованы и привлечены к ответственности: начальник гарнизона Лапин Н. Г., военком Семенов С. С., помощник военкома Клобуков, заместитель председателя губернского Совнаркома Тэнс А. Г., председатель ГИКа Бакин Е. В., секретарь военного комиссариата Городилов И. Д., начальник Летучего отряда Кириллов И. К., Трефилов И. Я. и Калинин И. Л. Часть из них (Лапин, Тэнс и др.) по постановлению Уральской

областной ЧК были расстреляны» [22].

Некоторые дополнительные детали этих событий были высечены в докладе на 2-й большевистской губернской конференции (июль — август 1918 г.) нового председателя ГИКа Рейтава. Он говорил о том, что с момента своего появления губисполком оказался не на высоте и — в числе прочего — не смог поставить под свой контроль находившиеся в городе воинские отряды. Последние нередко действовали автономно, «проявлялась диктатура со стороны злонамеренных лиц. Были случаи, когда члены исполкома разбегались, когда грозила опасность со стороны этих военных отрядов». Об этих безобразиях глазковский исполком сообщил в Уральский областной Совет. «После этого были арестованы главарь военных организаций и некоторые из них расстреляны» [23].

В мемуарах А. Н. Новоселов справедливо указал еще одну причину разногласий и «трений» между горсоветом и ГИКом зимой — весной 1918 года — существенные различия в партийном составе. Если в первом из них практически безраздельно господствовали большевики, то в ГИКе, сформированном из представителей не только города Вятки, но и уездов, существенным влиянием пользовались левые эсеры [24]. О том же говорил уже в апреле 1918 г. военком Котельнич Баранов, выступая на всероссийском съезде партии левых эсеров: «В губернском городе Вятке — преобладающее большинство большевики... Но у нас в уездных городах большинство идет за нами (то есть левыми эсерами. — В. Б.) [25]. Хотя РКП(б) и ПЛСР с осени 1917 г. выступали союзниками, позиции их совпадали не во всем. Разногласия стали усиливаться после подписания (3 марта 1918 г.), а затем и ратификации советской стороной Брестского мира с Германией — мира, который левые эсеры так и не признали.

Однако до лета 1918 г. союзнические отношения между этими партиями в целом сохранялись как по всей стране, так и в Вятской губернии. В чем-то соблюдался принцип равноправия (например, по состоянию дел на начало марта, гражданские лица могли получить оружие с согласия городского партийного комитета как большевистского, так и левоэсеровского), в чем-то — большевики находились в более привилегированном положении. Так, 20 марта горисполком партийной организации левых эсеров выделил квоту назначения трех заседателей при народных судах против семи от большевиков [26].

8 апреля 1918 г. в Вятке начал работу губернский съезд Советов, в ходе которого произошло обновление губисполкома. В состав ГИКа были избраны 13 большевиков (в их числе представители самой крупной в губернии ижевской организации: Измайловский, Карпов, А. Уткин) и 12 левых эсеров [27];

председателем стал выдвиженец той же большевистской организации М. И. Рейтав. Работа исполкома возобновилась. Областью, где влияние ГИКа стало расти в первую очередь, явился продовольственный вопрос. Очевидно, потому, что, решая его, столичные власти обращались не к отдельным населенным пунктам, а к регионам в целом, работая не с городскими, а с губернскими управленческими структурами. Во всяком случае, 22 марта городской Совет РСД просил губернское продовольственное бюро разрешить рабочим и служащим станции Вятка-2 «производить закупку хлеба в родных местах и беспрепятственно привозить его в Вятку» [28]. Но в области финансов, в некоторых других сферах «трения» между исполкомами не были изжиты полностью еще и в середине 1918 г. [29].

В складывавшейся в России после Октябрьской революции системе власти и управления роль главного координатора действий различных органов и учреждений стала выполнять большевистская партия. Соответственно некоторые проблемы Вятского региона рассматриваемого периода были обусловлены слабостью местной организации РСДРП(б) [РКП(б) — с марта 1918 г.]. Осенью 1917 г. наметилась тенденция к некоторому численному росту городской партийной организации, но с конца ноября переход на работу в советские органы наиболее активных большевиков снова буквально «обескровил» ее. Касалось это как всей организации, так и отдельных ее подразделений. Железнодорожник А. Т. Кувалдин, вспоминая первые месяцы 1918 г., утверждал: «В отряде Красной гвардии была сосредоточена и почти вся партийная работа железнодорожных мастерских» [30].

В этот же период часть губернской партийной организации переболела революционной левизной, причем не без влияния «центра». 28 января 1918 г. секретарь ЦК РСДРП(б) писал Н. Елкину в Уржум: «Относительно войны и мира ЦК партии стоит на точке зрения: войну прекращаем, мира аннексионистского не заключаем и армию демобилизуем» [31]. В 20-х числах февраля в Центральном Комитете большевистской партии эта троцкистская платформа уступила место ленинскому требованию немедленно заключить мир, вынужденно приняв германские условия. Вятские же большевики проявили оригинальность, оставшись на позициях даже более левых, чем нарком иностранных дел Л. Д. Троцкий с его формулой «ни мира, ни войны».

В конце февраля — начале марта 1918 г. состоялась губернская конференция большевиков, которая в местной историко-партийной традиции осталась полуанонимной — без номера: полагавшийся ей порядковый номер 2 достался следующему региональному партийному форуму, состоявшемуся (как уже отмечалось выше) в июле — августе 1918 г. Февральско-мартовская кон-

ференция оказалась не в чести у вятских партийных чиновников и краеведов по той причине, что ее участники по вопросу о Брестском мире поддержали позицию не В. И. Ленина и его сторонников в ЦК и во всей партии, а «левых коммунистов»-бухаринцев, а также солидарных с ними в этом вопросе левых эсеров. В принятой ими 1 марта резолюции о международном положении, в частности, говорилось: «Мы не можем принять этих условий мира, мы не хотим класть оружия, поднятого на капитал и империализм всех стран... Мы приступим к сформированию партизанских отрядов, могущих противостоять всей империалистической клике в лице их ударных батальонов, и вместе с тем агитировать среди пролетариата всех стран за войну, священную войну капиталу... Мы верим, что крестьянство даст хлеб для революционной армии... что революционные рабочие приготовят для армии и штыки, и снаряды» [32]. Принятую резолюцию было решено огласить на крестьянском съезде Вятского уезда, напечатать в «Вятской правде» и в виде листовок, копию направить в ЦК РСДРП(б). Избранному делегатом от губернской конференции на 7-й чрезвычайный всероссийский партийный съезд (он состоится в Москве 6—8 марта 1918 г.) Чиркову было поручено проводить там именно эту линию [33]. Однако, как известно, съезд большинством голосов высказался за подписанный 3 марта в Бресте мир с Германией и ее союзниками и за его дальнейшую ратификацию на Всероссийском съезде Советов.

Нет достаточных оснований утверждать, что рассмотренная выше губернская конференция объективно отразила настроения и взгляды большинства местных коммунистов (возможно, и поэтому она осталась в статусе «незаконнорожденной»). На эту мысль наводит состав ее участников. Из 23 делегатов почти половина (9 человек) были избраны Ижевским заводом. Правда, реально приехали пятеро — А. Вопияков, М. Гладких, Иванов, И. Рогалев, Туранов; остальные четверо (Измайловский, Карпов, Рейтав, Уткин) участвовали «заочно» по причине перегруженности работой в губисполкоме. 4 делегата явились из Слободского уезда (Н. Князев, Пасынков, Стародумов, Шулаков), двое (А. Анкудинов, А. Злыгостев) — с Воткинского завода, по одному от г. Вятки (Чирков), Белохолуницкого завода (Овчинников), нолинской (З. Ковин) и яранской (Черепанов) партийных организаций. Еще три делегата — Зобнин, Мышкин, Фалалеев (а также уже упомянутый делегат от Ижевского завода М. Гладких) — представляли на конференции губернское бюро РСДРП(б). Слабо был представлен губернский центр, совершенно отсутствовали представители очень важной глазовской организации, а также целого ряда уездов. Судя по всему, тон задавали ижевские большевики, они же (председательствовал М. Гладких, за секретаря И. Рогалев) вели конферен-

цию [34]. Не исключено, что рабочие ижевских заводов были действительно настроены более воинственно, чем численно преобладавшее крестьянское население уездов Вятской губернии. Это соответствовало состоянию умов на тот момент в целом по стране: крестьянская Россия, в отличие от части городского населения, дальше воевать явно не хотела.

В любом случае раскол внутри губернской организации РСДРП(б) — РКП(б) по вопросу о Брестском мире дополнительно ослаблял ее позиции, снижал авторитет в среде местного населения, лишняя раз подталкивал к запретительным мерам в отношениях с политическими противниками и оппонентами. Так, еще 15 декабря 1917 г. в Вятской губернии решением горисполкома была введена предварительная цензура для всех местных газет меньшевистского направления [35]. Касалось это прессы либерального и умеренно-социалистического направлений. Политика большевиков в отношении партий левее центра (за исключением левых эсеров) еще и в начале весны 1918 г. отличалась некоторой неопределенностью. Поэтому и февральско-мартовская губернская их конференция постановила оставить открытым до всероссийского съезда РСДРП(б) вопрос «об отношении к левым партиям» [36].

Но сотрудничество с ними, как правило, не исключалось. Например, в апреле 1918 г. Вятский горсовет ввел в состав своего исполкома командира очередного Летучего отряда, эсера-максималиста Хупонэна, назначив его комиссаром станции Вятка-1 [37]. Занятную эволюцию проделали взаимоотношения большевистской организации Вятки с местными анархистами. Первоначально они были вполне доброжелательными. 19 января 1918 г. большевистское руководство Вятского горсовета с пониманием отнеслось к просьбе организационного бюро анархистов города выдать ему аванс в сумме 1 тысячи рублей. Правда, дали анархистам (а заодно и эсерам-максималистам) лишь половину просимого, то есть — по 500 рублей [38].

27 февраля вятские анархисты, не сумев добиться помещения для своей организации законным путем, через квартирный отдел горисполкома, самовольно заняли Еврейский клуб, а затем, действуя в том же духе, перебрались в здание Общественного собрания. Однако и на этот раз руководство горсовета к их выходкам отнеслось снисходительно, в качестве оправдания таковых выдвинув следующие аргументы: 1) ранее Общественное собрание использовалось лишь «для приятного времяпровождения» (выпивки, игра в карты, концерты, библиотека) «бюрократического чиновничества», а теперь анархисты будут там читать лекции для народа; 2) «анархисты на революцию смотрят всесторонне и не сделают вреда для общества»; 3) в конечном счете, их поведение можно признать «не идущим в разрез с советской властью» [39].

Но долго эта идиллия во взаимоотношениях двух партий продолжаться не могла по причине вполне объективной: в то время как у государственников-большевиков усиливалось стремление к наведению порядка, в поведении анархистов, напротив, все больше проявлялась склонность к криминальным действиям. Поэтому уже в начале марта исполкомовцы пересмотрели свою оценку ситуации, отказали анархистам (и эсерам-максималистам) в выделении очередной денежной суммы и потребовали отчета у первых из них о том, какое именно имущество и какие ценности прибрали они к рукам в Общественном собрании (40). Наиболее злостных начали привлекать к судебной ответственности. В связи с «лапинской авантюрой» был расстрелян анархист Тэнс, в июне под суд Революционного трибунала попал анархист Захаров [41] и т. д.

Большевистская губернская организация в первые месяцы 1918 г. росла медленно, особенно в сельской местности. Даже в наиболее близком к губернскому центру Вятском уезде первая ячейка РСДРП(б) появилась (в Медянской волости) лишь 23 февраля 1918 г. Да и в конце этого года на весь уезд приходилось лишь 6 ячеек РКП(б) [42]. Авторитет большевистской организации существенно пострадал в связи с дракой в губернских верхах в дни «лапинской авантюры», а также по причине ставших известными местной общественности фактов злоупотреблений служебным положением. На партийном общегородском собрании 31 марта Малыгин даже внес резолюцию, которая характеризовала качественное состояние организации как «компрометированной отдельными лицами» [43]. Было решено усилить партийное руководство в кадровом отношении, в связи с чем М. М. Попову на заседании горисполкома 23 апреля было рекомендовано сосредоточиться на партийной работе [44]. 7 апреля городской комитет создал партийный суд в составе Барта, Белых и Митревича, после чего было решено произвести «чистку партии от чуждых элементов» [45]. Весенние месяцы 1918 г. для вятской организации РКП(б) оказались далеко не лучшим временем. Заметное отчуждение ее даже от части ранее симпатизировавших ей рабочих было связано еще и с некоторыми социально-экономическими мероприятиями, с состоянием продовольственного снабжения, что использовали в своей пропаганде меньшевики и эсеры, ушедшие «в тень» после разгрома Верховного Совета по управлению губернией и неудачной попытки повернуть в свою пользу ход I-го губернского съезда Советов, где им все же удалось выступить [46].

Примечания к 10-й главе

1. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 35. Лл. 54об., 55, 55об.
2. Городилова Н. Октябрь в уездах // Октябрь и Гражданская война в Вятской губернии. Вятка, 1927. С. 20.
3. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 126. Лл. 28, 28об., 29, 39.
4. Там же. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 101.
5. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 23; Тимкин Ю. Н. Смутное время на Вятке. С. 41. 6. ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 9. Лл. 457, 458.
7. Городилова Н. Указ. соч. С. 25; Очерки истории Кировской организации... С. 475.
8. Там же. С. 29–30.
9. ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 9. Лл. 100, 100об.
10. Там же. Л. 44б.
11. Городилова Н. Указ. соч. С. 31.
12. Там же. С. 20, 22, 23, 25–27, 31; Очерки истории Кировской организации... С. 475.
13. Там же. С. 28.
14. Обухов Л. А. О «триумфальном шествии» советской власти (по материалам Вятской губернии) // Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы 3-й научной конференции... Киров, 1995. Т. 1. С. 117–118.
15. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 18–19.
16. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 44.
17. Там же. Лл. 47об., 48, 65.
18. Там же. Лл. 38, 39.
19. Там же. Лл. 39, 40, 59.
20. Тимкин Ю. Н. «Лапинская авантюра» в г. Вятке в феврале – марте 1918 г. // Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы 3-й научной конференции... Киров, 1995. Т. 1. С. 123; Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 113.
21. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 114.
22. Там же. С. 113–114.
23. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.
24. Новоселов А. Н. С. 112–113.
25. Партия левых социалистов-революционеров. М., 2000. С. 265.
26. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 58, 63об.
27. Партия левых социалистов-революционеров. С. 799; ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
28. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 65об.
29. См., например: ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 69, 85об. и др.
30. ГАСПИКО. Ф. 45, Оп. 1. Д. 38. Л. 27.
31. Переписка Секретариата... Т. 2. С. 191.
32. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Лл. 4, 5.
33. Там же. Лл. 5, 9, 10.

34. Там же. Лл. 2, 3, 10.
35. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 19.
36. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.
37. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 93об.
38. Там же. Л. 34об.
39. Там же. Лл. 54, 54об.
40. Там же. Л. 56.
41. Там же. Л. 152.
42. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 111. Л. 4.
43. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 115.
44. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 96.
45. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 115.
46. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 36. Л. 178.

Глава 11. Социально-экономические проблемы новой власти (зима – весна 1918 г.)

Начальный период существования большевистского Совета был наиболее сложным в самых разных смыслах. Одной из острейших оказалась проблема финансов, городского бюджета. Казначей прежнего Совета РСД, меньшевик М. С. Журавлев, сдавая дела, передал новым правителям лишь 200 рублей, да и то под угрозой ареста [1]. Впрочем, в этом деле он был неоригинален, следуя примеру «старших» столичных товарищей-однопартийцев. (22 января возглавляемый Я. М. Свердловым и М. А. Спиридоновой Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов констатировал, что деятели бывшего, эсеров-меньшевистского состава этого органа уже 4 месяца «уклоняются от предоставления денежного отчета новому ВЦИКу».) [2]

В поисках выхода из финансового тупика в первой половине декабря 1917 г. исполком Вятского горсовета пытался вести переговоры о займе у губернского Торгово-промышленного комитета [3], то есть у местной буржуазии. Вряд ли ему удалось добиться успеха на этом пути. Ситуация стала меняться к лучшему по мере национализации местных банковских контор в соответствии с декретом Совнаркома Республики от 14 декабря 1917 г. 29 декабря исполком горсовета отправил с мандатами комиссаров: в местное отделение Госбанка И. Д. Груздева, в городское казначейство – Шитова. В первые месяцы 1918 г. у него начинает формироваться какой-то бюджет, что и позволило 27 марта принять решение об объединении средств Совета РСД с финансами городской управы под эгидой коллегии городского самоуправления. Впрочем,

реально установить контроль над банками в губернии удалось лишь весной 1918 г. [4]

Определенные суммы поступали из «центра» (Петрограда, затем из Москвы) через Екатеринбург. 22 декабря 1917 г. между комиссаром Госбанка Пятаковым и Уральским областным Советом РСД было достигнуто соглашение о централизованном финансировании через Екатеринбург 4 губерний — Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской. Во исполнение соглашения в екатеринбургское отделение Госбанка было сразу перечислено 5 миллионов рублей, еще 50 миллионов должны были поступить до начала 1918 г. [5]

Часть средств «добывалась» на месте. В этом вопросе центральная власть наделила местных руководителей почти неограниченными правами, всемерно поощряя их самостоятельность. В постановлении Совнаркома от 19 ноября 1917 г. «О субсидировании местных Советов» подчеркивалось: «СНК обращает внимание всех местных Советов РСД на то, что они, в качестве власти на местах, обладают также и налоговыми правами, вследствие чего все обращения к центральной государственной власти за субсидиями, не подкрепленные достаточными доказательствами невозможности получения необходимых денежных средств путем введения местных налогов, будут оставаться без удовлетворения» [6]. С другой стороны, правительство не церемонилось с должниками, главным образом — состоятельными. В его постановлении от 24 ноября 1917 г. по поводу таковых предписывалось: «Лица, не внесшие подоходного налога (по летним тарифам Временного правительства. — В. Б.) полностью к 20 декабря с. г., подлежат, кроме мер, указанных в законе, денежным взысканиям, вплоть до конфискации всего имущества. Лица, умышленно задерживающие уплату налога, подлежат тюремному заключению до пяти лет». В деле «понуждения» к уплате налогов Советы могут «пользоваться Красной гвардией и милицией» [7]. Вместе с тем местным Советам с 6 декабря того же года было позволено уменьшать размер подоходного налога гражданам с невысокими доходами [8].

В Вятской губернии, как и в других регионах страны, довольно широкий размах получила в это время практика наложения разовых, чрезвычайных налогов («контрибуций») на представителей буржуазных кругов. Вначале имели место отдельные эпизоды. Так, в середине декабря 1917 г. рассматривался вопрос обложения в пользу горсовета «всех увеселительных заведений города Вятки», включая кинотеатр «Колизей» [9]. В конце марта 1918 г. оказавшемуся «бесхозным» Летучему отряду было предложено самофинансироваться путем взыскания 60 тысяч рублей с «подлежащих обложению контрибуцией капиталистов». Трудно сказать, успели ли балтийские матросы таким спосо-

бом поправить свое материальное положение, поскольку в 20-х числах апреля отряд был взят на содержание военным комиссариатом [10].

В апреле вятские большевики предприняли активное наступление на буржуазные круги. В середине месяца военному отделу горисполкома было поручено взыскать с «торговых классов» контрибуцию в сумме 500 тысяч рублей, а 19 апреля указаны и конкретные адресаты: с Долгушина и Ситникова причиталось по 5 тысяч рублей, с Поскребышева — 5,5 тысяч, с Косолапова — 25 тысяч и т. д. Из губернского центра процесс распространился на уезды. В Орлове крупные собственники были обложены единовременным налогом на сумму свыше 600 тысяч рублей, в Яранском уезде — на 350 тысяч, в Глазове — на 300 тысяч и т. д. [11] Весенняя кампания продолжилась летом 1918 г. Своеобразной формой чрезвычайного обложения стало поручение Торгово-промышленному комитету содержать за свой счет помещения, где размещались отряды Красной гвардии [12]. В конце августа исполком горсовета воспротивился освобождению из-под ареста гражданина Шер до уплаты причитавшихся с него 40 тысяч рублей, а в начале сентября он же постановил «обязать арестованную Уральской областной ЧК буржуазию... подпиской о внесении по подписному листу Совета на нужды народного образования 10 тысяч рублей» [13]. Параллельно с чрезвычайными мерами выстраивалась система нормального, регулярного налогообложения различных категорий городского населения. Правда, выстраивалась она довольно медленно, и еще во второй половине апреля президиум горсовета было поручено его депутатами разобраться с комиссаром по сбору налогов Шульцем, который пока не внес ни копейки в городской бюджет [14].

Надо полагать, и в целом по стране ситуация с налогами напоминала вятскую, почему попытка наркома финансов В. Р. Менжинского форсировать переход к нормальному налогообложению не получила поддержки в «верхах». 9 апреля Президиум ВЦИК принял постановление, в котором говорилось: «Циркуляр народного комиссара по финансовым делам т. Менжинского о порядке взимания налогов и запрещении всяких контрибуций (опубликован 7 апреля в «Известиях». — В. Б.) должен рассматриваться как пожелание, намечающее путь дальнейшей работы Советов в финансовой области, а не как категорическое распоряжение. В качестве такового циркуляр отменяется впредь до выработки Совнаркомом декрета о единовременном налоговом обложении. Председатель — Я. Свердлов. Секретарь — В. Аванесов» [15].

Классовый характер финансовой политики большевистского правительства нашел свое выражение и в декрете ВЦИК (от 21 января 1918 г.) «Об аннулировании государственных займов», как внешних, так и внутренних.

Относительно последних вопрос был поставлен следующим образом. В тексте закона говорилось, что аннулируются лишь крупные, перечисленные в публикуемом списке займы. Одновременно упразднялись гарантии по займам различных предприятий и учреждений, данные прежними правительствами. Малоимущие граждане, имевшие облигации займов на сумму не более 10 тысяч рублей, получали взамен именные свидетельства нового займа РСФСР на сумму, не превышающую 10 тысяч рублей. Подчеркивалось, что «вклады в государственные сберегательные кассы и проценты по ним неприкосновенны». Местным Советам предлагалось совместно с губернскими совнархозами создавать комиссии «для определения того, какие граждане относятся к числу малоимущих». Эти комиссии, в числе прочего, имели право аннулировать полностью сбережения, приобретенные нетрудовым путем, даже если эти сбережения не превышали суммы в 5 000 рублей» [16]. В тот же период вводились пособия по безработице [17], а на другом социальном полюсе был установлен «потолок» государственных окладов и пенсий. 23 января 1918 г. член губернского правительства В. Лобовиков предписал «уездным народным комиссарам» и начальникам милиции: «Исполнять декрет Совнаркома Республики от 11 декабря о воспрещении выдачи пенсий, превышающих 300 рублей ежемесячно» [18].

«Принимая во внимание весьма тяжелое положение земских и городских финансов», Совнарком в начале марта 1918 г. продлил на 9 месяцев правительственные гарантии по займам местных самоуправлений, срок платежа по коим истекал в течение 1918 года» [19]. Под местную советскую власть материальная база подводилась и иными способами. В этом ключе следует понимать распоряжение Совнаркома от 16 декабря «О запрещении сделок с недвижимостью». Документ гласил: «С 18 декабря 1917 г., ввиду предстоящего обобществления городской земли, приостанавливаются какие бы то ни было сделки по продаже, покупке, залогу и т. д. всех недвижимостей и земель в городах» [20].

Что же касается чрезвычайных финансовых мер, то их естественным дополнением стали национализация промышленных, а затем и торговых предприятий, муниципализация жилых помещений, конфискации и реквизиции продовольствия и прочих предметов первой необходимости. Последнее практиковалось как в плане противостояния угрозе голода, так и в целях борьбы со спекуляцией. Осуществляли конфискации и реквизиции бойцы Летучего отряда и специальные отряды, патрулировавшие железнодорожные станции Вятка-1 и Вятка-2 и речные пристани. Конфискованные вещи частично реализовывались через торговую сеть, а частично бесплатно раздавались бед-

нейшим слоям населения Вятки [21]. Мероприятия эти приняли системный характер (в конце 1918 г. при горсовете формируется специальная комиссия по конфискациям и реквизициям) [22], став одним из компонентов проводимой в годы Гражданской войны политики «военного коммунизма».

Подобно ее предшественникам — царскому и Временному правительствам — большевистской власти пришлось столкнуться и с такой болезненной и трудноразрешимой проблемой, как обеспечение продовольствием населения городов и создаваемой Красной армии. Неспособность справиться с нею более или менее удовлетворительно явилась одной из главных причин крушения и самодержавного и либерального (февральского) режимов, а сама она осенью — зимой 1917 г. приобрела уже катастрофический характер.

В январе 1918 г. Совнарком обязал Петроградский Совет РСД и городскую Думу ежедневно предоставлять данные о прибытии продовольственных грузов в столицу [23], а нарком продовольствия А. Г. Шлихтер был обязан ежедневно в полдень докладывать в Совнарком о состоянии продовольственного вопроса в Петрограде. В первой половине января 1918 г. хлебный паек жителей столицы равнялся 2 фунта (около 100 граммов). Лишь 21 января появилась возможность увеличить его до полуфунта, но за продовольственным органом было сохранено право вновь его уменьшать в зависимости от ситуации [24]. Не позднее 26 января 1917 г. Совнарком запретил направлять беженцев и военнопленных в Петроград и Северную область, как голодающие регионы. В телеграмме на места, подписанной Лениным и Горбуновым, говорилось, что там они хлеба не получают и будут обречены на голодную смерть. Поэтому следует направлять их только в губернии, обеспеченные хлебом [25]. 22 февраля специальным посланием в Вятку приказ этот был продублирован наркомом внутренних дел Г. И. Петровским [26], а 28 февраля — в связи с продвижением немецких войск вглубь России — правительство обратилось к местным Советам с отчаянным призывом об экстренной продовольственной помощи: «Не дайте умереть с голоду революционному Петрограду...» [27]

В свете подобного развития событий большевистское правительство в области хлебазаготовок, продовольственного снабжения с самого начала было вынуждено действовать со всей присущей ему решительностью и категоричностью. В своем обращении от 10 ноября 1917 г. ко всем армейским организациям, Военно-революционным комитетам и солдатам на фронте правительство недвусмысленно заявило: «Продовольствие в стране есть. У помещиков, кулаков, торговцев имеются огромные запасы съестных припасов... Совет Народных Комиссаров принял самые решительные меры. Комиссары Совета вместе с матросами, солдатами и красногвардейцами реквизируют во всех

частях страны продовольственные запасы и направляют их на фронт. Всем спекулянтам, мародерам, казнокрадам и контрреволюционным чиновникам, мешающим продовольственной работе, объявлена беспощадная борьба» [28].

На местное руководство ложилась задача выполнения соответствующих заданий «центра», что, впрочем, не отменяло необходимости заботиться и о жителях населенных пунктов губернии. В связи с этим 22 декабря ВЦИК предложил местам «немедленно приступить к созданию при Советах продовольственных комиссий» с тем, чтобы они взяли под контроль местные продовольственные организации, вводя в их исполнительные органы своих представителей [29]. Исполком Вятского Совета РСД, еще 15 декабря обсудив данный вопрос, принял решение оказать продовольственную помощь Петрограду и Москве, а также фронту путем «отобрания хлеба в деревне у кулаков» [30]. Однако реализация этого замысла требовала проведения большой организационной работы.

Поскольку советская власть в Вятской губернии установилась и закрепились с отставанием от столичного центра месяца на полтора-два, постольку и организационное оформление новых продовольственных органов здесь произошло далеко не сразу. Хотя к этому времени в структуре городского Совета РСД уже функционировал продовольственный отдел (заведующий Левин, члены коллегии — И. И. Генгенрейдер, А. Половинков, И. С. Титлинов), но доклад о состоянии дел в этой области на заседании исполкома 23 декабря 1917 г. делал работник старой губернской продовольственной управы Максимов.

Докладчик сообщил, что прежняя губернская власть пыталась вести борьбу со спекуляцией и устанавливать контроль над ценами путем расширения области применения карточного распределения. Так, в сентябре 1917 г. губернский продовольственный комитет взял на учет (с целью нормированного распределения) мануфактуру, в октябре — чай, мыло, кожаную обувь. Однако успехи в борьбе со спекуляцией были невелики, поскольку она порождалась объективными факторами: недостаточной централизацией всего продовольственного дела в масштабах страны, дефицитом промышленных товаров (связанным с падением производства и прекращением закупок за рубежом в условиях войны), падением пропускной способности железных дорог, самоуправством местных властей, в том числе и советских. «Например, во Владивостоке, — отмечал Максимов, — скопилось много грузов», но вывезти их оттуда нет возможности. С другой стороны, ярославская продовольственная управа послала в Вятскую губернию 440 ящиков махорки, но Казанский Совет их в пути реквизирует [31].

Все эти причины в совокупности ухудшали продовольственную ситуа-

цию в регионе на протяжении 1917 г. По свидетельству того же Максимова, пшеничная мука поступала в губернию до середины лета, «к августу подвоз ее совершенно прекратился». В свою очередь, задания по хлебопоставкам государству Вятская губерния однозначно провалила: при задании 1917 г. в 7 миллионов пудов сумела вывезти лишь 330 тысяч пудов. В утешение слушателям докладчик смог только заметить, что в некоторых краях положение еще хуже: «В Тверской губернии форменный голод, крестьяне бегут за хлебом в другие губернии... В Петрограде положение с продовольствием ужасное, подвоза нет». Впрочем, это мало утешало, тем более что выяснилось: в Глазове хлеба тоже нет [32].

На этом же заседании горисполкома его участник Левин предложил немедленно послать в деревню «военную силу для извлечения хлеба» по образцу центра, где командующий Московским военным округом А. И. Муралов уже организовал реквизиции хлеба солдатскими отрядами в Воронежской и Курской губерниях. Исполком поручил проработать вопрос Левину, своему военному отделу, представителям Летучего отряда, но, в общем-то, к столь решительным действиям он пока еще был явно не готов. На том этапе (23 декабря) ограничились лишь подтверждением запрета на несанкционированный вывоз продовольствия из губернии, введенного предыдущей губернской властью [33].

Но ситуация с продовольствием, в первую очередь в плане хлебозаготовок, требовала незамедлительных действий, тем более что Петроград (в лице наркома продовольствия А. Г. Шлихтера) уже назначил задание Вятской губернии в размере 40 вагонов зерна [34]. Поэтому 26 декабря участники расширенного заседания горисполкома (были приглашены представители солдатских комитетов 106-го полка и его рот, профсоюза железнодорожников, некоторых других организаций) наметили программу конкретных мероприятий. В их число входили: 1) организация обозов для отправки в деревню и мобилизация лошадей для этой цели; 2) кадровое усиление продовольственного отдела горсовета; 3) мобилизация служащих продовольственных учреждений на основе принципа трудовой повинности; 4) развертывание решительной борьбы со спекуляцией в губернском центре, в уездах, на железнодорожных станциях; 5) сбор пожертвований в пользу голодающих [35]. Дело не ограничивалось только этими мерами (до полного осуществления которых, впрочем, было еще далеко), изыскивались дополнительные резервы. Так, в целях экономии зерна в конце января 1918 г. было решено из двух имевшихся в Вятке пивных заводов (Смолянинова и Шмелевой) закрыть второй из них. Но это постановление, очевидно, не было своевременно реализовано, и 22 марта горисполком его продублировал [36].

Одним из факторов, серьезно осложнявших проведение в жизнь наме-

ченных в области хлебозаготовок и продовольственного снабжения мероприятий, зимой 1917—1918 гг. оставалось то обстоятельство, что реализовывать их приходилось преимущественно через управленческие структуры, унаследованные от прежней власти, преодолевая явный и скрытый саботаж служащих. Процесс формирования системы советских органов заготовки и распределения (остающейся в губернии части) продовольствия растянулся на месяцы, особенно за пределами губернского центра. Лишь в конце февраля 1918 г. коллегия призрения (отдел социальной защиты населения, говоря современным языком. — В. Б.) при ГИКе предписала уездным Советам «установить непосредственный контроль над распределением пайков и суточных на местах, где эти операции производятся уездными земствами и городскими Думами. В случае неудовлетворительной постановки этого дела на местах, — говорилось в соответствующем документе, — Советы могут взять его целиком в свои руки» [37].

Однако постепенно росло влияние продовольственного отдела исполкома Вятского Совета РСД, которым, по крайней мере, с начала весны 1918 г. заведовал Братухин. По линии отдела проводились конфискации продовольствия и промышленных товаров, их распределение, продажа части этих материальных ценностей (10 марта горисполком разрешил отделу открыть лавку для продажи мануфактуры), участие в регулировании таможенных тарифов. В частности, 27 марта исполком по рекомендации продовольственного отдела на 1—3% повысил размеры пошлин на ввоз и вывоз товаров в целях материальной поддержки оказавшегося в трудном положении Вятского народного реального училища [38]. Постепенно накапливался опыт работы; в целях же пополнения знаний в этой новой для бывших рабочих и революционеров области в марте же были командированы в Москву на продовольственные курсы Титлинов и В. Лобовиков (либо Н. Чуминев вместо второго из них) [39].

В борьбе с продовольственной катастрофой и центральная, и губернская власти уделили первостепенное внимание ревизии ресурсов, имеющихся в наличии «под руками» — в городах, на железнодорожных станциях. 12 января 1918 г. Совнарком Республики предписал штабу Красной гвардии: «Ввиду крайней опасности голода, нависшей над Питером... оказать содействие» осмотру железных дорог в столице и окрестностях в поисках вагонов с продовольствием, а также «поймке спекулянтов и саботажников», для чего подготовить соответствующие отряды и отправить их в НКПС к тов. Невскому...» Саботаж железнодорожных служащих, управленцев предлагалось пресекать путем привлечения виновных к суду [40]. В результате предпринятых мер в одном лишь Петрограде за короткий срок было взято на учет 2,5 тысячи же-

лезнодорожных вагонов различного продовольствия и выявлено около 2,5 миллионов пудов хлеба, немалая часть которого была конфискована у спекулянтов и саботажников [41]. В Вятке большевистский вооруженный переворот 7—8 декабря 1917 г. также сопровождался проверкой железнодорожных составов, складов, обысками квартир. В результате было обнаружено несколько складов с продовольствием, мануфактурой, оружием. На станционных путях выявлены искусственно задерживаемые в Вятке вагоны с грузами, необходимыми для Советской России [42].

На заседании горисполкома 23 декабря выяснилось, что на станции Вятка-1 уже три месяца лежат неразобранными грузы продовольственной управы, что, очевидно, являлось одним из проявлений саботажа служащих. В частности, там находились чай и 69 пудов колбасы, предназначенной для 106-го полка. В этот же день исполком направил туда комиссаром солдата Юрьевского, наделив его правом самостоятельно принимать решения по поводу конфискаций и реквизиций, в том числе и хлеба, перевозимого мешочниками. 19 января ему же были переданы полномочия коменданта станции [43].

Право производить конфискации и реквизиции получил и Летучий отряд, на который приходилось опираться станционному комиссару. Функцию распределения конфискованного исполком горсовета оставил за собой [44]. В середине апреля 1918 г. Летучий отряд, ранее сохранявший значительную независимость от местной власти и всемерно ее оберегавший, был закреплен в качестве продовольственного отряда при Вятском горсовете [45]. Однако, как это можно понять из высказываний А. Н. Новоселова, еще и в середине лета 1918 г. балтийские матросы в Вятке не отличались крепкой дисциплиной [46], хотя на фоне развивавшегося процесса строительства Красной армии значение отряда объективно падало, а после отправки Летучего отряда (под командованием П. П. Капустина) в середине года на Котласский фронт проблема матросской вольницы для Вятки отпала сама собою [47].

Как отмечалось выше, конфискациями и реквизициями в самом губернском центре занимался продовольственный отдел горисполкома, в уездах — продкомы при уездных исполкомах Советов. О масштабах деятельности говорят такие цифры: в период с 22 января по 15 июля 1918 г. только по линии вятского городского продкома было конфисковано товаров на сумму более 1 миллиона 340 тысяч рублей [48]. Какая-то часть полученных таким способом продуктов уходила за пределы губернии. Так, 14 февраля Вятский горисполком постановил: «Реквизированное мясо в Орловском уезде направить прямо в Петроград; охрану поручить военному отделу» [49]. В городских поселениях губернии конфискации материальных ценностей порой сочетались с

изъятием у их владельцев жилых и подсобных помещений. Так, решением Вятского горисполкома от 5 апреля 1918 г. были конфискованы товары Мирнова, находившиеся в принадлежавшей ему ранее гостинице «Европейской». Самому же владельцу было предложено перебраться «в другое место», поскольку горсовет передавал его дом работникам станции Вятка-2 (по их просьбе) для устройства в нем клуба железнодорожников [50]. Тогда же были освобождены (с переселением жильцов) Спасские дома на Казанской улице для размещения в них канцелярии комиссара юстиции и народных судей [51].

Но все же особое внимание в плане борьбы со спекуляцией, мешочничеством и т. п. уделялось транспортным артериям — железным дорогам, вокзам, а с весны 1918 г. — и речным пристаням, куда также направлялись комиссары и приданные им контрольные отряды. Комиссаром вятской городской пристани стал Кротов [52]. На имевшую принципиальное значение станцию Вятка-1 21 апреля 1918 г. вместо ушедшего в отпуск Юрьевского был назначен комиссаром и комендантом эсер-максималист Хупонэн, а возглавляемый им «вольный» отряд, похоже, стал исполнять там же функции контрольного. Наряду с прежними полномочиями новому комиссару были доверены регистрация билетов и взимание платы за вывоз грузов [53].

Большие права комиссаров, членов контрольных отрядов, работников продовольственных органов в сочетании со слабостью и неопытностью власти, низкой дисциплиной участников вооруженных формирований создавали соблазн и благоприятные условия для всякого рода злоупотреблений. Не случайно в конце января 1918 г. член исполкома горсовета задавался вопросом на заседании этого органа: а куда девается оружие, конфискованное Летучим отрядом? С этой конкретной проблемой исполком поручил тогда разобраться своему военному отделу [54]. Но удалось ли его сотрудникам выяснить что-то о темпераментных «братишках в тельняшках» — сказать трудно. В конце марта горисполком обсуждал действия контрольного отряда на станции Вятка-1, члены которого по собственному почину поделили между собой конфискованную материю. Результатом обсуждения стало обращение в чрезвычайную следственную комиссию при Ревтрибунале с просьбой «о принятии срочных мер к расследованию злоупотреблений... и привлечении виновных к строжайшей ответственности» [55].

Спустя месяц-полтора новый комиссар станции Вятка-1 и его контрольный отряд стали «героями» случившейся здесь полудетективной истории. В мае на станции появился присланный из Москвы отряд Чрезвычайной междоветовственной комиссии (ЧМК) по охране путей под командой Миллера. В соответствии с правительственным декретом от 25 марта, местный кон-

трольный отряд (далее — КО) должен был влиться в состав отряда ЧМК. Однако Хупонэн и некоторые члены КО (в первую очередь В. А. Вахрушев, Г. Ф. Кузеванов, Г. П. Целоусов), распуская слухи о контрреволюционности прибывшего из Москвы подразделения и втянув в это дело местных партийных, советских и военных руководителей (члена президиума горсовета П. П. Капустина, военкома Писарева, члена зарождавшейся в Вятке губЧК Митревича, комиссара вооружений Коновалова и др.), добились разоружения отряда ЧМК, осуществленного силами поднятых по тревоге в ночь на 29 мая членов КО и матросов Летучего отряда. К счастью, дело обошлось без стрельбы и кровопролития, что вовсе не исключалось.

Созданная по горячим следам событий горсоветом комиссия довольно быстро выяснила истинную подоплеку случившегося. Оказывается, кое-кто из членов КО не хотел вливаться в состав отряда ЧМК, поскольку в этом случае проигрывал материально: оклад в московском отряде составлял 300 рублей в месяц, а члены КО получали по 510 рублей. В этом и заключалась главная причина распускаемых ими слухов о «контрреволюционной опасности». Слухи падали на благодатную почву, ибо ситуация была действительно непростой. П. П. Капустин, оправдывая свой (и не только свой) промах, так объяснял его следствие: «Общее положение в городе было достаточно неясным. В связи с событиями на Урале, продовольственным кризисом, агитацией духовенства и наплывом бывших офицеров, у нас были все данные ждать контрреволюционного выступления». Не было времени проводить формальное следствие. Окажись отряд ЧМК действительно контрреволюционным, разоружил он контрольный отряд, «и мы, Советы, могли бы быть сброшенными» [56].

В рассматриваемый период в жизни города Вятки немало злоупотреблений было связано с практикой обысков и арестов. Их широкое применение диктовалось необходимостью борьбы со спекуляцией, уголовной преступностью, контрреволюционным подпольем. Значение последнего фактора не следует недооценивать. По утверждению историка-краеведа Е. С. Садыриной, только в январе 1918 г. в Вятку прибыло до 800 белогвардейских офицеров; здесь же появились некоторые члены семьи Романовых и один из лидеров антибольшевистски настроенного духовенства епископ Исидор [57]. Но и методы борьбы большевиков и их союзников с оппозиционными силами порой принимали недопустимый характер, что не лучшим образом сказывалось на непричастных к этим силам гражданах, подрывало авторитет новой власти. Между тем, по ряду причин (тяжелое экономическое и продовольственное положение, революционно-правовой нигилизм и необеспеченность прав граждан, злоупотребления и просто глупости, совершаемые отдельными советс-

кими чиновниками [58], антибольшевистская пропаганда членов враждебных РКП(б) партий и т. п.) социальная база вятской большевистской организации, городского Совета РСД — и ранее не слишком широкая — заметно сузилась.

Этим не преминули воспользоваться местные меньшевики, попытавшись явочным путем провести частичные перевыборы депутатов Вятского городского Совета. Помимо индивидуальной пропагандистской работы, они организовали общее собрание рабочих-железнодорожников обеих станций, а также фабрики Булычева. На митинге, где, по утверждению одного из участников событий, командира отряда Красной гвардии А. Т. Кувалдина, собралось до двух тысяч человек, развернулась дискуссия между ораторами от меньшевистской (Ермолин, Табаков) и большевистской (Малыгин, Стругацкий и Урановский) организаций. Опасаясь отрицательного для себя исхода прений, горком РКП(б) подтянул к железнодорожным мастерским, где они проходили, вооруженные отряды матросов и Красной гвардии. Настроения рабочих, слушавших ораторов, колебались, особенно после неудачного выступления Малыгина. Спас положение московский посланец Урановский. По признанию Кувалдина, если бы не ораторские способности, «умение овладеть массами этого студента... дело дошло бы до кровопролития, вооруженного столкновения между отрядами Красной гвардии и рабочими, сознательно подготовленными меньшевиками» [59]. Иницилируемые меньшевиками перевыборы депутатов президиум горсовета объявил незаконными [60].

Таким образом, на этом этапе вятским большевикам удалось сохранить за собою власть во многом за счет запретов и опоры на вооруженную силу. Но было ясно, что долго таким способом продержаться не удастся и надо вносить коррективы в политику. Таковые последовали. В частности, можно говорить о серьезных попытках ввести в определенные правовые рамки ту вакханалию самочинных насилий, арестов, покушений на собственность, которая имела место в первые недели революционного переворота. В конце марта исполком горсовета дал установку пресекать «самым решительным образом» самочинные и ночные обыски (к тому же в городе объявились банды грабителей, действовавших под видом представителей власти или красногвардейцев), а также — случаи насилия при обысках и арестах [61]. Правда, 9 апреля исполкомовцы все же были вынуждены разрешить ночные обыски и аресты, но только сотрудникам уголовного отдела милиции по предъявлении заверенных властями и снабженных фотографиями мандатов [62].

По крайней мере, с конца мая того же 1918 г. горожане получили возможность бесплатно пользоваться услугами юридической консультации при отделе юстиции горисполкома [63], а 28 июня в докладе на заседании этого

органа комиссар юстиции Дрелевский заявил, что обыски и аресты должны производиться лишь с его ведома; обвинение арестованному гражданину следует предъявлять в течение 24 часов, в противном случае он подлежит освобождению [64]. Идеализировать ситуацию не следует. Слабость правовой базы и создаваемых на ходу управленческих и правоохранительных структур, систематически практикуемые реквизиции и конфискации, непрекращающаяся политическая борьба, отдельные выступления руководителей горсовета, а затем и губернского исполкома Советов в роли высших правовых арбитров региона оказывали негативное влияние и на процесс упрочения правопорядка, и на сознание граждан. В решение правовых вопросов порой властно вмешивались политические симпатии и антипатии, что ярко проявилось в следующем факте. В конце весны два вятчанина — Костылев и Порошин — убили бывшего начальника тюрьмы Неандера, за что подверглись аресту. Вскоре президиум горсовета счел возможным освободить Костылева. Исполком Совета 7 июня одобрил это решение и распорядился выпустить на волю и Порошина. При принятии этого решения, помимо фактора мести, принимались во внимание и монархические взгляды Неандера [65]. Тем не менее и позитивная тенденция в деле укрепления порядка и соблюдения хотя бы минимальной законности весной — летом 1918 г., безусловно, пробивала себе дорогу. В последующем труднопреодолимыми препятствиями на ее пути встали иностранная военная интервенция и Гражданская война.

7 апреля вятский комитет РКП(б) постановил создать партийный суд в составе Митревич, Белых и Барта, а также провести чистку партийной организации от «чуждых ей элементов» [66]. В апреле-мае она началась в среде руководящих работников; во внимание принимались различные моменты. Например, был отстранен от должности за бездеятельность комиссар по увеселительным заведениям Малышев. Заведующий хозяйственной частью горсовета Наумов был не просто уволен. На него и ряд других служащих было заведено и передано в следственную комиссию при комиссаре юстиции «дело о святотатстве», причем сам этот факт подлежал огласке в местной прессе [67]. В середине мая «проштрафились» некоторые местные активисты — члены комиссии по проведению в Вятке «Дня призрения». После окончания этого мероприятия они присвоили остатки завезенных в буфет продуктов. В этой связи горисполком постановил: Белобородову вывести из состава исполкома, предложить соответствующим организациям исключить ее из РКП(б) и Союза солдаток. Секретарю комиссии Федорову объявить выговор. Малышева уволить из советских органов. Оценку проступка артистов М. Кочуринера и А. Зорина-Штылко доверить профсоюзу сценических деятелей [68].

Наказывая других, исполкомовские руководители в отдельных случаях не делали исключения и для себя. Так, когда П. П. Капустин обнаружил недостачу 1 тысячи рублей из той суммы, которую этот орган должен был передать городскому отделу снабжения, то 14 июня было принято решение: «Члены исполнительного комитета обязуются пополнить из своего жалования недостающую сумму... путем постепенных вычетов» [69]. Дополнительным фактором оздоровления партийной организации стало создание 30 мая (решением ГИКа) губернской ЧК, в функции которой входила борьба не только с контрреволюцией и спекуляцией, но и со злоупотреблениями должностных лиц. Первым председателем губЧК был назначен П. П. Капустин.

Важнейшим направлением деятельности местных властей являлась национализация части промышленных, торговых учреждений и, как уже упоминалось, жилого фонда в городах. В течение января — марта 1918 г. была подтверждена государственная собственность на наиболее крупные промышленные объекты губернии, которые и до революции не являлись частной собственностью отдельных хозяев. Речь идет об Ижевском оружейном и Воткинском металлообрабатывающем заводах, о некоторых металлургических предприятиях Северо-Вятского горного округа.

Параллельно началось наступление на частный капитал в промышленности, на транспорте, в складском хозяйстве и т. д. В те же месяцы в собственность государства перешли оружейные фабрики Березина, Евдокимова, Петрова в Ижевске, текстильная фабрика Булычева в Вятке, пароходство Небогатикова в Нолинске и др. [70] Процесс национализации задавался соответствующими решениями «центра». В частности, 14 марта в Вятку поступило сообщение о введении в стране с 7 марта государственной монополии на спички, свечи, рис, кофе, перец, привозные из-за границы пряности, в связи с чем на местах предлагалось произвести национализацию спичечных фабрик, предприятий по оптовой торговле рисом, кофе, перцем, пряностями [71].

Для управления государственным сектором регионального хозяйства в феврале 1918 г. при ГИКе был образован губернский Совет народного хозяйства (совнархоз), в губернском центре возник районный СНХ, а в уездах — уездные совнархозы [72]. Но до начала лета национализация носила выборочный, а не тотальный характер, и лишь развертывание иностранной военной интервенции и Гражданской войны предопределило последующее изменение экономической политики центральной и местной властей в этой области.

Примечания к 11-й главе

1. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 99.
2. ДСВ. Т. 1. С. 389.
3. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 18.
4. Там же. Лл. 29, 70; Очерки истории Кировской организации... С. 496.
5. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР Ноябрь 1917 — март 1918 гг. М., 2006. С. 156. 6. ДСВ. Т. 1. С. 110—111.
7. Там же. С. 141—142.
8. Там же. С. 549—550. 9. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 18об.
10. Там же. Лл. 72, 75, 75об., 97.
11. Там же. Лл. 85об., 91, 91об.; Очерки истории Кировской организации... С. 496.
12. Там же. Л. 151.
13. Там же. Лл. 199об., 203.
14. Там же. Л. 96об.
15. ДСВ. М., 1959. Т. 2. С. 71.
16. ДСВ. Т. 1. С. 386—387.
17. Там же. С. 424.
18. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.
19. Там же. С. 524.
20. Там же. С. 240.
21. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 59об.; Д. 66. Л. 90 и др.
22. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 236.
23. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 264. Л. 9.
24. ДСВ. Т. 1. С. 369.
25. Там же. С. 406.
26. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 11. Л. 16.
27. ДСВ. Т. 1. С. 502. 28. Там же. С. 69.
29. Там же. С. 283.
30. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 20.
31. Там же. Лл. 23, 24.
32. Там же. Лл. 24, 24об.
33. Там же. Л. 23.
34. Там же. Л. 24об.
35. Там же. Лл. 20, 20об.
36. Там же. Лл. 41, 65об.
37. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 11. Лл. 20, 20об.
38. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 59об., 70об.
39. Там же. Л. 71.
40. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 264. Лл. 1, 2.
41. Филиппов И. Т. Продовольственная политика в 1917—1923 гг. М., 1994.

С. 42.

42. Тимкин Ю. Н. Смутное время на Вятке. С. 60.
43. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 20об., 31, 34.
44. Там же. Л. 28.
45. Там же. Л. 93.
46. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 119.
47. Там же. С. 127.
48. История города Кирова / Под ред. А. В. Эммаусского и Е. И. Кирюхиной, Киров, 1974. С. 163.
49. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 44.
50. Там же. Лл. 76, 76об.
51. Там же. Л. 79.
52. Там же. Лл. 93об., 94 и др.
53. Там же. Л. 93об.
54. Там же. Л. 40.
55. Там же. Л. 69об.
56. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 9. Лл. 1—16.
57. Очерки истории Кировской организации... С. 482.
58. См.: Тимкин Ю. Н. Указ. соч. С. 56, 66—67.
59. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Лл. 28, 30.
60. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.
61. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 72, 73.
62. Там же. Л. 78.
63. Там же. Л. 145.
64. Там же. Л. 145об.
65. Там же. Л. 147об.
66. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 115.
67. Там же. Лл. 72об., 119.
68. Там же. Лл. 121, 121об.
69. Там же. Л. 150.
70. Очерки истории Кировской организации... С. 494—495.
71. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 11. Л. 21.
72. Очерки истории Кировской организации... С. 495.

Глава 12. Жаркое лето 1918-го

25 мая 1918 г. вооруженным выступлением в Челябинске начался направляемый из штабов Антанты антисоветский мятеж корпуса военнопленных чехословаков. Мятеж, положивший, по существу, начало большой Гражданской войне в России. Под прикрытием чешских штыков в Сибири, на Урале, в среднем Поволжье сформировались бледно-розовые режимы «демокра-

тической контрреволюции». Вооруженные силы одного из них — самарского Комуча, в содружестве с частями белочехов, летом 1918 г. реально угрожали южным рубежам Вятской губернии. Не меньшую опасность для ее большевистских властей представляли также мятежи и восстания, прокатившиеся в это же время по югу региона. Разные причины могли подвигнуть в тех или иных конкретных случаях часть вятского крестьянства на борьбу с большевиками, но коренная причина была одна — хлеб.

Потеря Украины, трудности хлебозаготовок на Дону и Кубани, обусловленные активизацией там сепаратистских и антибольшевистских сил, превратили драматическую (каковой она была уже с конца 1916 г.) проблему снабжения городов Центра и Севера России в смертельную угрозу существованию самой российской государственности. Уже в мае — июне 1918 г. карточная норма обеспечения городских жителей стремительно падала с 25 до 3—4 фунтов в месяц [1]. Дальше ситуация для Советской России складывалась еще хуже: в начале лета чехи и их «демократические» союзники отрезали от нее земледельческие районы Западной и Южной Сибири, а немцы и гайдамаки марионеточного режима гетмана Скоропадского — Северный Кавказ, важнейшую житницу страны. В июне жители Москвы и Петрограда получали ежедневно по 50—100 граммов хлеба, в отдельные дни выдачи не было вовсе [2]. Подобная же картина наблюдалась во многих городах промышленного центра и северо-запада страны, в северных губерниях России. Лишь решительными мерами можно было предотвратить вымирание городского населения, накормить создаваемую армию, а заодно ввести в разумные рамки безбрежный демократизм местных Советов, общественных организаций, производивших анархистствующих Летучих отрядов.

В этих условиях большевистское руководство, наделив декретом ВЦИК и Совнаркома от 13 мая наркома продовольствия чрезвычайными полномочиями, начало переход к политике продовольственной диктатуры. Характерна первая реакция с мест на это решение. Усманский городской Совет РС и КД (Воронежская губерния) 16 мая, обсудив правительственное решение, отправил в адрес Совнаркома копию резолюции, в которой, в частности, говорилось: «Декрет за № 125 несколько запоздал, так как хлеб в значительной степени спекулянтами уже вывезен и истрачен на самогонку. В значительной части городов и губерний карточная порция достигла 2 фунта хлеба на едока в день, хотя на крестьянского едока положено 30 фунтов ржаной муки в месяц». Авторы резолюции предупреждали правительство, что буржуазной идеологией пропитана даже часть бедняков (не более трети крестьянства «впитала в себя идеи социализма»), что кулаки, «обладая развитым классовым самосоз-

нением», хорошо организованы, вооружены, идут на смычку с уголовными элементами и бывшими помещиками, что между кулаками и беднотой в деревне происходит острая борьба и что, наконец, «без дисциплинированной Красной армии и решительных действий с ее стороны на местах кулаки ни одного зерна добровольно не отдадут» [3].

Основными компонентами вводимой в стране в мае — июне 1918 г. политики продовольственной диктатуры стали: принудительное (под страхом наказания) изъятие «излишков» у владельцев хлеба, отправка в сельскую местность из городов продотрядов, формируемых в первую очередь из рабочих, а также организация в деревнях комитетов бедноты, наделенных реальными властными полномочиями. Полигоном для «обкатки» новой политики становились производящие (в отличие от неземледельческих потребляющих) хлеб губернии, к числу которых была отнесена и Вятская.

До лета 1918 г. ее власти не проявляли большого рвения в этом вопросе. Проходивший в апреле 1918 г. 2-й губернский съезд Советов, под давлением левых эсеров и вопреки установкам «центра», повысил закупочные цены на хлеб в 3–4 раза выше установленных правительством [4], фактически приравняв их к рыночным. В начале лета продовольственные органы губернии закупали зерно у крестьян по цене 20 рублей за пуд, на «черном» рынке оно стоило лишь на 2 рубля дороже. Решение продовольственных проблем таким способом было явно не по карману как советским органам, так и, зачастую, рядовым гражданам [5]. 3 мая председатель Совнаркома республики В. И. Ленин и нарком продовольствия А. Д. Цюрупа «отбили» телеграмму в Вятку, в которой возмущались тем, что новые цены «явно направлены против рабочих и деревенской бедноты в угоду крестьянской мелкой буржуазии» [6]. Объемы государственных закупок в регионе даже по этим расценкам были ничтожны, между тем Вятская губерния, по прикидкам продовольственных органов, обладала большими запасами необмолоченного хлеба еще 10–15-летней давности. Например, средний крестьянин Уржумского уезда имел до 300 пудов «излишков» [7].

Неэффективность местной власти, неспособность ее взять хотя бы значительную часть этих запасов выпукло проявилась в конце весны 1918 г., когда на очередную телеграмму из Петрограда (17 мая) с просьбой помочь северной столице в борьбе с голодом исполком Вятского городского Совета отреагировал краткой резолюцией: послать нечего [8]. Задание по отправке хлеба в голодающие районы страны на май местные продовольственные органы выполнили в размере 1 %, а их руководители признали, что за вторую половину месяца ни одного фунта хлеба заготовлено не было [9]. Более того:

власти Вятской губернии объявили ее потребляющей и даже обратились к руководству страны с просьбой включить ее в список территорий, снабжаемых из государственных запасов [10].

Между тем хлеб в огромных количествах вывозился из губернии спекулянтами-перекупщиками, просто «мешочниками». Через одну лишь железнодорожную станцию Вятские Поляны Малмыжского уезда ежедневно «уходило» около 20 тысяч пудов, из хлебобродных Сарапульского и Елабужского уездов за первую половину 1918 г. было вывезено более 1 миллиона пудов [11]. Кулаки, зажиточные крестьяне, часть середняков игнорировали как правительственные указы, так и резолюцию Вятского ГИКа от 15 мая 1918 г. о проведении государственной хлебной монополии и политики твердых цен. В этом на местах их поддерживали не только правые, но и левые эсеры, члены других небольшевистских партий. Попытки решить проблему путем насильственного изъятия хлеба у крестьян и перекупщиков нередко встречали вооруженное сопротивление. «Профессиональные спекулянты-мешочники имели иногда при себе оружие и не останавливались даже перед вооруженным захватом хлеба, заготовленного государственными учреждениями... Толпы вооруженных спекулянтов представляли собой бандитские отряды, которые по сигналу белогвардейцев могли в любой момент выступить против советской власти» [12]. Надо полагать, эти «борцы за свободу торговли» играли не последнюю роль в антисоветских мятежах той поры.

Слабые, особенно в уездах и волостях, большевистские партийные организации были просто не в состоянии переломить ситуацию, взять верх над этой «хлебной оппозицией». Но и Москва с таким положением дел, естественно, долго мириться не могла. От вятских большевиков потребовали навести порядок в самой партийной организации, а также укрепить дисциплину и провести в жизнь принцип централизма в советских органах. Фактором, чрезвычайно усложняющим решение последней задачи, являлась необходимость сотрудничества РКП(б) в делах управления с партией левых эсеров, имевшей иной взгляд на управленческую деятельность и продовольственную проблему; в частности, левые эсеры не согласились с политикой продовольственной диктатуры, а их нежелание признать Брестский мир с Германией и ее союзниками создавало тем более взрывоопасную ситуацию.

Большевистский городской Совет РСД однозначно поддержал линию ЦК РКП(б) на большую, чем прежде, централизацию управления, чего нельзя было сказать о ГИКе. Особенно о сохранявшей сильные позиции в нем фракции левых эсеров, принципиальных сторонников децентрализации власти и управления. Поиску выхода из этого затруднительного положения было по-

священо проходившее 20—21 мая в Вятке секретное совещание президиумов губисполкома (ГИКа), городского Совета РСД и уездного исполкома крестьянских депутатов (далее — ИКД). ГИК на нем представляли И. Я. Носков (председатель) и Романов, горсовет — М. М. Попов, П. П. Капустин, В. И. Лалетин, С. И. Малыгин, от ИКД присутствовали И. И. Вьюгов, В. М. Колупаев, М. А. Корчемкин [13]. Большинство участников совещания являлись членами большевистской партии. Но если президиум горсовета имел надежный политический тыл (похожая ситуация наблюдалась и в уездном исполкоме), то представителям ГИКа на совещании приходилось считаться с засилием эсеров в этом органе, где члены РКП(б) в это время находились в меньшинстве [14].

Члены президиума горсовета настаивали на том, что при существующей системе управления городом и регионом невозможно выбраться из состояния хаоса и анархии, нельзя успешно решать жизненно важные экономические, социальные и иные проблемы. Безусловный сторонник централизации управления и твердой дисциплины В. И. Лалетин заметил, что если бы московский комиссар своими глазами увидел царящие на станциях Вятки беспорядки, то он бы собственноручно расстрелял ответственных за это местных комиссаров [15]. Председательствовавший на совещании П. П. Капустин заявил, что в сложившихся обстоятельствах установки центральной власти целесообразно проводить через узкие коллегии — президиумы советских органов, если понадобится, вопреки воли их исполкомов [16]. В ответ лидеры ГИКа, не вдохновленные перспективой конфронтации с его левоэсеровским большинством («я не могу взять на себя ответственность диктатуры, — заявил И. Носков, — так как люди в президиуме губернского исполкома других политических взглядов; я не опытен»), предложили для начала усилить коммунистическое влияние в президиуме губисполкома путем введения в него таких авторитетных большевистских лидеров, как М. Попов и П. Капустин. Но и этот вариант оказался тупиковым, ибо двое названных деятелей, как и находившиеся в это время в командировке И. В. Попов и Иван Груздев, составляли руководящее ядро горсовета, который оказался бы существенно ослабленным в случае реализации предложения Носкова. В конечном счете приняли компромиссное решение: вывести из президиума ГИКа Кошечева и кооптировать на его место И. В. Попова после возвращения его из поездки. (Фактически на смену Кошечеву от горсовета 4 июня будет делегирован не Иван Попов, а Бабинцев.) [17]

Помимо вопроса о взаимодействии президиумов советских органов, участники совещания рассмотрели «горящий» вопрос реорганизации губернского военного комиссариата, ибо, как выразился П. Капустин, «охрана револю-

ции в Вятке» на данный момент ненадежна. В обновленный губвоенкомат по итогам обсуждения вошли: делегированный горсоветом Симонов, Псарев от ГИКа и С. Малыгин от уездного исполкома крестьянских депутатов [18]. Результаты совещания президиумов два дня спустя (23 мая) были закреплены общим собранием членов губернского, городского и уездного исполкомов Советов, которые приняли решение о формировании на их базе объединенного президиума. За резолюцию проголосовали 30 участников форума, при одном против и четырех воздержавшихся [19]. Однако идея эта оказалась, в конечном счете, «торпедированной» левыми эсерами [20], в силу чего пришлось искать иной вариант централизации управления регионом. Так родилась идея Военно-революционного штаба. Но ее реализации, в качестве неперемennого условия, должно было предшествовать укрепление губернской большевистской организации, находившейся в состоянии разброда и полураспада.

Началась ее консолидация, реорганизация, чистка. В сравнении с осенью 1917 г. к началу лета 1918 г. численно вятская городская организация большевиков выросла в несколько раз (с 70 до 400 членов), но на качество состава это сказалось не лучшим образом. По определению М. М. Попова, в данный период «в нее вошло много отрицательных элементов» [21]. При этом сохранялась и организационная слабость и расплывчатость. Поэтому созданная 9 июня для чистки организации комиссия была вскоре реорганизована в оргбюро, в составе: Безденежных, Кошкин, Лалетин, Перевалов, М. Попов, Фалалеев и Шихов. Оргбюро, в свою очередь, возложило на себя обязанности городского комитета РКП(б), ввиду отсутствия такового.

«Законный» горком партии был сформирован немного позднее — 22 июня, на общегородском собрании большевиков; его членами стали Грязев, Коровкин, Оттендер, Перевалов и М. Попов. При парткоме была открыта партийная школа (заведующий — Коровкин), организована агитационно-пропагандистская коллегия (Капустин, М. Попов, Трубинский и др.), развернувшая агитационную деятельность. В помощь местным большевикам в июле 1918 г. из Москвы вновь были присланы в качестве партийных работников О. Алексакис, А. Стругацкий и Я. Урановский, которые основательно помогли местным руководителям провести всю эту реорганизацию и чистку, а также уточнить правила приема в партию [22].

В структуре городского комитета РКП(б) сложились национальные секции — эстонская, латышская, интернациональная. В последней преобладали венгры (мадьяры). Решение это было оправдано тем, что в годы Первой мировой войны за счет военнопленных национальный состав населения Вятской губернии стал особенно пестрым. На конец 1917 г. военнопленные немцы,

австрийцы, венгры, поляки и т. д. проживали в Вятке, Белой и Черной Холуницах, Воткинском заводе, Глазове, Ижевске, Климковских заводах, Котельниче, Малмыже, Нолинске, Орлове, Сарапуле, Слободском, Уржуме [23]. Национальными секциями комитета большевистской партии руководили (соответственно): Круль, Азин, Гольдберг и Пристач. Впервые стали создаваться партийные ячейки при всех относительно крупных предприятиях. Наиболее значимые из них возглавлялись тогда Ивановым (станция Вятка-2), Касаткиным (фабрика бывшая Булычева), Цыбиным (Вятка-1) [24]. Появились первые ячейки даже в среде служащих, интеллигенции [25].

Велось строительство общерегиональной организации. В июле 2-я губернская конференция РКП(б) избрала губком партии в составе семи человек, это были: М. Попов, Н. Елкин (Уржум), Жилин (Холуница), И. Кудрин (Нолинск), С. Одегов, И. Попов, С. Шубин (Глазов) [26]. В соответствии с новым советским законодательством продолжилась борьба за чистоту партийных рядов, против коррупции в управленческом аппарате, что, естественно, давало какой-то результат, но проблемы в этой области возникали систематически. Так, на заседании исполкома горсовета 28 июня М. М. Попов вновь поднимал вопрос о том, что «в последнее время наблюдаются такие явления, что процветает со стороны советских служащих взяточничество, воровство». Докладчик потребовал непримиримой борьбы с подобными явлениями и вменил в обязанность членам исполкома давать еженедельный отчет избирателям о проделанной работе. На заседании 4 июля Попов счел необходимым продублировать последнее требование [27].

Разумеется, склонность определенной части старых и новых (советских, партийных) чиновников к злоупотреблениям служебным положением, к коррупции наблюдалась не только в Вятской губернии, и у этого явления были глубокие исторические, социально-психологические корни. Не случайно в число главных задач ВЧК входила борьба с ним, а В. И. Ленин неоднократно говорил и писал о том, что бюрократическая болезнь смертельно опасна для советской власти и что, с тех пор как партия стала правящей, в нее полезли такие мерзавцы, которые заслуживают лишь тюрьмы и пули [28]. Подписанный им 8 мая 1918 г. Декрет Совнаркома «О взяточничестве» за получение, дачу взятки или подстрекательство к ней для должностных лиц любого уровня предусматривал наказание «лишением свободы на срок не менее пяти лет, соединенным с принудительными работами на тот же срок», в оговоренных случаях — с конфискацией имущества [29].

В результате предпринятых шагов положение большевистской организации в Вятке, отчасти в губернии в целом, несколько упрочилось. На 2-й

губернской конференции РКП(б) в конце июля 1918 г. по поводу губернского центра прозвучала довольно оптимистичная оценка: «Настроение рабочих, попавших в апреле — мае сего года под влиянием меньшевиков, стало изменяться». Определенные подвиги, действительно, происходили. В частности, рабочие кожевенных заводов Торгового дома «М. Д. Лаптев с С-мъ» на своем собрании 1 июня постановили в вопросе поддержки большевистской власти «присоединиться к железнодорожным рабочим и вообще к рабочему пролетариату» [30]. Повысился боевой дух в воинских частях, укрепились дисциплина, причем, как это особо подчеркнул в своих мемуарах А. Н. Новоселов, «не только в Летучем отряде, но и, например, в «воздухоотрядах» (в смысле авиации. — В. Б.), где ощущалось эсерово-меньшевистское проникновение» [31].

Так были созданы политические предпосылки для перелома в деле реализации общегосударственной политики. Летом 1918 г. была проведена мобилизация на продовольственную работу членов партии, бывших красногвардейцев (их отряды с весны того же года стали включаться в состав регулярных частей Красной армии). По свидетельству А. Т. Кувалдина, в продотряд ушли 15 человек из бывшего отряда Красной гвардии железнодорожников [32]. Но для развертывания той масштабной работы по хлебозаготовкам, которая бы соответствовала ожиданиям и задачам, поставленным перед губернией столичным центром, собственных сил явно не хватало. Поэтому большинство продотрядов, появившихся летом 1918 г. в вятской сельской глубинке, были неместного происхождения. Кроме того, факторами, существенно осложнившими эту работу, стали разрыв большевиков с левыми эсерами и, особенно, Гражданская война, которая в середине лета опалила своим дыханием территорию Вятской губернии.

Разрыв с левыми эсерами назревал с весны 1918 г., и причины его были достаточно вескими. Борьба за Брестский мир выявила непримиримое противоречие между государственным инстинктом большевизма (наиболее полно проявившимся тогда в ленинской позиции) и революционным авантюризмом ПЛСР. Вышедшее на первый план весной 1918 г. во внутренней политике большевиков стремление к наведению порядка, обузданию разбухшей Февралем анархии, предполагавшее выстраивание властной вертикали, усиление управленческого централизма и определенное «закручивание гаек», столкнулось с противоположной тенденцией в идеологии и политическом поведении левых эсеров. По свидетельству председателя ГИКа, большевика М. И. Рейтава, после 2-го губернского съезда Советов (апрель 1918 г.) во вновь сформированном губисполкоме большевики и левые эсеры какое-то время работали относительно дружно. Расхождения между ними стали нара-

стать после поворота ЦК РКП(б) и правительства РСФСР к централизации [33]. Левые эсеры, по существу, саботировали и проведение в жизнь большевистской продовольственной политики. Накануне разрыва, 4 июля, на заседании исполкома горсовета В. И. Лалетин сделал заявление о том, что губернское продовольственное бюро практически не ведет борьбу с мешочниками ни на железной дороге, ни на городской пристани, в результате чего там и там «процветает свободный провоз продуктов, товаров и т. д.» [34]

Инициаторами разрыва межпартийного союза и в центре, и в Вятской губернии выступили левые эсеры. В Москве 6 июля, во время работы 5-го Всероссийского съезда Советов, левозэсеровские боевики Николай Андреев и Яков Блюмкин, выполняя решение ЦК своей партии, убили германского посла Мирбаха. Преследовалась цель возобновления войны между Советской Россией и Германией. Возникший на этой почве межпартийный вооруженный конфликт (понимаемый как мятеж левых эсеров) был подавлен верными РКП(б) военными формированиями, а левые эсеры превратились в политических противников большевизма.

Вятские левые эсеры, — утверждал М. И. Рейтав, — действовали в духе своего Центрального комитета (35). В качестве повода для разрыва с местными большевиками был использован расстрел за воровство четырех красноармейцев. По этому поводу местная организация ПЛСР выпустила антибольшевистскую прокламацию. В самом исполкоме 6 июля левозэсеровская фракция предъявила ультиматум большевикам, потребовав отказа от безоговорочного выполнения распоряжений центра, в том числе — о создании комитетов бедноты. Большевики ультиматум отвергли, а губвоенкомат разоружил городскую организацию ПЛСР. В ответ на это левые эсеры 7 июля вышли из ГИКа и перенесли свою штаб-квартиру в Глазов [36]. Размежевание большевиков с бывшими союзниками, с одной стороны, несколько упростило управленческие процедуры, облегчило принятие нужных решений в соответствующих органах, в целом сделало ситуацию более прозрачной и предсказуемой. С другой стороны, выход левых эсеров из ГИКа почти полностью парализовал работу губернского исполкома Советов; в нем осталось всего лишь 10 членов [37]. Это обстоятельство явилось одной из главных причин формирования чрезвычайного органа — Военно-революционного штаба (правда, А. Н. Новоселов утверждал, что организация штаба произошла «незадолго до мятежа левых эсеров в Москве», но другие источники называют 7 июля). В состав штаба входили исключительно большевики — И. В. Попов (председатель), Я. Урановский (секретарь), П. П. Капустин, Круль, губернский военком С. И. Малыгин, и создан он был по инициативе горкома партии. Немного позднее к

членам ВРШ добавились А. С. Трубинский и возглавлявший вятскую городскую организацию РКП(б) М. М. Попов [38].

Кроме того, переход к однопартийному управлению заметно сузил социальную базу советской власти в губернии. Хотя большевизм постепенно проникал в сельскую местность, но процесс этот шел медленно, затрагивая лишь ограниченное число волостей. В июле 1918 г. по выборочной оценке в пяти уездах (Глазовский, Малмыжский, Котельничский, Нолинский, Орловский) было зафиксировано лишь 13 волостных ячеек РКП(б). В целом же по губернии, после проведенной партийной чистки и первой полосы мобилизаций на фронт, коммунистов насчитывалось 855 человек [39]. Для гигантского региона, по большому счету, это была капля в море. Позиции левых эсеров в сельской глубинке пока оставались более прочными. Поэтому в исполкомах Советов Вятского, Котельничского, Уржумского уездов левые эсеры в начале лета 1918 г. имели более половины мандатов, в прочих уездах губернии — от 12,5% в Малмыжском до 47,3% в Елабужском [40]. Значительная часть депутатов оставалась беспартийной. В Глазове также была проведена реорганизация местной организации, в которой на конец июля насчитывалось всего 50 коммунистов; в местном Совете РСД преобладали левые эсеры. Правда, по словам глазовского делегата 2-й губернской конференции РКП(б), председателя этого Совета И. Шубина, они отмежевались от политики ЦК своей партии и продолжили сотрудничество с большевиками [41].

Несколько смягчало ситуацию и связанное с нею обострение «кадрового голода» то обстоятельство, что немалая часть левых эсеров (как это было в Глазове) осудила авантюристические шаги своего партийного руководства, считая возможным дальнейшее взаимодействие с партией большевиков. В свою очередь, например, председатель ГИК М. И. Рейтав, выступая на 2-й губернской конференции большевиков, отмечал целесообразность такого сотрудничества [42]. Почва для компромисса, склонность к нему обеих сторон сохранялись и далее. Три недели спустя, 22 августа, в одном из своих постановлений Вятский горисполком оговорил право местных организаций левых эсеров, эсеров-максималистов и меньшевиков-интернационалистов, «стоящих на платформе советской власти», участвовать в предстоящих выборах и быть представленными в местных Советах [43]. Тем не менее, хотя бы частичный переход ПЛСР в лагерь контрреволюции подлил масла в костер, став одним из факторов разжигания в стране большой Гражданской войны. Усложнил он для местных властей и решение задачи хлебозаготовок.

Хотя продовольственный вопрос в самой Вятке не стоял так остро, как в Москве, Петрограде или в какой-либо северной губернии типа Олонецкой,

однако и здесь хватало проблем. Помимо хлеба в городе по талонам выдавались чай и мука, но в хлебе, по словам Титлинова, в июле ощущалась «крайняя нужда» [44]. К тому же население города росло за счет беженцев из более голодных районов и вывезенных сюда детей рабочих Петрограда (на их содержание в конце марта ГИК выделил 50 тысяч рублей и обратился к населению с призывом помочь детям) [45]. Финансовое положение властей оставалось также, мягко говоря, не блестящим, а в отдельные моменты просто тяжелейшим. Так, 26 мая А. С. Трубинский доложил на заседании горисполкома: в кассе городского самоуправления пусто, в то время как только на зарплату рабочим и служащим до 1 июня потребуется 110 тысяч рублей [46].

Время от времени на помощь приходила Москва, выделяя губернским властям кредиты [47], однако в сложившихся обстоятельствах главным средством избежать гуманитарной катастрофы, тотального голода в городских поселениях даже самой Вятской губернии оставалось принудительное изъятие продовольствия, главным образом хлеба, у жителей деревни. Первый отряд местного происхождения был сформирован и возглавлен членом исполкома Вятского горсовета Титлиновым. Состоявший из работников фабрики бывшей Булычева отряд к началу июля доставил в город около 30 тысяч пудов зерна [48]. Однако официальное совместное решение горсовета, губернского продовольственного комитета и губвоенкомата о формировании продотрядов было принято лишь 31 августа. Поручалось это дело губпродкому. Он же, по крайней мере с середины лета, координировал продолжавшиеся в городах региона конфискации и реквизиции [49]. С переменным успехом велась борьба с мешочничеством и спекуляцией. Уральский комиссар в Вятке А. П. Спундэ, заостряя проблему, заявил даже на 2-й партийной губернской конференции в начале августа: «Хлебная монополия фактически не проведена. Хлеб все время продавался по вольной цене» [50].

Решающую роль в осуществлении хлебозаготовок во второй половине 1918 г. в Вятской губернии сыграли все же присланные из центра страны продотряды, общая численность членов которых в конце года оценивалась в 4 174 человека, в то время как местных насчитывалось лишь 303 продармейца. Первый продовольственный отряд рабочих Петрограда прибыл в губернию в июне [51]. Но особое значение имело появление здесь 26 июля в качестве чрезвычайного комиссара «центра» бывшего наркома продовольствия А. Г. Шлихтера. В помощь ему был выделен 1-й продовольственный полк продармии, насчитывающий 2,5 тысячи штыков [52].

Главное внимание комиссар обратил на уезды Сарапульский (где по имеющимся прикидкам находилось до 2—2,5 миллионов пудов хлебных «излиш-

ков»), Елабужский, Малмыжский. Изъятый хлеб оплачивался деньгами и промышленными товарами. Но деньги все быстрее обесценивались, а потому фиксированные государственные цены на хлеб все меньше устраивали крестьянство. Промышленных изделий же для полноценного товарообмена между городом и деревней не хватало (кстати, еще с 1915—1916 гг.), и потому они выдавались как премия успешно выполняющей разверстку волости для справедливого распределения между особо нуждающимися в них крестьянами.

Задания по хлебу устанавливались Шлихтером для уездов, их власти разверстывали таковые между волостями и общинами. Это был один из первых советских опытов возобновления политики продразверстки, в свое время введенной царским и продолженной Временным правительством. За две недели чрезвычайному комиссару и его отряду удалось заготовить таким способом (в последующие годы Гражданской войны этот опыт будет использован как всероссийскими, так и местными властями) 308 700 пудов зерна. Затем, ввиду приближения линии фронта к южным границам губернии и начавшихся в ней мятежей и восстаний, экспедиция свернула свою деятельность 12 августа 1918 г. [53].

Деревня воспринимала продразверстку в описанном выше варианте по-разному и далеко не всегда враждебно. Часть крестьян, хотя и без особой радости, шли на нее добровольно. Сопротивление в большинстве случаев имело место в среде несших наибольшие материальные потери от разверстки кулаков и зажиточных крестьян. Продотрядовцы (Шлихтера и иные) не только изымали хлеб, но и, опять же продолжая линию Временного правительства, порой участвовали в обмолоте стоявших без движения многие годы скирд хлеба [54]. Кроме того, часть заготовленного продармейцами зерна передавалось деревенской бедноте. Например, в Малмыжском уезде эта часть составила 15 тысяч пудов из 100 тысяч [55]. Именно на бедноту, которая ничего не теряла, а, напротив, приобретала (где-то хлеб, а где-то и часть кулацких земель), опирались продотрядовцы и в целом советская власть в деревне. Больше в тот период (с учетом колеблющейся, а иногда и враждебной, позиции середняка) опереться было просто не на кого.

Сущность момента было отражена в принятой 5 июля 5-м Всероссийским съездом Советов РКККД резолюции, где говорилось: «В течение полутора-двух месяцев, остающихся до сбора и подвоза нового урожая, продовольственный вопрос остается самым жгучим и боевым вопросом дня. Вырвать хлеб у кулаков можно только организовавши деревенскую бедноту и оказывая этой бедноте самую горячую моральную и материальную поддержку из городских очагов рабочей и крестьянской революции» [56]. Между тем, еще

до соответствующих решений «центра», началось стихийное организационное сплочение сельской бедноты в процессе ее противостояния с кулацкой частью деревни. К 1 июня 1918 г. в Вятском уезде было создано 38 комбедов, в Нолинском — 162 и т. д. [57] С появлением декрета ВЦИК от 11 июня этот процесс получил юридическое обоснование, а комбедам были временно переданы властные полномочия местных Советов, сплошь и рядом оказавшихся в руках кулаков и тяготевшей к ним зажиточной части крестьянства.

В те годы, затем в годы эмиграции продовольственная политика большевиков подвергалась суровой критике. С упоением это делают и некоторые современные авторы [57], как правило, забывая при этом ответить на вопрос: а какой могла быть ей альтернатива **именно в тех конкретно-исторических условиях?** Мало обругать комбеды, надо еще объяснить, как можно было взять хлеб без их участия. Между тем сама логика событий выстраивалась предельно просто. В стране, доведенной до разрухи, голода, отчаяния Первой мировой войной, Февральской революцией и спровоцированной ею анархией, политикой предшествующих правителей, либо, спасая остатки государственности, брали верх продотрядовцы при поддержке комбедов, либо побеждали кулаки, делавшие деньги на голоде и человеческих страданиях.

Эта логика была вполне понятна и современникам, ее принимали во внимание даже честные противники большевиков. Например, высланный ими из страны в начале 1920-х гг. философ-эмигрант Л. П. Карсавин, который писал: «Возможно ли было в стране с бегущей по всем дорогам армией, с разрушающимся транспортом... спасти города от абсолютного голода иначе, как реквизируя и распределяя, грабя банки, магазины, рынки, прекращая свободную торговлю? Даже этими героическими средствами достигалось спасение от голодной смерти только части городского населения и вместе с ним правительственного аппарата: другая часть вымирала» [58].

Историк-краевед Ю. Н. Тимкин, обращая внимание на неграмотность, сомнительные человеческие качества иных комбедовцев, признает, вместе с тем, что, будучи бесполезными в делах управления, комбеды все же «были эффективны при проведении конфискации, реквизиций и т. п.», что они смогли «консолидировать бедноту, нанеся мощный удар по зажиточным слоям и осуществив земельный передел, гораздо более масштабный, чем захват помещичьих земель» [59]. Но комбеды именно для этого и создавались, о чем недвусмысленно свидетельствует цитируемая выше резолюция 5-го Всероссийского съезда Советов. Создавались временно, на период упрочения советской власти и развертывания сети местных органов Наркомпрода. После решения этих задач на смену политике бессистемных набегов продотрядов на

деревню пришла более спокойная и относительно упорядоченная политика продразверстки. Тогда и отпала нужда в комбедах, власть была возвращена Советам. Поэтому утверждение того же автора о том, что «в ноябре 1918 г. на VI Всероссийском съезде Советов было принято решение, для многих неожиданное (выделено мною. — В. Б.), о слиянии комбедов и Советов» [60], нуждается, по крайней мере, в уточнении — кого он имеет в виду под определением «многие». Что же касается человеческих качеств комбедовцев, то кто и когда утверждал, что все они как на подбор были изумительно порядочными людьми? Автору данной книги таких утверждений встречать не приходилось. С другой стороны, пока еще никто аргументированно не доказал, что в каких-то иных слоях населения уровень благородства был на порядок выше.

Кампания по созданию комбедов в Вятской губернии разворачивалась неспешно. В июле их было 209, в августе 331. Темпы тем более невысокие, если учесть, что уже в апреле в регионе их насчитывалось 195, а в мае — 200, то есть июнь — июль в этом плане по какой-то причине оказались, по существу, бесплодными. И лишь в осенние месяцы движение приобрело массовый характер: сентябрь — 1 308 комбедов, октябрь — 4 318, декабрь — 159 888. В ноябре был проведен губернский съезд комбедов [61]... Свертывание сети комбедов в Вятской губернии также было неспешным и в основном завершилось к началу весны 1919 г.

Возвращаясь к вопросу о кадровом обеспечении процесса реализации государственной продовольственной политики 1918 г., следует заметить, что разные люди встречались и в продотрядах, несмотря на требования центра не допускать в них мародеров и прочих склонных к криминалу и злоупотреблениям лиц [62]. Случалось, проникали в них и явные негодяи, которые в первую очередь и провоцировали крестьянские бунты и восстания. При той слабости центральной и местной власти, которая наблюдалась в 1918 г., издержки такого рода были неизбежны. С другой стороны, и самим продотрядовцам хлеб нередко доставался с кровью, ценою жизни. Вот лишь отдельные примеры, иллюстрирующие данное утверждение.

В Бисеровской и Афанасьевской волостях Глазовского уезда летом 1918 г. кулаки и их сторонники разогнали Советы и зверски расправились с членами возглавляемого заместителем председателя Глазовского уездного исполкома Соболевым продотряда. Часть его бойцов погибли в бою. Захваченного в плен Николая Козырева, раздев догола, водили по селу Афанасьеву, били, издевались, после чего живым закопали в землю. Та же участь постигла и командира отряда. От рук кулаков погиб руководитель Омутнинского продовольственного отряда Н. И. Тукмачев [63]. В июне в деревне Шахайки Яранского уезда

мятежники, подтянувшись сюда из 20 окрестных деревень, разгромили присланные уездным исполкомом продотряды. Были убиты 8 человек, в том числе командир Кропинов. Восстание было подавлено прибывшим из Яранска отрядом красноармейцев при участии местной бедноты. Часть бедняков после этого влилась в отряд [64].

В июне 1918 г. произошли первые позитивные подвижки в деле хлебозаготовок: к 1 июля Вятская губерния заготовила по твердым ценам и дала государству 150 тысяч пудов зерна, что составляло лишь малую часть заданий центра. Реальный перелом пришелся на осень — зиму того же года, когда на фоне быстрого развертывания сети комбедов и появления в регионе дополнительных продотрядов из вятской деревни пошел «большой» хлеб. По сведениям Вятского губпродкома, с 1 августа 1918 г. по 1 апреля 1919 г. здесь удалось заготовить зерна и муки в общей сложности 7 миллионов 943 тысячи 326 пудов [65]. При этом лишь малая часть указанного объема пришлось на два летних месяца — июль и август, и этот провальный результат был обусловлен первым раундом Гражданской войны, разразившимся на территории губернии, главным образом в ее плодородных южных уездах.

Примечания к 12-й главе

1. См.: Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. М., 1992. С. 293.
2. Быстрова А. С. Комитеты бедноты в Вятской губернии. Киров, 1956. С. 6.
3. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 264. Л. 38.
4. Очерки истории Кировской организации... Ч. 1. С. 502; Быстрова А. С. Указ. соч. С. 10.
5. См.: Алексеев Ю. П. Экспедиция А. Г. Шлихтера и С. П. Середы за хлебом в 1918 г. // История СССР. 1966. № 3. С. 138.
6. ДСВ. М., 1959. Т. 2. С. 588.
7. Алексеев Ю. П. Указ. соч. С. 138.
8. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 122.
9. Быстрова А. С. Указ. соч. С. 11.
10. Алексеев Ю. П. Указ. соч. С. 138.
11. Там же. С. 12.
12. Там же.
13. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 124, 125.
14. Там же. Л. 125.
15. Там же. Л. 129об.
16. Там же. Л. 123об.
17. Там же. Лл. 123, 123об., 124, 125, 128, 129, 129об., 132.
18. Там же. Лл. 123об., 132.

19. Установление и упрочение... С. 275.
20. См.: ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 15.
21. Там же. Л. 12.
22. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 115—117; ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.
23. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров. Ноябрь 1917 — март 1918 гг. М., 2006. С. 275.
24. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 117.
25. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а. Л. 12.
26. Там же. С. 132.
27. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 151, 153.
28. См.: Ленин В. И. Полн. собр. Соч. Т. 37. С. 480; Т. 38. С. 199 и др.
29. ДСВ. Т. 2. С. 242.
30. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 9. Л. 21.
31. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 12; Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 119.
32. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Л. 27.
33. ГАСПИКО. Ф. 1. оп. 1. Д. 6. Лл. 14, 15.
34. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 162об.
35. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 15.
36. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 118; ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 13; Загвоздкин Г. Г. Гражданская война // Энциклопедия Земли Вятской. Киров, 1995. Т. 4. С. 352; Быстрова А. С. Указ. соч. С. 21—22.
37. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 15.
38. Новоселов А. Н. Указ. соч. С. 118; Тимкин Ю. Н. Вятская губернская чрезвычайная комиссия в 1918—1920 годах // Из истории вятских спецслужб и полиции. Киров, 1997. С. 66; С почтением и благодарностью: Сборник. Киров, 1999. С. 34.
39. Быстрова А. С. Указ. соч. С. 18.
40. Там же. С. 8.
41. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
42. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 15.
43. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 198.
44. Там же. Лл. 178об., 197.
45. Там же. Лл. 69, 109.
46. Там же. Л. 142.
47. См., например: Там же. Лл. 139, 142.
48. Там же. Л. 163об.
49. Там же. Л. 162, 163об., 198.
50. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 31.
51. Кошечев Н. А. Продовольственная помощь вятского крестьянства Советскому государству в 1918—1919 годах // Ученые записки КГПИ. 1958. Вып. 17. С. 5—6.
52. Алексеев Ю. П. Указ. соч. С. 136, 138.

53. Там же. С. 137–139.
54. Кошечев Н. А. Указ. соч. С. 7–8.
55. Быстрова А. С. Указ. соч. С. 25.
56. ДСВ. Т. 2. С. 528–529.
57. См., например: Вятский край с древности до наших дней / Под ред. В. А. Бердинских. Киров, 2006 (автор соответствующей главы Ю. Н. Тимкин). С. 225–226.
58. Цит. по: Кожин В. В. Россия. Век XX (1901–1939). М., 2002. С. 160–161.
59. Вятский край с древности до наших дней. С. 226.
60. Там же.
61. Быстрова А. С. Указ. соч. С. 38, 40.
62. См., например: Бордюгов Г. А., Козлов В. А. Указ. соч. С. 298.
63. Очерки истории Кировской организации... С. 516.
64. Быстрова А. С. Указ. соч. С. 43.
65. Там же. С. 43, 44, 89–90.

Глава 13. Вятская губерния на начальном этапе гражданской войны

Вятская губерния становится одним из театров Гражданской войны в августе 1918 г., однако уже в июне — июле обстановка в регионе обострялась с каждым днем. Сопротивление части деревенского населения хлебозаготовкам, нередко переходившее в вооруженные конфликты (в одном лишь Глазовском уезде в летние месяцы было зарегистрировано около 80 подобных выступлений) [1], вынудило местные власти 10 июня объявить на военном положении г. Малмыж и Малмыжский уезд, 21 июня — Яранск. В тот же день П. П. Капустин от имени президиума Вятского городского Совета направил в ЦК РКП(б) отчаянное послание: «Немедленно требуем посылки партийных работников-руководителей. Положение неважное. Партийную организацию придется распустить. На заводах кадеты, правые эсеры, меньшевики... Нет сил бороться с мелкобуржуазной массой, болотом». В менее ультимативной и панической форме, но все же с явной озабоченностью, в конце июня Алексакис, Попов, Урановский от имени вятского комитета РКП(б) также потребовали от Москвы: «Срочно пришлите до пяти агитаторов-организаторов. Необходимо послать в уезды. Положение серьезное» [2].

В конечном счете, выходить из положения приходилось при опоре на собственные силы и ранее прибывших московских комиссаров. Поэтому 2 августа Вятский Военно-революционный штаб объявил на военном положе-

нии всю территорию губернии. В Котельниче и Слободском, при участии московского комиссара А. З. Стругацкого, в июле — августе была проведена «чистка» советских органов от подозреваемых в заговоре левых эсеров, образованы Военно-революционные штабы. ВРШ появились в Уржумском и некоторых других уездах [3].

В Глазове, где в начале августа вслед за Вяткой постановлением военного комиссара города Н. Я. Шубина было введено военное положение, запрещались: хождение по улицам с 22.00 до 6.00 часов, работа увеселительных учреждений после 21 часа; собрания и митинги без особого на то разрешения военного комиссариата. Расстрелу на месте без суда и следствия подлежали виновники погромов и контрреволюционных выступлений и «все лица, выделяющие спиртные напитки, продающие их, а также замеченные на улицах в нетрезвом виде» [4].

В Вятке возглавляемый И. В. Поповым ВРШ закрыл небольшевистские газеты (левых эсеров, анархистов, эсеров-максималистов), вооружил партийные ячейки на предприятиях, объявил призыв в армию мужчин 1892–1897 гг. рождения, а также офицеров, медицинских и ветеринарных работников [5]. Сплочению относительно немногочисленных партийных сил способствовало создание во время работы 2-й губернской конференции большевиков дееспособного губернского комитета РКП(б), вобравшего в себя и горком партии. К началу осени в состав губкома входили 16 человек: Абсит, Груздев, Ежов, Н. И. Елкин, Митревич, И. В. Попов, недавно делегированная в Вятку ЦК РКП(б) Л. Н. Сталь, С. Я. Шубин и др. Возглавлял этот орган М. М. Попов [6].

В результате предпринятых шагов местные большевики почувствовали себя несколько увереннее. Выступая с докладом на 2-й губернской партийной конференции, председатель Вятского Военно-революционного штаба И. В. Попов, нелестно отозвавшись о губернном исполкоме Советов, вместе с тем заявил: «Твердая власть в губернии есть в лице ВРШ... Чрезвычайный штаб чувствует под собой твердую почву. Воинские части в общем хорошо дисциплинированы и не осмеливаются вмешиваться в распоряжения штаба, и даже Летучий отряд матросов делает уже меньше попыток вмешательства» [7]. Тем не менее и в самом губернном центре было неспокойно. В августе уральским областным комитетом РКП(б) в Вятку был направлен отряд вооруженных коммунистов численностью до 150 человек для подавления ожидавшегося здесь выступления белогвардейцев. Уральцы арестовали некоторых членов губисполкома, один из которых оказался чуть ли не бывшим жандармским ротмистром [8].

В числе факторов, дополнительно обострявших ситуацию в регионе, сле-

дует упомянуть отношения между светской властью и Русской православной церковью. Антиправительственные заявления патриарха Тихона (его анафема от 20 января 1918 г.), работавшего в Москве Поместного собора (воззвание от 25 января), и другие получили хождение в регионах России, в том числе и в Вятской губернии. Так, 20 июня того же года Орловский уездный Ревтрибунал (трибуналы в уездах вскоре будут ликвидированы) приговорил к 4-месячному заключению (с заменой одного штрафа в 2 тысячи рублей) священника приходского Совета Зосимо-Савватьевской церкви села Коршик Орловского уезда С. А. Князева за «распространение воззваний патриарха Тихона контрреволюционного характера», а также за ведение «устной и печатной агитации о непризнании декретов народных комиссаров» [9].

Князев первоначально отрицал инкриминируемое ему и всему коршикскому приходскому Совету деяние, но был уличен с помощью свидетелей и протокола ранее (26 марта) состоявшегося собрания этого Совета. Один из пунктов протокола гласил: «По вопросу о прочтении воззвания патриарха Тихона с церковного амвона постановили: прочитать, а имеющиеся экземпляры воззвания раздать по деревням» [10]. В конечном счете священник вину признал, подтвердив, что в этом деле им «была допущена большая ошибка», но добавил в свое оправдание, что по долгу службы не мог не выполнить предписаний вышестоящего церковного начальства [11]. В октябре вятский губернский Трибунал приговорил священника Николая Березовского из села Кстининского к четырем месяцам лишения свободы за то, что в марте того же 1918 г. он публично называл большевистскую партию «шайкой грабителей» [12].

В начале августа 1918 г. реальные очертания приобрели внешние для Вятской губернии угрозы. Она оказалась в непосредственной близости к эпицентру чехословацкого мятежа и в силу этого втягивалась в зону активного противоборства Красной армии и сил антибольшевистской коалиции. В какой-то мере коснулась ее и прямая иностранная интервенция. 2 августа интервенты захватили Архангельск, двинулись на Котлас, где находились огромные склады боеприпасов. 6 августа белочехи, поддержанные Народной армией Комуча, взяли Казань. Незадолго до этого, на заседании губернского чрезвычайного штаба 27 июля, было принято предложение большевика-латыша В. М. Азина о создании Вятского революционного батальона для борьбы с белочехами. В июле — августе был создан 19-й Уральский полк, который в ближайшем будущем сыграет большую роль в подавлении степановского мятежа и ижевско-воткинского восстания. Командиром первого батальона полка был назначен В. М. Азин, его помощником — А. И. Северихин [13].

Наступавшие на Котлас с севера войска англичан и белых были останов-

лены не без участия вятчан. На этот фронт из губернского центра было направлено возглавляемое П. П. Капустиным воинское формирование, ядро которого составили члены Летучего отряда балтийских матросов. Но все же главные военные проблемы осенне-летнего периода в регионе были связаны с подавлением вооруженных выступлений на территории самой Вятской губернии. Наиболее опасными из них оказались степановский и ижевско-воткинский.

Первый из них получил свое название по имени командира направленного в июле 1918 г. в южные уезды Вятской губернии 1-го Московского продовольственного полка капитана бывшей старой армии А. Степанова; в роли комиссара подразделения общей численностью 605 человек выступал некто Хомак. Явившись к пункту назначения, члены отряда сразу отличились пьянством, грабежами и насилиями в отношении местного населения [14]. И. В. Попов уже 31 июля в вышеупомянутом докладе на губернской партийной конференции доводил до сведения делегатов, что «продовольственные отряды, посланные из Москвы, в деревнях Уржумского уезда чинят насилия; начальники отряда Хомак и Карпов не считаются с губернской властью. Находящийся под командой Хомака отряд разоружил комбед в Уржумском уезде, было кровопролитие». Он добавил, что по этому поводу послана телеграмма Цюрупе и Троцкому, в уезд выехал Шлихтер, на месте ведет следствие Капустин, и, очевидно, оно будет скоро окончено [15]. Однако скоро закрыть это дело не получилось, события приняли весьма серьезный оборот.

Хомак фактически установил свою диктатуру в Уржуме. Местные большевики были слишком слабы, чтобы ему противостоять. Правда, по утверждению выходца из этих мест, большевика Н. Г. Максимовых, необходимое количество штыков (до 500 человек «войск бедноты») могла выставить соседняя Теребилловская волость. «Но, — продолжал в своих воспоминаниях Максимовых, — мир между Хомаком и советской властью выбил почву из-под ног», а во время последующего мятежа Степанова «на его выступление многие смотрели как на хомаковщину и не опрокинули его сразу, а это можно было сделать». Большую роль сыграло и то обстоятельство, что как Хомак, так и Степанов прикрывались лозунгами советской власти, «и пока Степанов не выбросил лозунга Учредительного собрания, никто не думал, что он пойдет против нас» [16].

8 августа степановцы, явившись в Малмыж, захватили денежные средства казначейства и кассы уездного продовольственного комитета; затем на пароходах по Вятке двинулись к Уржуму [17]. На этом этапе они открыто противопоставили себя советской власти и местная обстановка в этом плане ока-

залась для них вполне благоприятной. Уржумская большевистская организация, возглавляемая Н. И. Елкиным, насчитывала всего лишь около десятка членов, была маловлиятельной и серьезного сопротивления оказать степановцам не могла. Зато эсеров, ставших на сторону последних, здесь было до 400 человек [18]. Естественно, поддержали степановцев, влившись в их ряды, местные кулаки, купечество, хлебные спекулянты и мародеры, часть средних слоев городского населения.

8 августа мятежники овладели Уржумом, где создали временное правительство южного округа. Наряду со Степановым и Хомаком, в роли руководителей и идеологов движения выступали правые эсеры — бывший член Учредительного собрания А. Е. Кропотков, бывший уездный комиссар Временного правительства Н. А. Березинский, член губернского комитета партии эсеров П. Н. Чирков [19]. В Уржуме из тюрем были выпущены заключенные, в том числе и уголовники, велись расправы над коммунистами и советскими работниками. В первые же дни были расстреляны 12 человек. В эти дни в Уржумском уезде, в селе Петровское, в руки степановцев попали находившийся здесь в командировке комиссар юстиции Вятки Ю. А. Дрелевский и бывший с ним в поездке инструктор Нолинского уездного военкомата Е. А. Карелов. В течение четырех дней они подвергались зверским пыткам в уржумской тюрьме, после чего были расстреляны в лесу, близ деревни Теребиловской [20].

В ходе последующего наступления 16 августа мятежники, при поддержке местного антисоветского подполья, возглавляемого бывшим офицером царской армии И. Прокашевым, взяли Нолинск, затем Лебяжье и готовились к походу на Котельнич и Вятку. В Нолинске местные большевики и советские работники оказали им яростное сопротивление, забаррикадовавшись в здании уездного комитета партии. Но силы были явно неравные, в силу чего часть оборонявшихся погибли в бою, другие — в огне подожженного дома; спаслись немногие. Руководивший обороной уездный военный комиссар А. Д. Ви-харев был захвачен в плен и зверски замучен [21]. Кроме Уржума, Малмыжа и Нолинска советская власть на недолгое время была свергнута преимущественно местными антибольшевистскими силами в Яранске и Санчурске.

Но успехи мятежников скорее предопределялись слабостью местных большевистских организаций, неукорененностью новой власти, чем действительно массовой поддержкой населения, особенно в деревне. Во всяком случае, вятский Военно-революционный штаб, в короткий срок проведя мобилизационные мероприятия, сумел обеспечить перевес сил и перелом в ходе военных действий. Уже в середине августа из мобилизованных коммунистов, членов продовольственных отрядов, рабочих и крестьян ряда уездов и самой

Вятки были сформированы отряды и дружины, в том числе 2-й батальон 19-го Уральского полка, возглавили который И. В. Попов и Я. Урановский.

Батальон выдвинулся к Котельничу и далее, навстречу степановцам. В помощь ему РВС 2-й армии Восточного фронта выслал суда Волжской речной флотилии и Полтавский стрелковый полк под командованием в недавнем прошлом руководителя одного из петроградских продовольственных отрядов в губернии Г. М. Зусмановича. В Котельнич прибыл бронепоезд, присланный из Перми Уральским областным Советом [22]. Во второй половине августа в боях под Лебяжьем, Шурмой и Уржумом мятежники были разбиты. Остатки степановцев отошли к Казани, где влились в Народную армию самарского Комуча в виде отдельного Уржумского полка. Позднее он участвовал в боях против Красной армии в Поволжье и — в составе армии Колчака — в Сибири [23].

Еще более грозным для новой власти событием стало ижевско-воткинское восстание. В современной публицистике его нередко изображают **типичным** примером враждебности рабочих по отношению к большевикам. На самом деле рабочий класс России (затем СССР) на всех этапах революции, Гражданской войны, а затем и сталинской «революции сверху» конца 1920—1930-х гг. в массе своей оставался главной социальной базой и опорой большевизма, что, разумеется, не исключало случаи его участия в забастовках периода нэпа или проявления недовольства по каким-то конкретным поводам в различные годы и десятилетия. События, о которых пойдет речь, явление отнюдь не типичное, и обусловлено оно сочетанием ряда факторов. Большинство из них были обозначены еще в «Очерках истории Кировской организации КПСС» (Горький, 1969. Ч. 2. С. 24—25). Поэтому трудно согласиться с некоторыми современными утверждениями о том, что советская историография оказалась бессильной понять и объяснить ижевско-воткинский феномен [24]. Вместе с тем появившиеся в последние годы новые исторические труды позволяют уточнить кое-какие детали.

Рабочие находившихся на территории Сарапульского уезда казенных Ижевского оружейного (к нему примыкали ряд заводов и фабрик помельче) и Воткинского машиностроительного заводов, будучи стабильно обеспечены государственными заказами, традиционно имели неплохой (в понятиях тех лет) заработок и относительно высокий жизненный уровень. Последний обеспечивался дополнительно приработком «от земли»: большинство местных рабочих имели хозяйство и вели полукрестьянский образ жизни. На Воткинском заводе работали несколько тысяч человек, производивших паровозы, пароходы, другие машины. Они владели своими домами и землями, пользовались заводским озером, лесом и другими угодьями. Оба завода были нерента-

большими, убытки до поры до времени покрывались за счет государственного бюджета [25]. С началом Первой мировой войны по причинам, характерным для всей страны, материальное положение местных жителей стало несколько ухудшаться, после Февральской революции процесс этот ускорился и приобрел обвальный характер в 1918 г.

Существовали и некоторые специфические причины. Ижевский оружейный завод входил в число промышленных гигантов старой России. До начала Первой мировой войны на нем работало до 18 тысяч рабочих, составлявших вместе с семьями и нерабочим населением завода около 50 тысяч человек. Во время войны число работников росло и к моменту Октябрьской революции достигло 27 тысяч, причем немалую их часть составили люди, прибывшие из различных мест и замещившие призванных на фронт местных, коренных ижевцев. После Февральской революции и далее, когда рухнул фронт и армия развалилась, последние стали возвращаться домой и выяснять, что их рабочие места уже заняты. К тому же и работы из-за начавшейся разрухи стало меньше [26].

Поэтому в рабочей среде постепенно нарастало глухое недовольство царским, затем Временным правительством, но его апогей, как и сам социальный взрыв, пришлось на первый год советской власти. К тому же местных рабочих-полукрестьян больно задела проводимая с мая — июня 1918 г. большевиками политика продовольственной диктатуры с ее продотрядами, обысками, принудительными реквизициями хлеба [27]. Кроме того, к моменту восстания была чрезвычайно ослаблена мобилизациями на фронт коммунистов и сочувствовавших им рабочих некогда самая сильная в регионе (уже в сентябре 1917 г. около 700 членов) партийная организация. К тому же заводы захватила общегубернская тенденция временного снижения авторитета большевиков (и соответствующего усиления позиций меньшевиков и эсеров) весной — в начале лета 1918 г., причем в южных земледельческих уездах она оказалась более устойчивой.

Одним из симптомов нараставшего кризиса 1918 г. стало явное нежелание заводчан вступать в Красную армию, запись в которую первоначально носила добровольный характер. Занимавшийся вербовкой в ряды РККА заведующий политотделом 2-й армии Восточного фронта Александр Кучкин так характеризовал сложившуюся обстановку: «В партийном комитете нам уже говорили, что большинство рабочих настроены враждебно к коммунистам, идут за максималистами, за эсерами, за меньшевиками, что толку от вербовки добровольцев не будет. Но мы и верить не хотели. Как же так, рабочие не поддержат Советскую власть, не поддержат свою армию?.. Надежда в нас не

гасла. С ней мы шли на митинги... Наши призывы, в которых мы всячески изошрялись, стараясь сыграть хотя бы на чувстве, повисали в воздухе. Добровольцев же записалось — один молодой, лет 18 рабочий, над которым ядовито смеялись другие, расходясь с митинга. У ижевского военного комиссара записалось еще несколько добровольцев, у которых не хватило храбрости записаться на митингах. Наша миссия в Ижевске закончилась. С весьма тяжелым чувством, побитыми собаками оставляли мы Ижевск» [28].

В течение июня — июля 1918 г. на территориях, прилежавших к первому фронту Гражданской войны — Восточному фронту, произошел переход от добровольческого принципа строительства Красной армии к принудительным мобилизациям. В Ижевске с этого все и началось... К середине лета 1918 г. на роль ведущей политической силы на Ижевском оружейном и соседнем Воткинском машиностроительном заводах выдвинулся проэсеро-эсеровский «Союз фронтовиков», насчитывавший в своих рядах на обоих предприятиях до 5 тысяч членов. «Союз» вел активную антиправительственную агитацию и готовил вооруженное выступление. Поводом к нему послужила попытка властей 7 августа провести на заводах мобилизацию в Красную армию.

Ответной реакцией стало восстание утром 8 августа нескольких сот фронтовиков, вытеснивших красных с территории завода. На следующий день они перешли в наступление на нагорную часть заводского поселения, захватив арсенал и здание исполкома Совета, в результате чего в их руки попали большинство местных большевистских руководителей. Глава местного ВРШ (он же заместитель председателя исполкома) С. И. Колмогоров погиб в бою. В плен попали многие рядовые коммунисты и сражавшиеся на их стороне рабочие. Уцелевшие бежали в сторону Сарапула [29]. После боя на заводе и в городе начались массовые аресты (в тюрьмы брошены более 3 тысяч человек) и расправы над политическими противниками. Председателя Ижевского Совета (с 1917 года), руководителя местной организации РКП(б) И. Д. Пастухова после пыток и истязаний полуживого зарыли в землю. В числе казненных оказались военный комиссар П. Лихвинцев, председатель военного отдела исполкома Совета В. С. Жечев, председатель Ревтрибунала В. Н. Михайлов, начальник милиции И. И. Рогалев и др. [30]

Восставшие приступили к организации собственной армии, один из отрядов которой был отправлен в Воткинск. Местное большевистское руководство позволило захватить себя врасплох, в результате чего после непродолжительного боя утром 17 августа пал и этот завод. Здесь также последовали кровавые расправы, унесшие сразу и в последующие месяцы около 700 человеческих жизней. В Воткинске важным трофеем нападавших стали захвачен-

ные ими несколько десятков миллионов рублей [31]. 31 августа восставшие овладели уездным центром Сарапулом, а затем распространили свое влияние на обширные территории Сарапульского, Елабужского, части Малмыжского и некоторых других уездов не только Вятской, но и Пермской губерний с общей численностью населения более 1 миллиона человек.

После того, как на ноябрьско-декабрьских 1917 г. выборах в Учредительное собрание в целом по стране более 80% голосов получили представители социалистических партий (эсеров, большевиков, меньшевиков, энесов и некоторых других менее значимых), в среде аналитиков родилась мысль о том, что в России начало Гражданской войны возможно лишь в форме столкновения между социалистами. Серьезным подтверждением этому тезису стало появление (правда, с помощью штыков интервентов) режимов «демократической контрреволюции», само формирование Восточного фронта. В эту же логику событий лета-осени 1918 г. вписывалось ижевско-воткинское восстание, руководство которым захватили эсеры.

Как писал об этом участник воткинского восстания журналист А. Я. Гутман-Ган, «к тому времени в Ижевске оказались четыре эсера, бывших членов разогнанного большевиками Учредительного собрания: Евсеев, Бузанов, Корякин и Шулаков. Пример самарского «Комуча» соблазнил ижевских эсеров: они поспешили объявить себя верховной властью под громким именем «Прикамский комитет Учредительного собрания» [32]. В. И. Бузанов стал председателем этого органа, Н. И. Евсеев, А. Д. Корякин и Шулаков — его членами. Комитет сформировал агитационно-просветительское бюро, занявшееся распространением партийной литературы и воззвания, в котором рабочие и крестьяне призывались к защите «завоеваний Февральской революции и Учредительного собрания». Не все фронтовики приветствовали эсеровскую власть, но вынуждены были с нею примириться. С другой стороны, «комитетчикам» руководство вооруженными силами пришлось отдать в руки боевых офицеров, отношения с которыми у них были далеко не идеальными. Во главе воинских формирований «прикамского Комуча» был поставлен штабс-капитан Г. Н. Юрьев.

Ориентируясь на тесное сотрудничество с самарским Комучем и союз с белочехами, ижевские эсеры, в целях оправдания последнего, в своих пропагандистских выступлениях, в издаваемой ими прессе (в частности, это газета «Ижевский защитник») распространяли заведомо ложные измышления о том, что большевистское правительство якобы «опирается на немецкие штыки» [33]. В целях обеспечения собственной армии необходимым количеством винтовок новые власти Ижевска сумели значительно увеличить их производ-

ство на заводе, а в середине октября — в тех же целях — на ряде производств были введены обязательные сверхурочные работы [34].

Но, в общем и целом, порядки в ижевско-воткинском полугосударственном образовании, в том числе и в его вооруженных силах (что существенно подрывало их боеспособность), были довольно демократичными. Бойцы имели свою военную форму, носили нарукавные повязки с нарисованными на них винтовками у ижевцев и револьверами у воткинцев. Погон и царских наград не признавали, не считали себя и белогвардейцами. Все воины — от солдата до главкома — получали одинаковое жалование: 420 рублей в месяц. Приказы штаба обсуждались коллективно и утверждались Советом рабочих депутатов [35], который после разгрома большевистского его руководства не был распущен и сохранил значительное влияние на ход событий.

В разгар событий (апогеем их можно считать сентябрь 1918 г.) восставшие, численность которых к этому времени достигла 25–27 тысяч бойцов, на севере подошли к Глазову и станции Чепца, угрожая перерезать железнодорожную линию Вятка — Пермь; на юге, помимо Сарапула, они взяли узловую станцию Агрыз на магистрали Казань — Екатеринбург; на востоке продвигались по левому берегу Камы вглубь Пермской губернии, в направлении Осы и Оханска. Ограниченность социальной базы (на что указывает численность вооруженных сил), недостаток дисциплины и внутренняя противоречивость движения, а также растущее сопротивление красных поставили предел их дальнейшему продвижению.

В конце августа — начале сентября 1918 г. отряды красноармейцев под общим командованием члена вятского ВРШ С. И. Малыгина в боях под Шарканом, Игрой и Чутырью остановили наступление ижевско-воткинских формирований на Чепцу. Весть о взятии в их далеком тылу 11 сентября Красной армией Казани не лучшим образом сказалась на стратегическом положении, да и душевном состоянии мятежников. Не получили они и ожидаемую помощь от самарского Комуча. Тем временем в составе 2-й армии Восточного фронта была сформирована противостоявшая им дивизия численностью около 8 тысяч штыков. Взамен отозванного в Вятку губернского военкома Малыгина, общее руководство этим направлением было поручено А. А. Медведеву.

В конце сентября в ходе военных действий произошел перелом. Комбинированным ударом частей Красной армии и подтянутой сюда Волжской речной флотилии 28 сентября была взята Елабуга, 3 октября — железнодорожная станция Агрыз, 5 октября — Сарапул. Вооруженные силы «Прикомуча», ведя оборонительные бои, стали сокращать линию фронта, отступая к Ижевску и Воткинску. 7 ноября они потеряли свою «столицу» Ижевск, 13 ноября

красные части вступили в Воткинск. Восстание потерпело полное поражение, при этом несколько десятков тысяч человек — вооруженных бойцов и связанных с ними мирных жителей — переправились на левый берег Камы, чтобы в последующем примкнуть к колчаковцам [36]. В последующем сформированная из их числа Ижевско-Воткинская дивизия считалась одной из лучших в войсках А. В. Колчака, но год спустя, в декабре 1919 г., в боях под Новониколаевском (ныне Новосибирск) она была разгромлена возглавляемой В. К. Блюхером 51-й Уральской дивизией [37].

Параллельно в красном тылу велась борьба с вражеской агентурой и просто противниками большевистской власти. Ключевая роль в этом деле отводилась спецслужбам. Вятская губернская чрезвычайная комиссия возникла в конце мая 1918 г. Как уже отмечалось, первым ее руководителем стал уроженец Орловского уезда П. П. Капустин. В последующие месяцы свои ЧК появились и в уездных центрах, но осенью того же 1918 г. решением центра они были ликвидированы. Летом на территории губернии, помимо Вятской губЧК, действовали также Уральская областная и армейская, Чехословацкого (Восточного) фронта чрезвычайные комиссии. Последняя, с точки зрения местных советских и партийных властей, была наиболее бесконтрольной и оставалась здесь до ноября 1918 г. Силами ЧК были разгромлены региональные комитеты партий кадетов, эсеров, меньшевиков, что существенно подорвало возможности контрреволюционных действий в губернии [38].

Ни на минуту не теряла своей актуальности и остроты борьба за хлеб. 6 августа Совнарком, еще раз подтвердив государственную монополию хлебной торговли, утроил закупочные цены на зерно [39]. Однако обесценивание денег и растущая дефицитность промышленных товаров в глазах крестьян свели на нет эту уступку. Более того, проходивший в начале сентября в Яранске уездный продовольственный съезд объявил бойкот государственной политике хлебной монополии и фиксированных (твердых) цен на зерно. В ответ на это губернский продком принял решение об аресте всех участников съезда [40] и в срочном порядке занялся формированием продовольственного полка. Левый эсер Монастырский на посту губернского комиссара продовольствия был заменен большевиком Наумовым. Наряду с силовыми методами решения продовольственных проблем делались попытки заинтересовать земледельцев материально. В частности, в том же сентябре в Уржумский уезд была отправлена только что поступившая в Вятку мануфактура [41]. Но отсутствие необходимого количества промышленных изделий допускало лишь эпизодическое использование данного рычага, делая невозможным нормальный товарооборот между городом и деревней.

Губернский центр решал свои старые проблемы, к которым, по мере нарастания Гражданской войны, добавлялись новые. Продолжалась практика конфискации и реквизиций, для общего руководства которой при исполкоме горсовета летом 1918 г. была образована специальная комиссия [42]. Ранее начавшийся процесс конфискации отдельных жилых и иных помещений дополнительно стимулировался строительством Красной армии, ростом вятского гарнизона. Так, дома Зонина и Якубовского с конца августа стали использоваться для размещения в них военнослужащих легкого артиллерийского дивизиона, а в кинотеатр «Одеон» были поселены солдаты 1-го Вятского полка [43]. Впрочем, с подобными проблемами Вятка, как и многие другие города России, сталкивалась уже четвертый военный год, а впереди ее ждали еще более трудные времена.

Примечания к 13-й главе

1. Вятский край с древности до наших дней. С. 224.
2. Переписка Секретариата ЦК... М., 1967. Т. 3. С. 309; ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.
3. Очерки истории Кировской организации... Ч. 1. С. 518; Горький, 1969. Ч. 2. С. 16—17.
4. Сафонова Т. В., Ившина М. В., Лукина Н. В. История города Глазова. Вехи XX века. Глазов, 2003. С. 29.
5. Загвоздкин Г. Г. Гражданская война. С. 352.
6. Очерки истории Кировской организации... Ч. 2. С. 17—18; ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.
7. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 6. Л. 15.
8. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 24.
9. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 12. Лл. 1, 1об.
10. Там же. Л. 2.
11. Там же. Л. 33об.
12. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 3. Д. 1.
13. Очерки истории Кировской организации... Ч. 2. С. 22.
14. Очерки истории Кировской области. С. 287.
15. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 16.
16. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 35. Лл. 41, 41об.
17. Очерки истории Кировской организации... Ч. 2. С. 26.
18. Тимкин Ю. Н. Уржумская уездная организация РКП(б) в 1918—1921 гг. // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1999. С. 103.
19. Он же. Смутное время на Вятке... С. 78.
20. Очерки истории Кировской организации... С. 26—27.
21. Там же. С. 28—29.

22. Там же. С. 31–32.
23. Тимкин Ю. Н. Смутное время... С. 78; Загвоздкин Г. Г. Указ. соч. С. 353; Очерки истории Кировской области. С. 287; С почтением и благодарностью: Сборник. Киров, 1999. С. 38.
24. См.: Вятский край с древности и до наших дней. С. 223.
25. Гутман-Ган А. Я. Два восстания // Ижевско-Воткинское восстание 1918 г. М., 2000. С. 55.
26. Полковник Ефимов А. Г. Ижевцы и воткинцы // Там же. С. 88–89.
27. См., например, записи бывшего крестьянина Сарапульского уезда: Наумов В. М. Мои воспоминания // Там же. С. 80, 81 и др.
28. Цит. по: Сафонова Т. В., Ившина М. В., Лукина Н. В. Указ. соч. С. 30.
29. Гутман-Ган А. Я. Указ. соч. С. 56.
30. Очерки истории Кировской организации... Ч. 2. С. 25.
31. Там же; Гутман-Ган А. Я. Указ. соч. С. 56.
32. Там же.
33. См.: Ижевско-Воткинское восстание... С. 26.
34. Там же. С. 48.
35. Сафонова Т. В., Ившина М. В., Лукина Н. В. Указ. соч. С. 30.
36. Ижевско-Воткинское восстание 1918 года. С. 6–8, 14 15, 55–56; Очерки истории Кировской организации... С. 34–37.
37. Шибанов Н. С. Маршал революции В. К. Блюхер // Челябинск неизвестный: Краеведческий сборник. Челябинск, 2002. С. 203.
38. См.: Гаврилов Г. А. Роль чекистов в становлении Советской власти на территории Вятской губернии в 1918 году // Из истории вятских спецслужб и полиции. Киров, 1997. С. 55–58.
39. Филиппов И. Т. Продовольственная политика в 1917–1923 гг. М., 1994. С. 79.
40. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.
41. Там же. Лл. 10, 11, 19.
42. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1а. Л. 157об.
43. Там же. Лл. 199, 200.

Глава 14. Эволюция социально-экономической политики

Социальная политика в первую очередь реализовывалась по линии отдела социального обеспечения исполкома городского Совета РСД (первоначально отдел этот именовался отделом призрения, но в 1918 г. изменил свое название). Кроме него в конце января, в связи с усложнением структуры исполкома, в нем появились еще отделы по обеспечению семей военнослужащих, увечных воинов, культурно-просветительный, жилищный [1]. Ввиду особой зна-

чимости данного направления управленческой деятельности, в августе при горисполкоме была учреждена коллегия социального обеспечения в составе следующих лиц: Кальсин, Каплинский, Красов, Чирков, Ясницкий [2]. Первые мероприятия по социальной защите городского населения власти Вятки пытались проводить еще в конце 1917 г., но тогда они носили эпизодический, бессистемный характер: сказывались острая борьба за власть с Верховным Советом по управлению губернией и тяжелейшее финансовое положение. К тому же и содержательная сторона предпринимаемых шагов сводилась тогда главным образом к оказанию «пожарной» помощи в стиле — что-то дать тем, кто оказался в наиболее бедственном положении. Так, 28 декабря 1917 г. исполком городского Совета РСД постановил: «Дать Союзу солдаток (он объединял жен призванных в армию солдат. — В. Б.) продуктов с тем, чтобы они Союзом распределяли чай, мыло, изюм, конфеты. Количество установить президиуму Совета» [3].

Стиль «дать» в какой-то степени сохранился и далее. Так, в конце февраля в исполком обратилась вдова Малышкина, имевшая заработок 40 рублей в месяц, с просьбой освободить ее дочь, ученицу гимназии, от «платы за правоучение». По заявлению постановили просить об этом снисхождении дирекцию гимназии. В случае неудачи обратиться за помощью в городской и губернский отделы призрения. Но если и это не решит проблему, то, в конечном счете, взять девочку на свое попечение [4]. В июне 1918 г. городской Совет даже наделил своего председателя правом выдавать лицам, «впавшим в нужду», пособия в сумме до 50 рублей [5]. Но возможности горсовета в этом смысле, особенно в первой половине года, были очень скромны. Поэтому в начале марта, например, было отклонено заявление того же Союза солдаток об увеличении стоимости пайка его членов до 25 рублей, а в апреле очередной гонец городских властей (заведующий продотделом горисполкома Братухин) отправился в Москву просить субсидии. Правда, и центр был порой не без греха, и поэтому в конце года командированному туда горисполкомом Титлинову поручалось не только «цыганить» субсидии в Москве, но и востребовать с Петроградской центральной управы деньги за ранее отправленное в северную столицу мясо [6].

Все чаще изыскивались иные варианты решения финансовых и связанных с ними социальных вопросов. Например, 10 марта вятские большевики организовали благотворительный концерт, сбор от которого, составивший 700 рублей, планировалось передать в распоряжение Союза солдаток [7]. (но, как об этом повествовалось ранее, его тогда присвоил начальник гарнизона Лапин). В конце марта профсоюзу строителей было отказано в просьбе дать

деньги на содержание трех членов его президиума и предложено самим зарабатывать средства «посредством устройства спектаклей, вечеров и т. д.» [8]. Для того, чтобы облегчить материальное положение работников Кирьяновской фабрики, работавшей на военный заказ, ее коллективу было позволено перейти на выпуск сельскохозяйственных орудий [9], которые можно было реализовать на внутреннем рынке или просто обменять на продукты питания. Союзу солдаток — по его просьбе — была ассигнована одна тысяча рублей для открытия школы кройки и шитья [10].

Многое делалось в плане помощи безработным. В середине марта 1918 г. исполкомовскому отделу труда выделяется 500 рублей «для выдачи голодающим безработным». Это была, конечно, очень небольшая сумма, но зато его сотрудникам предоставлялось право («впредь до организации Биржи труда») использовать на подобные нужды штрафы, «взимаемые отделом труда с отдельных лиц» [11]. По крайней мере, с апреля 1918 г. при горисполкоме действовала комиссия по борьбе с безработицей. 9 апреля исполком горсовета ассигновал ей 3 тысячи рублей и ходатайствовал о ее материальной поддержке перед губернским исполкомом Советов (ГИКом), а несколькими днями ранее, путем сбора средств от устроенного вечера, был учрежден фонд помощи безработным [12]. Для оказания помощи безработным в деле трудоустройства в апреле открылась городская Биржа труда, а в середине мая при отделе труда горисполкома для них была организована столовая (заведующий — Рыжиков); продовольственному бюро поручалось ежедневно отпускать ей до трех пудов хлеба [13]. Во второй половине апреля городскими властями был установлен порядок: увольняемым по сокращению штатов служащим выдавать жалование на месяц вперед [14].

Разумеется, и в этой области дело не сводилось лишь к выдаче пособий и бесплатных обедов. Власти старались поощрять развитие производства, создание рабочих мест. 23 апреля горисполком постановил: оказать финансовую и другую помощь Союзу увечных воинов в создании портняжной и сапожной мастерских [15]. 31 мая, по инициативе тогда еще живого комиссара юстиции Ю. А. Дрелевского, городской Совет ассигновал 10 тысяч рублей на восстановление тюремных мастерских и возобновление работ в них «в целях борьбы с безработицей» [16]. В конце августа мастерская «Глобус» получила от городского Совета РСД аванс в сумме 20 тысяч рублей «на покупку необходимых материалов» [17]. В проведении своей социальной политики городские власти в отдельных случаях находили нужным опереться на общественные организации. Так, при уточнении в конце апреля на заседании горисполкома функций Биржи труда, ее сотрудникам было предписано отказывать в работе

лицам, не предоставившим рекомендации от профсоюзов [18].

Острой социальной проблемой было размещение и содержание 10 тысяч прибывших в город детей из Петрограда. Они были поселены в специальной трудовой колонии, о чем член городской коллегии самоуправления (в ближайшем будущем заведующий отделом народного образования) Крассов докладывал 28 апреля на заседании исполкома Вятского городского Совета [19]. При городском управлении функционировала и комиссия по делам несовершеннолетних [20], которая, в числе прочего, опекала детей, оставшихся без родителей. Очевидно, по ее инициативе горисполком в декабре 1918 г. подобрал необходимое помещение в городе для устройства там детского приюта и предложил освободить его организаторам проводившихся там курсов кооператоров [21]. Здание это передавалось исполкомовскому отделу социального обеспечения, как и деньги, получаемые от продажи конфискованных вещей [22].

Где-то с октября 1918 г. в документации вятских органов управления появляется понятие «муниципальная собственность» как экономическая база местного самоуправления. В начале ноября были муниципализированы ряд зданий и поместий, ранее принадлежавших частным лицам [23]. Городской бюджет постепенно укреплялся, в том числе и за счет проводимых в течение всего 1918 г. конфискаций, реквизиций, а также наложения контрибуций. Кроме того, источниками пополнения городского бюджета выступали постепенно развивавшаяся муниципальная торговля (о чем ниже), упорядоченная плата за проезд пассажиров и провоз грузов по железной дороге, зарождавшаяся налоговая система. Появляются элементы плановости в работе финансовых органов. К середине августа была впервые составлена смета доходов и расходов городского Совета. Правда, губернский комиссар финансов Злобин вернул ее на доработку, пояснив, что надо делать расчеты по каждому отделу, а не по горисполкому в целом [24].

Однако выстроить здоровый городской бюджет лишь на основе доходов от производственной деятельности, упорядоченных налогов, взимаемых с физических и юридических лиц и т. п. в тех конкретно-исторических условиях было явно нереально. Без «подпорок» в виде всякого рода чрезвычайных мер новая власть пока еще обойтись не могла. Ее такого рода деятельность особенно активизировалась с середины года, когда разгоравшаяся Гражданская война обострила не только политическое противостояние, но и все социально-экономические проблемы. В июле в губернском центре была образована специальная межуведомственная комиссия по реквизициям и конфискациям, призванная несколько упорядочить и координировать все эти мероприятия [25]. Местная буржуазия вновь подверглась жесточайшему прессингу.

Одним из главных приоритетов внутренней политики советской власти стала система образования, средства на ее содержание изыскивались любыми мыслимыми способами. Например (как уже отмечалось выше), для финансирования вятского реального училища решением исполкома горсовета 27 марта с 1 до 3% была увеличена пошлина на ввоз и вывоз товаров [27]. Даже культурный досуг детей не остался вне поля зрения «отцов города», что было довольно удивительно для того тревожного и голодного времени. По ходатайству заведующего городским отделом образования Крассова 1 ноября 1918 г. горсовет выделил из своего бюджета 16 тысяч 690 рублей на устройство детского катка и передал отделу свою библиотеку, в которой насчитывалась 5650 экземпляров книг [28]. Ранее, 21 мая, участники совещания президиумов городского и губернского исполкомов Советов разрешили горотделу народного образования занять и использовать по своему усмотрению помещения архиерейского дома [29].

В рассматриваемый период 1918 г. свобода торговли в регионе была ограничена в узком диапазоне, и касалось это лишь товаров первой жизненной необходимости, главным образом хлеба. Но, как отмечалось выше, даже эти ограничения реально провести в жизнь было невероятно трудно, несмотря на прилагаемые усилия. Вместе с тем делались попытки соблюсти хотя бы элементарные нормы санитарии в области товарооборота. В результате порой рождались любопытные документы типа постановления исполкома горсовета от 27 марта, которое гласило: «Воспретить китайцам торговлю табаком и патронами» во избежание распространения заразы, ибо «среди китайцев большинство — сифилитики»; посредством объявлений оповестить об этом городское население [30]. Был подтвержден введенный в начале Первой мировой войны «сухой закон». В конце марта городские власти распорядились «совершенно прекратить выдачу вина для каких бы то ни было целей»; спирт выдавать только по рецептам врачей, а также для технических нужд [31]. Появились должности комиссара по борьбе с пьянством и его помощника [32].

В противостоянии таким антисоциальным явлениям, как спекуляция, изготовление и распространение алкогольных напитков, другим противоправным действиям власти активно опирались на милицию, создаваемую с конца мая губЧК, на правоохранительные органы, которые в летний период были отчасти реорганизованы и упорядочены. В частности, в соответствии с декретом Совнаркома республики от 4 мая (опубликован в середине месяца) 1918 г., упразднились Ревтрибуналы в уездах. Теперь они оставались лишь в столицах, губернских центрах, крупных промышленных городах и на узловых железнодорожных станциях. Помимо и ранее существовавшей следственной ко-

миссии, при каждом из них учреждалась также коллегия обвинителей не менее, чем из трех лиц, избираемых местными Советами. К компетенции трибуналов были дополнительно отнесены дела, связанные с погромами, шпионажем и хулиганством. Прочие «общеуголовные дела» оставались за народными судами [33]. Последние существовали не только в городах, но и в уездах, причем в роли кассационной инстанции на этом уровне выступали уездные съезды (Советы) судей. С начала осени 1918 г. в штатах уездных съездов, как это было в дореволюционные годы, вновь появились судебные исполнители [34].

Ограничения свободы торговли, начало которым положили еще царское и Временное правительства, причудливо сочетались в Вятской губернии на протяжении 1918 г. с развертыванием торговых операций государственно-муниципальных учреждений. В отчете городского Совета РСД наркомату внутренних дел РСФСР за октябрь 1918 г. с гордостью сообщалось: «Губернский продком был взят сначала под контроль, а затем в ведение Совета в декабре 1917 года, причем в наследство (от старой власти. — В. Б.) Совет получил комплект саботажников, несколько десятков пудов муки и до 5 тысяч рублей денег. В настоящее время городской продовольственный комитет имеет миллионные обороты, 73 продовольственные лавки и магазины, 7 столовых общественного питания» [35].

Однако в ноябре наметилась противоположная тенденция. Глубокий кризис промышленности, нараставшая дефицитность промышленных товаров, расширение масштабов иностранной военной интервенции, эскалация ожесточенности Гражданской войны вели к дальнейшему свертыванию товарно-денежных отношений. В стране начался переход от принудительного товарообмена между городом и деревней к натуральному продуктообмену (слабо обеспеченному со стороны города). Именно в этом ключе следует понимать декрет ВСНХ и Наркомпрода от 26 ноября 1918 г. о запрете частной торговли основными продуктами питания [36]. На местах тенденция эта, возникшая еще до появления декрета, принимала порой более радикальные формы, не ограничиваясь указанным выше ассортиментом товаров. Вятский губком РКП(б) 1 ноября того же года издал распоряжение прекратить свободную продажу и даже простое распределение среди тылового населения валенок, полушубков «военного образца» и теплого белья в связи с тем, что в них «ощущается острая нужда на фронте» [37].

Постепенно зарождалась новая обрядность. В конце марта состоялось совместное торжественное заседание губисполкома, горисполкома, Вятского уездного Совета крестьянских депутатов, с приглашением представителей партийных и профсоюзных организаций, воинских частей местного гарнизо-

на, посвященное 1-й годовщине Февральской революции, в ноябре была торжественно отмечена годовщина революции Октябрьской [38]. Но, в связи с подобными мероприятиями, тогда же зарождается практика финансирования их за счет государственного сектора экономики. В частности, 10 тысяч рублей, необходимых для проведения праздника Октября, исполком городского Совета постановил отнести на счет губернского совнархоза [39].

Звеном, определенно выпадавшим из сферы действия рыночных отношений, с самого начала стали и партийные органы, которые практиковали определенные расходы, но — в отличие от Советов — не имели (по крайней мере, на том этапе) собственных источников доходов. Поэтому, скажем, расходы по проведению в начале марта 1918 г. губернской конференции большевиков (в сумме 2 тысяч рублей) были проведены по линии продовольственного отдела исполкома горсовета [40]. Определенные средства потребовались и на решение иных политических задач. В частности, в августе губком РКП(б) перечислил около 4 тысяч рублей в фонд помощи бастующим железнодорожникам Украины [41].

Одним из наиболее важных социально-экономических последствий Октябрьской революции явилась ликвидация присущей дореволюционному обществу колоссальной разницы в доходах — в сотни и тысячи раз — между элитными слоями населения и «простонародьем». Однако определенные различия все же существовали и в рассматриваемый исторический период времени. В соответствии с принципом, заявленным и обоснованным В. И. Лениным летом 1917 г. в книге «Государство и революция» и взятым на вооружение партийными «верхами» после Октябрьской революции, заработная плата любого государственного чиновника, включая членов правительства, не должна была превышать таковую у квалифицированного рабочего. Поэтому в начале 1918 г. оклад народных комиссаров, в том числе и Ленина, составлял около 500 рублей в месяц (плюс надбавка 100 рублей на каждого члена семьи-иждивенца). Следовали этой установке и вятские большевики. В зимние и весенние месяцы того же года упомянутый выше комиссар по борьбе с пьянством, как и секретарь горисполкома, имели месячный оклад 500 рублей, члены этого органа, как и его бухгалтер, заведующий информационным бюро городского Совета — 400 рублей, делопроизводитель — 350 рублей, машинистка — 200 рублей [42].

Надо сказать, это было совсем немного. В ноябре 1918 г. в Вятке хлеб, выдаваемый по твердой цене (по карточкам) гражданам, обходился им по 72 копейки за фунт [43], то есть килограммовая булка стоила без малого 2 рубля. На спекулятивном, «черном» рынке цены были неизмеримо выше. Да и «твер-

дые» цены были относительно тверды. Еще полгода назад, в конце февраля 1918 г., хлеб, распределяемый по карточкам, стоил 40 копеек за фунт [44]. Но, в понятиях того времени, об окладе в 400—500 рублей очень многим оставалось только мечтать. Достаточно вспомнить упоминавшуюся в начале главы вдову Малышкину с ее 40-рублевым месячным заработком. Правда, и советские чиновники были не самой высокооплачиваемой категорией населения. На эту роль, опять же по настоянию В. И. Ленина (см. его изданную в апреле 1918 г. брошюру «Очередные задачи советской власти»), выдвинулись имевшие приличное образование и соответствующие знания специалисты в различных областях производственной и общественной жизни — «спецы» (буржуазные специалисты) в терминологии революционной эпохи.

Так, вятские инженеры затребовали себе ежемесячную зарплату в сумме 1200 рублей. Горисполком, 24 мая заслушав сообщение на сей счет сотрудника отдела труда Денисенко, установил ее в размере 700 рублей, но с дополнительной выплатой премий за реальные производственные достижения [45]. Характерно, что первоначально новая городская власть в вопросах оплаты труда учитывала мнение трудовых коллективов. Например, в январе 1918 г. исполком горсовета предложил работникам телефонной станции самостоятельно разделиться на категории, «выработать оплату труда» и представить свой вариант на утверждение этого органа, что и было сделано [46]. По мере становления отделов горисполкома (труда, финансового и проч.) и накопления опыта, от инициативы «снизу» в этом вопросе отказались.

На протяжении всего 1918 г. в Вятке обострялся жилищный кризис. Ни о каком строительстве нового жилья в тех условиях не могло быть и речи, между тем численность населения города имела тенденцию к росту (формирование воинских частей, прибытие детей из Петрограда и т. д.). Поэтому, во избежание наплыва беженцев, комиссару станции Вятка-1 Юрьевскому еще в марте была дана установка «лиц, не имеющих соответствующих удостоверений, направлять из Вятки далее» [47].

Продолжали приходить в упадок и без того никудышные транспортные артерии города. Процесс этот в лучшем случае удавалось притормаживать мелкими мероприятиями традиционного характера, типа публикации обязательного к исполнению постановления для лиц и учреждений об очистке от снега улиц и тротуаров [48]. Правда, в середине сентября того же 1918 г. горисполком замахнулся на радикальное решение проблемы, предложив вятскому районному совнархозу «принять немедленно меры к исправлению дорог на всех улицах Вятки» [49], но, с учетом и новейшего исторического опыта, понятно, что в тех условиях подобное распоряжение могло остаться, главным

образом, лишь в области благих пожеланий. Действительно, докладывая через полтора месяца о состоянии пожарного дела в городе, некто Коваленко пенял на состояние улиц, «в грязи которых постоянно приходится утопать пожарному обозу», в результате чего «может выгореть половина города, пока обоз подспеет к месту пожара». На сей раз горисполком принял более трезвое решение, выделив 36 тысяч рублей на покупку пожарной машины [50].

Примечания к 14-й главе

1. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 39об.
2. Там же. Л. 200.
3. Там же. Л. 28.
4. Там же. Л. 55.
5. Там же. Л. 151.
6. Там же. Лл. 56об., 93об., 94.
7. Там же. Л. 59.
8. Там же. Л. 68.
9. Там же. Л. 37.
10. Там же. Л. 65об.
11. Там же. Л. 62.
12. Там же. Лл. 76об., 79.
13. Там же. Л. 121.
14. Там же. Лл. 97об., 98.
15. Там же. Л. 96об.
16. Там же. Л. 143.
17. Там же. Л. 200.
18. Там же. Л. 101.
19. Там же. Л. 104.
20. Там же. Л. 205об.
21. Там же. Л. 238.
22. Там же. Л. 238об.
23. Там же. Лл. 222об., 225, 227об.
24. Там же. Л. 197об.
25. Там же. Л. 157об.
26. Там же. Л. 199об.
27. Там же. Л. 71.
28. Там же. Л. 222об.
29. Там же. Л. 126об.
30. Там же. Л. 71.
31. Там же. Л. 72об.
32. Там же. Л. 136об.
33. ДСВ. Т. 2. С. 233–234.

34. Кудрявцева М. Б., Садакова-Ильина М. В., Туйчиев В. М., Федоров А. С., Шубин М. В., Юсупов Ф. И. Страницы истории // Ведомости службы судебных приставов. Киров, 2007. С. 9.

35. Установление и упрочение... С. 301.
36. Филиппов И. Т. Указ. соч. С. 78.
37. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 55.
38. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1 Д. 1а. Лл. 70об., 222об.
39. Там же. Л. 222об.
40. Там же. Л. 56.
41. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 5.
42. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1 Д. 1а. Лл. 41, 41об., 87, 136об.
43. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 236.
44. Там же. Л. 51об.
45. Там же. Л. 140.
46. Там же. Лл. 37, 41.
47. Там же. Л. 61об.
48. Там же. Л. 38.
49. Там же. Л. 206об.
50. Там же. Л. 230.

Глава 15. Вятка в осенне-зимний период 1918 г.

На этом этапе характерной приметой времени стало реальное повышение руководящей роли местных партийных органов, упрочение политических позиций организаций и комитетов РКП(б). Одним из зримых проявлений данной тенденции явилось все более настойчивое оттеснение от рычагов управления членов иных советских партий, а также беспартийных. Исключительно из коммунистов формировалась коллегия губЧК [1]. В политических и связанных с ними кадровых вопросах губернский комитет партии порой открыто диктовал свою волю губернскому исполкому Совета. Так, 9 ноября он лишил ГИК права назначать на ответственные должности — без санкции партийного органа — левых эсеров и народников-коммунистов, заодно предписав в своем послании ижевским коммунистам закрыть печатный орган местных эсеров-максималистов. Тем же числом датировалось распоряжение большевистского губкома для всей губернии «не назначать на ответственные должности ни максималистов, ни беспартийных» [2]. Впрочем, выборных органов, включая Советы, эти директивы не касались. Как уже отмечалось, с конца лета 1918 г. стоявшие на платформе советской власти небольшевистские партии были допущены к выборам в местные Советы. К их числу не относились эсе-

ры и меньшевики (правые и центра), исключенные за контрреволюционные, в том числе и вооруженные выступления из местных Советов и ВЦИК постановлением последнего от 14 июня 1918 г. [3]

В сентябре в советских органах губернского центра жизнь была ключом — уточнялись структура, функции, тасовались кадры. Так, А. Д. Кошкин был назначен городским комиссаром социального обеспечения, но уже 19 сентября эта должность была ликвидирована [4]. Возможно, во избежание параллелизма, поскольку отдел с такими же названием и функциями имелся в исполкоме горсовета. Проблема параллелизма, как и раздутых штатов, действительно существовала, порой в острой форме. Характерный пример тому. В середине сентября в Вятке работали губернская и уездно-городская коллегии Пленбежа, занимавшиеся вопросами размещения и т. д. военнопленных и беженцев. Председатель второй из них Кобелев информировал горисполком, что в губернской коллегии числится 300 сотрудников, в то время как для выполнения имеющегося объема работы было бы достаточно в десять раз меньше; «в уездной же коллегии, — дополнил он свое сообщение, — большинство служащих — офицеры, и часть из них уже арестованы». Горисполком поручил Лалетину «войти с докладом к председателю ГИК о реорганизации губернской и уездной коллегий Пленбеж» [5]. Важное значение для более четкого, чем прежде, распределения функций, финансов, а также кадров, между исполкомом горсовета и ГИКом имело постановление наркомата внутренних дел РСФСР от 20 сентября о подчинении первого второму [6].

В плане организации трудовой деятельности, ее интенсивности и плодотворности в разных звеньях аппарата картина наблюдалась различная. В отличие от губернского Пленбежа, в продовольственном отделе горисполкома, например, работа велась напряженная, а порой и опасная для ее исполнителей. Очевидно, поэтому из отдела только за вторую половину сентября — начало октября уволились два сотрудника — Шабаршин и Швен, причем второй считался знающим свое дело, опытным специалистом [7]. В целом члены исполкома городского Совета работали довольно напряженно, и заседания его нередко заканчивались далеко за полночь [8].

По возможности советские органы укреплялись проверенными, надежными кадрами. 29 сентября исполком городского Совета обязал президиум этого органа принять на службу в горсовет достаточно популярного и в Глазове, и в Вятке большевика И. В. Попова. В этот же день начальником городской милиции исполкомовцы утвердили П. Я. Столера [9]. Укрепление позиций вятской большевистской организации на протяжении июля — сентября 1918 г. позволило местным политическим лидерам предметно вспомнить о советской де-

мократии. В первой декаде октября состоялись перевыборы городского Совета.

Состав его руководящих органов (исполкома, президиума) значительно обновился. В президиум вошли: председатель Совета В. И. Лалетин (избранный на эту должность из трех кандидатур 11 голосами членов нового исполкома из 15) и его заместители Груздев и Мартыанов. В роли секретаря исполкома выступал Анисимов, отделы возглавили: Белова — социального обеспечения, Е. И. Иванов — хозяйственный (помощник — Сидельников), Мусихин (сменивший на этом посту врача Попова) — медико-санитарный, Приворотский — народного образования (помощник — Рябинин), Рудзит — квартирный (помощник — Перминов), И. С. Титлинов — продовольственный и т. д. Куварзин был назначен казначеем финансового отдела, Анисимов представлял Совет в районном совнархозе, возглавляемом с начала сентября К. К. Петкевичем; членами исполкома горсовета являлись также Бочагов, Д. Леушин, Носкович, Ф. Шилкин. Помимо названных подразделений, в состав исполкома входили также отделы административный, он же отдел управления (ему подчинялась и местная милиция), конфликтный и то, что ныне называется ЗАГС (отдел записей браков, смертей и рождений). На базе рожденного в недрах старого городского самоуправления и руководимого Максимовым статистического отдела в обновленном горисполкоме начал функционировать отдел оценочно-статистический. Всего отделов теперь стало 13 [10].

Однако на этом реорганизации не закончились, в том числе и по причине дефицита кадров. Так, очень скоро подал в отставку Е. Иванов, заявив, что он не может справиться с делами отдела. На сей раз проблема была решена путем передачи хозяйственного отдела горисполкома в ведение Городской Коммуны, а самого Иванова месяц спустя ввели в состав комиссии по рассмотрению смет [11]. Как видно и на этом примере, «своими» кадрами, даже не самыми сильными, не разбрасывались, стараясь в любом случае пристраивать их «к делу». Делались и первые шаги по пути обучения, повышения квалификации управленцев. В июле 1918 г. на трехмесячные курсы в московскую школу инструкторов при ЦК РКП(б) были направлены А. И. Слаутин и С. В. Фиалковский [12]. Не позднее августа в Вятке появилась своя инструкторская школа. В это время в числе ее слушателей (а возможно, и преподавателей) фигурировали Кропачев, Кузнецов, Ноговицын, Перевалов [13].

Однако и от уже ставшей традиционной привычки запрашивать кадровые подкрепления из центра вятские руководители не отказались и на этом этапе. Так, 14 декабря 1918 г. телеграфом губком РКП(б) убедительно просил ЦК вновь прислать для партийной работы осенью покинувших Вятку Алек-

сакиса и Стругацкого [14]. Ситуация дополнительно осложнялась еще и тем обстоятельством, что губерннии порой приходилось делиться частью своих скудных кадровых ресурсов на военные нужды, мобилизуя людей на фронт, а то и для подпольной работы на оккупированных территориях. В частности, 16 декабря вятский губком партии запрашивал дополнительные инструкции от ЦК по поводу отправки на захваченные интервентами территории членов своих латышской, эстонской и еврейской секций [15]. Но именно с конца 1918 г. начинался относительно непродолжительный (в несколько месяцев) период, когда кадровый дефицит в Вятском регионе был в значительной степени преодолен за счет наплыва сюда большого количества опытных партийных, советских, хозяйственных руководителей, бежавших с Урала от наступающих колчаковцев. На фронт уходили, разумеется, не только руководящие работники и члены РКП(б). Так, по свидетельству А. Т. Кувалдина, в ноябре 1918 г. в Вятке организовался 9-й железнодорожный полк, исключительно из бывших красногвардейцев (в него вошли почти все члены бывшего железнодорожного отряда Красной гвардии) и других местных железнодорожников. В конце декабря полк ушел на фронт под Ижевск, где считался лучшим подразделением данного участка фронта. Спустя какое-то время он потерял до 70% боевого состава [16].

Некоторые бывшие члены исполкома Вятского городского Совета в последние месяцы 1918 г. переместились на новые должности. А. С. Трубинский уже 11 октября фигурировал в качестве члена коллегии земельного отдела ГИКа. М. М. Попов в конце ноября возглавил создаваемый им же новый орган при горисполкоме — Информационное бюро. Ранее введенный в состав Уральской областной ЧК Приворотский, был по просьбе руководителей горсовета отозван в середине декабря 1918 г., назначен заведующим финансовым отделом и доизбран в состав президиума Совета. Не терявший популярности П. П. Капустин, по ходатайству районного совнархоза, 21 ноября был утвержден в должности председателя президиума также новой управленческой структуры — Городской Коммуны. Членами коллегии этого органа стали Терпелов и Перминов; последний — по совместительству, сохранив за собою должность в исполкоме горсовета [17].

Сама идея создания Коммуны была рождена вполне демократическим путем. 9 октября 1918 г. объединенное собрание представителей районного совнархоза, профсоюзов и выборных рабочих фабрично-заводских комитетов г. Вятки, проходившее под председательством П. Г. Фалалеева, рекомендовало местным властям выделить из состава райСНХ особый орган — Городскую Коммуну, которая, с передачей ей и продовольственного отдела, должна быть

ответственной за все городское хозяйство, управляя при этом и необходимыми для его обслуживания предприятиями (например, водоканалом). Прочие производственные объекты предлагалось оставить при этом в ведении районного совнархоза, отделы которого реорганизовывались в таком случае по отраслевому принципу, а в правление ввести представителей от городского и уездного исполкомов Советов (когда-то, до появления райСНХ, это направление курировал Совет городского хозяйства при горисполкоме) [18].

Городская Коммуна, создаваемая в подражание Кронштадту, по замыслу П. Капустина, изложенному в его докладе на заседании горисполкома 26 ноября, была призвана перестроить городскую жизнь на новых, «коммунистических началах», взяв на себя организацию как промышленного производства, так и всего городского хозяйства. В подобном романтическом варианте фактически не оставалось места не только для районного совнархоза, но и для самого городского Совета с его исполкомом. Естественно, этот проект был существенно урезан, и за Коммуной закрепили главным образом городские коммунальные службы [19]. Правда, в декабре ее полномочия были несколько расширены за счет передачи Коммуне от горисполкома хозяйственного, медико-санитарного, ветеринарно-санитарного и квартирного отделов [20].

В этот период Коммуна уже развернула свою деятельность, но оказалась в тяжелейшем финансовом положении. По утверждению Капустина, дефицит ее бюджета превысил 2 миллиона 100 тысяч рублей. Между тем вынашивались планы серьезного расширения и улучшения городского хозяйства по различным направлениям. В частности, намечалось строительство нового кирпичного завода, создание молочной фермы и т. д. Горисполком одобрил некоторые замыслы, постановив: «Устроить молочную ферму, использовать городские земли под огороды, посеиы и т. д. средствами и силами самого города». Городской Коммуне была оказана финансовая поддержка в счет средств, ожидаемых из центра — 200 тысяч рублей на неотложные нужды, а также 50 тысяч рублей на закупку скота для молочной фермы из бюджета горсовета [21].

Продолжилась корректировка управленческой системы по линии городской Совет — ГИК, а также внутри этих органов. В середине декабря были объединены городской и губернский отделы труда. Тогда же городской продком был освобожден от необходимости заниматься конфискациями и реквизициями, для этих целей в горисполкоме был создан особый отдел. Ранее, 19 октября, было принято решение о слиянии городского отдела социального обеспечения с уездным [22]. В конце 1918 г., в связи со взятием Колчаком Перми, у местных руководителей добавилось хлопот. На их плечи легла не легкая обязанность расселения и трудоустройства бежавших с Урала партий-

ных, советских работников и членов их семей, а члены горисполкома Мусихин и Носкович были делегированы в комиссию по размещению эвакуированных семей и учреждений [23].

В условиях Гражданской войны объективно выросло значение спецслужб. Созданная в конце мая 1918 г. губЧК в первую очередь была подотчетна Москве — ВЧК, ЦК РКП(б), на территории региона — ГИКу и губкому большевистской партии. В соответствии с положением, утвержденным ВЦИК 2 ноября 1918 г., члены местных ЧК назначались и отзывались исполкомами местных Советов, их руководители избирались членами тех же исполкомов и утверждались ВЧК [24]. Тем полномочия чекистов прямо зависели от обстановки в стране и в регионе. В период «красного террора» (сентябрь — октябрь 1918 г.) им было предоставлено право судить и приводить в исполнение приговоры, в том числе и расстрельные, но при условии строгой отчетности перед вышестоящими инстанциями. В ноябре эти функции местных ЧК были существенно ограничены. 27 декабря того же года Вятский губком РКП(б), в связи с падением Перми и резко возросшей колчаковской опасностью, вновь постановил: «Дать губЧК широкие полномочия по применению террора, для подавления всяких контрреволюционных проявлений, саботажа, спекуляции и преступлений по должности» [25]. На протяжении второй половины 1918 г. не раз поднимался вопрос о слиянии Вятской губЧК с Уральской областной ЧК, но до конца года замысел этот так и не был осуществлен практически. Помимо уральских коллег вятские чекисты действовали в контакте с ЧК Восточного фронта, которую в июне — ноябре 1918 г. возглавлял председатель военного трибунала и член Реввоенсовета фронта М. Я. Лацис (Я. Ф. Судрабс) [26].

Осенью 1918 г. продолжилась борьба за чистоту партийных рядов и «честь мундира» советского управленца. На заседании горисполкома 5 сентября М. М. Попов говорил о том, что в среде городского населения звучит критика в адрес депутатов Совета РСД. Иногда она была необоснованной, но случались факты иного рода. Так, рабочие фабрики бывшей Булычева, по мнению докладчика, справедливо указывали на «недопустимые случаи в городском продкоме»; некоторые члены исполкома по просьбе знакомых ходатайствовали перед УралоблЧК об освобождении тех или иных арестованных; депутат Перевалов появился на улице пьяным, был задержан милицией. В принятой по докладу резолюции была подчеркнута обязанность членов исполкома Совета блюсти моральный облик, сознавая « всю ответственность перед революцией и своими избирателями ». Перевалова вывели из состава исполкома горсовета. Попутно райСНХ было предложено наложить взыскание на заведующую городскими банями «за ее дерзкое и грубое обращение с

сослуживцами », а об исполнении довести до сведения президиума Совета [27].

Вместе с тем в среде самих исполкомовцев с конца лета 1918 г. наметилась опасная тенденция к повышению собственного в общем-то скромного жизненного уровня за счет городского бюджета в виде «оказания материальной помощи», вначале по тому или иному (порой и серьезному) поводу, а затем и без повода. 22 августа Титлинову было выдано пособие в размере месячного оклада «на покупку зимней одежды». 29 августа пособие в том же размере получили члены исполкома городского Совета Братухин, Груздев, Кошкин, Трубинский, Фалалеев, затем — Коновалов. 5 сентября решением исполкома той же милости удостоился Горбушин, ранее дважды на лечение субсидировался М. М. Попов и т. д. [28] Депутаты горсовета специальным постановлением от 19 сентября разрешили своему председателю В. И. Лалетину вселиться в дом, ранее принадлежавший Смольянинову, а президиуму Совета было позволено обеспечить его мебелью [29]. Неделями ранее, по предложению председателя горсовета и члена его исполкома Груздева, разовым пособием «побаловали» председателя губернского Ревтрибунала Рахлина. Зато временно нанятому горфинотделом служащему Глебычеву-Михайлову, вместо положенных за сверхурочные работы 277 рублей 50 копеек, выплатили лишь 50 рублей [30].

Надо полагать, эта нездоровая тенденция проявилась в «верхах» не только Вятской губернии. Пресекая ее, в середине сентября московское правительство приняло соответствующий декрет. Реакция на него на местах оказалась довольно оперативной. Уже 19 сентября горисполком ответил отказом на заявление своего члена Е. Иванова о выдаче ему денежного пособия, а 10 дней спустя предложил вернуть ранее полученные таким образом денежные суммы Горбушину, Груздеву, Кошкину, Титлинову, Трубинскому. Часть выданных ранее пособий были отнесены к безвозвратным ввиду того, что их сочли обоснованными — по причинам болезни получателя, тяжелой болезни супруги, многодетности. В числе таких получателей оказались Безденежных, Братухин, Денисенко, Куварзин, М. Попов. Была восстановлена справедливость в отношении Глебычева-Михайлова: ему вернули заработанные, но недодаваемые деньги [31].

Как и в предыдущие месяцы, важнейшим направлением деятельности губернских и городских властей оставались заготовки продовольствия, выполнение соответствующих заданий центра, а также снабжение им местного населения. Уже летом 1918 г. ситуация с продовольствием в Вятке оставляла желать лучшего, в силу чего губернский продком не спешил давать наряд на вывоз из губернии хлеба, заготовленного продотрядом Титлинова [32]. Имен-

но поэтому в конце августа городскими властями и было принято решение создавать и направлять в деревню за хлебом свои, вятские продотряды. Занимаясь этим делом поручили городскому продовольственному комитету [33]. Положение тем временем ухудшалось с каждым днем, поэтому в сентябре красноармейцам в заградительных отрядах на вокзалах и т. д. была дана команда «не закупать для своих нужд продукты, а направлять крестьян на базар в город, так как в последнее время ощущается острая нужда в продуктах» [34], а районному совнархозу предложено срочно организовать копку картошки на городских огородах с передачей ее в продовольственный отдел горисполкома для «немедленной раздачи населению» [35].

Очевидно, одним из следствий нехватки продуктов питания стало и снижение качества поступавших к потребителям. 19 сентября из городских продовольственных служб в исполком Совета РСД сообщили: для городских пекарен срочно нужна мука, так как ныне получаемая «совершенно не годна к употреблению» [36]. Осенью 1918 г. из губернии впервые пошел «большой» хлеб. Как докладывал 21 сентября на совместном заседании ГИКа и горсовета губернский комиссар продовольствия Наумов, за все время существования губпродкома в центр было отправлено 700 тысяч пудов хлеба, из которых 370 тысяч заготовлены продотрядами. Сдерживающий фактор — слабая организация дела на местах и недостаток промышленных товаров. На тот момент требовалось, например, только мануфактуры, сверх уже поставленного, 136 вагонов [37]. Однако в условиях войны и экономической разрухи восстановить нормальный товарооборот между городом и деревней было немыслимо, поэтому работа по заготовке продовольствия приобретала все более милитаризованный характер. 16 декабря губернский продкомиссар Е. Г. Фефер разослал распоряжение уездным комиссарам ежедневно информировать его по телеграфу о полученных результатах. Им предписывалось немедленно установить в продорганах «суровый военный режим, сознательную трудовую дисциплину», обязательную работу в праздничные и воскресные дни, в будни — сверхурочные по 4 часа. Пунктам приема, отправки, перегрузки заготавливаемых продовольственных грузов (к которым относились не только хлеб, но и мясо, а также живой скот) надлежало работать круглосуточно [38].

Заготовленные продукты в большей своей части предназначались на вывоз за пределы губернии. Поэтому самоснабжение региона продовольствием в этот период не улучшилось, ситуация в городах скорее изменилась к худшему. Это заставило власти губернского центра прибавить темп в реализации некоторых собственных давних проектов и замыслов. Так, еще 24 мая на заседании Вятского горисполкома был заслушан доклад о введении системы рас-

пределения продовольствия по городским кварталам. Но только 26 ноября 1918 г. исполком принял решение «создать квартальные комитеты» и поручил руководителю Городской Коммуны П. П. Капустину разработать соответствующую инструкцию [39]. Кроме того, рост дефицитности продуктов питания заставил местные власти лишний раз вспомнить о делении общества на «своих» и «менее своих». 5 сентября исполком горсовета принял предложение председателя городского продкома Братухина о переходе, по примеру центра, на карточное распределение с учетом классового принципа, а 12 сентября этот орган был переименован в продотдел при горсовете [40]. В октябре чай и сахар по новым карточкам уже выдавались с учетом классового подхода [41]. В ноябре были введены новые, весьма скромные нормы распределения хлеба, по 4 категориям: 1-я — 1,5 фунта в день, 2-я — 1 фунт, 3-я — 3/4 фунта, 4-я — 0,5 фунта, т. е. 200 граммов. Правда, в середине декабря последняя категория отпала [42].

В осенне-зимний период 1918 г. власти Вятки продолжали укреплять материальную базу городского хозяйства за счет крупных частных владельцев. В сентябре началась передача в муниципальную собственность имущества ликвидируемых домовых церквей в учебных заведениях [43]; в сформированную для реализации этого мероприятия комиссию входили: член горисполкома Порошин, представители отдела народного образования, епархиального Совета и того ведомства, «в чьем ведении находится данное учебное заведение»; в своей деятельности она руководствовалась соответствующим правительственным декретом [44]. В октябре на повестку стала муниципализация объектов торговли; для получения соответствующих инструкций в Москву был командирован сотрудник городского продовольственного комитета. 21 ноября сформирована комиссия по муниципализации торговых предприятий [45]. В том же месяце муниципализировано имущество бывшего общественного собрания, недвижимость Ситникова, имения Александрова [46]. В конце месяца подверглись отчуждению владения Репиной, дома Бульчева и Клабукова, причем последнее здание было передано в распоряжение профсоюзного комитета работников водного транспорта [47]. Сам горсовет при этом располагался в бывшем помещении Духовной консистории [48].

Изредка практиковалось принудительное переселение граждан из жилищ, предназначенных для размещения в них тех или иных городских и губернских учреждений. В числе прочих оказалась, например, гражданка Пискунова, переселенная из квартиры в Спасских домах в помещение на территории мужского монастыря. Правда, горисполком возместил хотя бы расходы по переезду, выплатив 17 октября по ее заявлению 155 рублей [49]. На этом

этапе власти стали признавать факты нарушений прав граждан при проведении реквизиций и конфискации. При горисполкоме появилась комиссия, уполномоченная «рассматривать все заявления на неправильную конфискацию и возвращать вещи по своему усмотрению». В ряде случаев такое возвращение действительно имело место, случались и отказы [50]. В целом же до более или менее удовлетворительного урегулирования имущественных отношений было еще очень далеко, что, впрочем, не удивительно для страны, пережившей две революции, экономическую катастрофу и — вслед за мировой войной — втянутой в Гражданскую войну.

Запутанными были отношения не только между новыми властями и отдельными гражданами, но и между городами и губерниями. Порой вятские власти не слишком церемонились с собственностью, принадлежавшей иным регионам и муниципальным образованиям; в других случаях они сами становились жертвами аналогичных действий. Например, 5 декабря 1918 г. Северо-Двинский губСНХ реквизировал на станции Опарино и Альнеждова, закупленные для Вятки, что делало реальной угрозой замерзания города. Зато полторы недели спустя президиум Вятского горсовета подобным образом поступил с вагоном бумаги, принадлежавшем Союзу сибирских кооперативных союзов и оказавшемся на станции Вятка: срочно понадобилась бумага для выпуска местных «Известий» и «Вятской Правды» [51].

Но вместе с тем на протяжении второй половины 1918 г. произошла определенная стабилизация политического режима, упрочение позиций губернской организации РКП(б), причем не только в городах, но и в сельской местности. Для аграрной Вятской губернии это было особенно важно. Данная тенденция проявилась не только в повышении удельного веса большевистских фракций в местных Советах, но и (что еще более показательно) в расширении сети партийных ячеек. К концу 1918 г. в губернии насчитывалось уже 250 волостных и деревенских организаций РКП(б) [52]. Расширение социальной базы служило неременным условием решения как социально-экономических, так и военных задач. Само строительство Красной армии было в принципе невозможно без выполнения этого условия. Между тем лишь за вторую половину 1918 г. в губернии было призвано в ряды РККА более 60 тысяч бойцов [53].

Что касается персонального состава руководства губернии самой Вятки, то в его верхнем эшелоне практически до конца года преобладали местные кадры, с некоторыми «вкраплениями» посланцев Москвы и Урала (более заметно уральский компонент обозначится уже в начале следующего, 1919 г.). В избранный 3-м губернским съездом Советов (ноябрь 1918 г.) ГИК входили,

в числе прочих, И. В. Попов, М. И. Рейтав, А. С. Трубинский, П. П. Капустин, С. И. Малыгин (но и выходец из Екатеринбурга И. А. Акулов)... В губернском комитете РКП(б) после 3-й губернской партийной конференции (декабрь 1918 г.) фигурировали С. А. Новоселов, М. М. Попов, П. П. Капустин и другие — всего 15 человек [54].

Примечания к 15-й главе

1. Гаврилов Г. А. Указ. соч. С. 58.
2. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Лл. 59, 86.
3. ДСВ. М., 1959. Т. 2. С. 430—431.
4. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 203, 207.
5. Там же. Л. 208.
6. Там же. Л. 210.
7. Там же. Лл. 208об., 211.
8. Там же. Лл. 223, 225 и др.
9. Там же. Л. 209.
10. Там же. Лл. 144об., 203, 205, 213об., 214, 215, 224.
11. Там же. Л. 224об., 225.
12. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 4.
13. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.
14. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 16.
15. Там же. Л. 17.
16. ГАСПИКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. Л. 31.
17. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 213об., 225, 226об., 227, 228, 234об.
18. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 9. Лл. 26, 27об.
19. Там же. Лл. 226, 226об., 232.
20. Там же. Лл. 224об., 226об., 227об., 238.
21. Там же. Л. 226об.
22. Там же. Лл. 232, 236.
23. Там же. Л. 234.
24. См.: Конституции и конституционные акты РСФСР. 1918—1937 годы: Сборник документов / Под ред. А. Я. Вышинского. М., 1940. С. 39.
25. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 86.
26. Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. С. 51.
27. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 202, 202об., 203.
28. Там же. Лл. 200, 203об. и др.
29. Там же. Л. 208.
30. Там же. Лл. 200, 206.
31. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 208, 210, 210об. и др.
32. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 164.
33. Там же. Л. 198.

34. Там же. Л. 206об.
35. Там же. Лл. 206, 206об.
36. Там же. Л. 207.
37. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 9. Л. 89.
38. ГАКО. Ф. Р-747. Оп. 3. Д. 22. Лл. 9, 10.
39. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Лл. 134, 135, 226об.
40. Там же. Лл. 200, 203об., 206.
41. Там же. Лл. 209об., 210.
42. Там же. Лл. 225, 236.
43. Там же. Л. 206об.
44. Там же. Л. 224об.
45. Там же.
46. Там же. Л. 222об.
47. Там же. Л. 227об.
48. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 9. Л. 56.
49. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1а. Л. 216.
50. Там же. Л. 224, 224об.
51. Там же. Лл. 230, 236об.
52. Очерки истории Кировской организации... Ч. 2. С. 38.
53. Загвоздкин Г. Г. Гражданская война. С. 354.
54. Очерки истории Кировской организации... Ч. 2. С. 40, 44.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оставаясь неотъемлемой частью государства Российского, Вятская губерния вместе со всей страной прошла полосу революционных потрясений и испытаний бурных 1917—1918 гг. События в ней развивались в русле общероссийских тенденций и закономерностей. Как и в большинстве других регионов, ее население пережило период романтического увлечения Февральской революцией, с ее упованиями на вступление общества в эру свободы и демократии. Как и повсюду, главным генератором и носителем эйфории такого рода выступала интеллигенция, в то время как рабочие и крестьяне были с самого начала гораздо больше озабочены житейскими проблемами, связанными с уровнем цен и заработной платы, продолжительностью рабочего дня, ухудшившимся продовольственным снабжением горожан и совершенно недостаточным обеспечением промышленными товарами сельских жителей. В южных уездах довольно скоро на повестку дня встал вопрос о переделе помещичьих, церковных и иных частнособственнических земель в пользу крестьянства. Как и в других регионах, в губернии с начала марта 1917 г. вся полнота власти оказалась в руках представителей партий правительственного блока либералов и умеренных социалистов, на первых порах пользовавшихся безграничным доверием местного населения.

Постепенно нараставшее разочарование в народных массах внутренней и внешней политикой Временного правительства, не желавшего вывести Россию из мировой войны, не способного остановить процесс сползания страны к хозяйственной катастрофе и анархическому распаду, уклонявшегося от назревших радикальных реформ в области социально-экономических отношений, проецирование гражданами этого разочарования на местные власти и партийные организации правящего блока также не являли собою принципиальной оригинальности в жизни города Вятки и всей губернии на общероссийском фоне.

Местные власти в вопросе заготовки хлеба и мяса для промышленных центров и действующей армии по заданиям Временного правительства проявили такую же беспомощность и неэффективность, как и власти других, отнесенных к числу продовольственных «доноров» регионов. Здесь также нарастало, принимая все более яростный характер, сопротивление крестьянства проводимой властями продовольственной разверстке и принудительным реквизициям хлеба.

Но были у Вятской губернии и особенности, наложившие свой отпечаток на проявление здесь общих тенденций, существенно влиявшие на обще-

ственные настроения, на поведенческие реакции граждан, на скорость протекания политических процессов и их окраску, причем не только в 1917-м, но и в следующем 1918 г. Первая особенность — крайне низкий уровень урбанизации региона. Если в среднем по России доля горожан в общем составе населения приблизилась к 15%, а в Петроградской губернии (как исключение) — к 70%, то не менее 96% вятчан были сельскими жителями. Аграрные губернии, в условиях начавшихся перебоев в продовольственном снабжении городов, имели определенное преимущество перед промышленными (а также северными) регионами — они были более «сытыми». Вторая особенность, несколько ослаблявшая тяготы и страдания военного времени (в сопоставлении со многими западными территориями страны) — это удаленность Вятской губернии от линии фронта, ее глубоко тыловой характер. Третья особенность — огромная территория, в сочетании с низкой плотностью населения и неразвитостью инфраструктуры (сети дорог, связи), что являлось серьезным препятствием распространению информации, идей и настроений.

Из этих объективно сложившихся факторов естественно вытекали следствия, в ряду которых на первое место следует поставить замедленность некоторых политических процессов. На протяжении 1917 г. в регионе, как и повсюду, росло недовольство политикой Временного правительства, связанных с ним местных властей. Другой стороной медали выступали распространение антивоенных настроений и усиление воздействия на умы большевистской пропаганды. Но то и другое происходило медленнее, чем в более развитых в экономическом отношении регионах, в силу чего начало перехода власти к Вятскому Совету РСД стало возможным лишь с конца ноября 1917 г., да и то при существенной помощи извне. Зато крестьянская анархия, в первую очередь как реакция на продовольственную и — шире — на экономическую политику Временного правительства, захлестнула губернию в ускоренном варианте и уже летом 1917 г. приняла широкие масштабы.

Демографическими особенностями региона в решающей степени объяснялась и слабость местной организации большевиков, причем слабость эта ощущалась не только в 1917-м, но и в 1918 г. Промышленный пролетариат губернии был малочисленным, степень его организованности (за исключением железнодорожников) была невысока, опыт классовой борьбы невелик. Более того, именно в Вятской губернии имело место такое абсолютно нетипичное для того времени явление, как мощное антибольшевистское восстание **рабочих** Ижевского и Воткинского заводов летом — осенью 1918 г. Хотя к восстанию привел целый комплекс причин (о чем рассказывается в соответствующей главе), тем не менее факт этот сам по себе был достаточно показательным.

Из сказанного выше вытекает еще один парадоксальный с точки зрения ортодоксального марксизма (на страже которого особенно бдительно всегда стояли меньшевики) вывод: вятские большевики сумели удержаться у власти в 1918 г., а затем и обеспечить определенный, естественно пока еще не высокий, уровень эффективности управления регионом во многом благодаря тому, что их социальной базой в событиях 1917—1918 гг. выступали не только, а иногда не столько, рабочие, но и немалая часть местного крестьянства. Это тем более удивительно потому, что большевикам пришлось продолжить и даже в какой-то мере ужесточить ту самую продовольственную политику, которую ранее проводили их предшественники. Тем не менее отдельные мятежи, вспыхнувшие летом 1918 г. в ряде уездов Вятской губернии (наиболее крупный — степановский), не нашли поддержки в широких крестьянских массах, не переросли в крестьянскую войну против новой власти. О дальнейшей эволюции настроений в российской, в том числе и вятской, деревне достаточно объективно можно судить по грядущим итогам большой Гражданской войны в стране, остававшейся, как и прежде, более чем на 4/5 крестьянской.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕРСОНАЛИИ

Абсит — осенью 1918 г. член губернского комитета РКП(б).

Авакумов Михаил Васильевич — управляющий типографией Епархиального братства при свечном заводе в Вятке (на декабрь 1917 г.).

Азин Вольдемар Мартинович — летом 1918 г. возглавлял латышскую секцию при Вятском горкоме РКП(б). В июле — августе назначен командиром 1-го батальона формируемого 19-го Уральского полка. В годы Гражданской войны один из «красных» полководцев на Восточном, Южном и Кавказском фронтах. Погиб (расстрелян белыми) на Северном Кавказе в 1920 г.

Акулов И. А. — выходец с Урала. 3-й губернской партийной конференцией (декабрь 1918 г.) избран в состав Вятского губкома РКП(б).

Алеев Николай Панкратович — меньшевик, присяжный поверенный, городской голова, член Верховного Совета по управлению губернией. Арестован в декабре большевиками, после ареста бежал (по утверждению А. Н. Новоселова) из городской больницы.

Алексакис — с осени 1917 г. представитель ЦК РСДРП(б) в Вятке. Участник 2-й губернской конференции большевиков (30 июля — 3 августа 1918 г.). Осенью 1918 г. вернулся в Москву.

Александров — вятский купец, располагавший имуществом в ряде поселений (в частности, в Елабуге, Сарапуле) Вятской губернии.

Алпатов А. — меньшевик, в сентябре 1917 г. член железнодорожного стачкома г. Вятки.

Амосов В. В. — меньшевик, осенью 1917 г. председатель Вятской городской Думы. Входил в состав Верховного Совета по управлению губернией, за участие в котором 8 декабря подвергся краткосрочному аресту.

Амосов Н. А. — кандидат в члены бюро губкома РСДРП(б), избранного 1-й губернской конференцией (октябрь 1917 г.).

Анисимов — с октября 1918 г. секретарь Вятского горсовета и член Вятского райСНХ.

Анцелович Н. М. — после победы Октябрьской революции в столице командирован Петроградским Военно-революционным комитетом (ВРК) в Вятку, в помощь местной партийной организации. Активно участвовал здесь в установлении советской власти. В годы Гражданской войны политработник в РККА. В 1927 г. член ЦК профсоюза работников сельского хозяйства и лесной промышленности (Москва).

Ардашев Г. П. — меньшевик, в 1917 г. (до конца ноября) — депутат Вятского Совета РСД. В ноябре делегирован от этого органа в Верховный Совет по управлению губернией.

Бабинцев Павел Павлович — слесарь депо станции Вятка-1 Северной железной дороги, член железнодорожного красногвардейского отряда первого призыва.

Бадьин А. И. — наряду с П. С. Басовым, А. В. Ковалевым, А. И. Пиковым, В. С. Созиновым, А. Г. Соболевым, Н. А. Чарушиным, П. Т. Саламатовым с марта 1917 г. в составе оргкомитета по созданию губернского отделения всероссийского Крестьянского союза.

Бакин Е. Б. — в первые месяцы 1918 г. председатель земельной коллегии губернского Совнаркома, в марте председатель ГИКа. Замешан в попытке военного переворота в Вятке в марте 1918 г.

Барабанов — поручик фронтовой 84-й пехотной дивизии, делегированный в Вятку летом 1917 г. с целью пополнения пославшей его воинской части призывниками.

Баранов — в 1917 г. гласный губернского земского собрания, весной 1917 г. председатель управы Уржумского уезда.

Баранов — весной 1918 г. военком г. Котельнича, левый эсер.

Барт — вятский большевик, с 7 апреля 1918 г. член партийного суда при Вятском горкоме РКП(б).

Барышников С. П. — большевик с 1917 г. (не позднее), прапорщик 106-го запасного полка (г. Вятка).

Басов П. С. — энес, выходец из уржумских крестьян, учительствовал. В 1917 г. председатель исполкома КОБа Вятского уезда, затем там же — уездный комиссар; гласный губернского земства, член оргкомитета по созданию губернского отделения всероссийского Крестьянского союза, в конце года — член Верховного Совета по управлению губернией. За участие в последнем подвергся кратковременному аресту.

Басов — член коллегии военного отдела исполкома Вятского горсовета с 18 марта 1918 г.

Безденежных Алексей Ефимович — рабочий депо станции Вятка-1, большевик с июня 1917 г.

Белобородов Александр Георгиевич — весной 1918 г. председатель исполкома Уральского областного Совета (г. Екатеринбург). В марте возглавлял комиссию по расследованию попытки военного переворота в Вятке. В июле 1918 г. причастен к расстрелу царской семьи.

Белобородова (старшая) — член вятской организации большевиков с лета 1917 г.

Белобородова (младшая) — член исполкома Вятского городского Совета РСД в конце 1917 г. — первой половине 1918 г.; в мае выведена из состава исполкома за мелкое злоупотребление служебным положением; затем работала в ведомстве губЧК.

Белова — с октября 1918 г. заведующая отделом социального обеспечения исполкома Вятского горсовета.

Белых А. — меньшевик, в 1917 г. работник железнодорожных мастерских.

Белых — вятский большевик, с 7 апреля 1918 г. член партийного суда при Вятском горкоме РКП(б).

Бененсон — меньшевик, до конца ноября 1917 г. депутат Вятского Совета РСД.

Бердников В. Н. — меньшевик, весной — осенью 1917 г. губернский комиссар труда, до конца ноября — депутат Вятского Совета РСД.

Березинский Н. А. — эсер, осенью 1917 г. комиссар Временного правительства в Уржумском уезде. В августе 1918 г. активный участник степановского мятежа.

Бнатов Федор Иванович — рабочий депо станции Вятка-1, большевик с 1917 г.

Борисов — прапорщик тылового гарнизона, отряд под командованием которого отличился особым зверством в расправах над крестьянами Сарапульского уезда летом 1917 г.

Бочагов — с октября 1918 г. член Вятского городского Совета.

Братухин — заведующий продовольственным отделом исполкома Вятского горсовета РСД с весны 1918 г.

Бузанов В. И. — эсер, один из руководителей ижевского восстания, председатель «Прикомуча» летом — осенью 1918 г.

Булычев Тихон Филиппович — крупный вятский заводо-, домо- и пароводовладелец.

Бульканов Алексей — член отряда Красной гвардии первого состава.

Бульканов Иван — большевик, рабочий-железнодорожник, красногвардеец, с конца 1917 г. депутат Вятского Совета РСД.

Бусыгин Василий — член отряда Красной гвардии первого состава.

Бушковы — помещичья семья в Уржумском уезде.

Буянов — сменил Трейтера (в связи с арестом последнего) в качестве губернского комиссара свергнутого Временного правительства на этапе пере-

езда остатков Верховного Совета по управлению губернией в г. Слободской (декабрь 1917 г.).

Быков — меньшевик, в 1917 г. работал в железнодорожных мастерских.

Васенин — летом — осенью 1917 г. депутат Вятского городского Совета РСД.

Весенин — милиционер, с конца 1917 г. начальник Вятской милиции.

Вахрушев П. А. — владелец кожевенных заводов.

Ветошкин — большевик, прибывший не ранее конца октября 1917 г. на укрепление вятской организации РСДРП(б).

Виноградов — осенью 1917 г. правительственный комиссар Елабужского уезда.

Вихарев А. Д. — военный комиссар Нолинского уезда. Руководил обороной города от наступающих степановцев. Захвачен в плен, трагически погиб.

Войтов Ипполит Иванович — меньшевик, соредaktor (с Лашкевичем) «Крестьянской газеты», в 1917 г. председатель Вятского Совета РСД.

Волков В. Л. — в первые месяцы 1918 г. председатель торгово-промышленного отдела губернского Совнаркома.

Волков Иван — в 1917 г. глазовский большевик.

Волков Иосиф — в 1917 г. глазовский большевик.

Воипяков А. А. — в первые месяцы 1918 г. нарком юстиции в составе губернского Совнаркома.

Вьюгов И. И. — в мае 1918 г. член Вятского уездного исполкома крестьянских депутатов.

Гайдукевич Владимир — рабочий текстильной фабрики Т. Ф. Булычева (Береговой район), большевик с 1917 г., член отряда Красной гвардии первого состава.

Гамаюнов А. — большевик с лета 1917 г., железнодорожный рабочий станции Вятка-1, красногвардеец.

Генгенрейдер И[Ван] И. — большевик, рабочий, член отряда Красной гвардии первого состава, с конца 1917 г. член коллегии продовольственного отдела исполкома Вятского горсовета.

Голощекин Филипп Исаевич — весной 1918 г. уральский областной военком, в середине марта был проездом в Вятке.

Голубков Петр — рабочий, член отряда Красной гвардии первого состава (Вятка).

Гольдберг — с лета 1918 г. один из руководителей интернациональной секции при Вятском горкоме РКП(б).

Горбушин Иван — рабочий-железнодорожник станции Вятка-2, большевик с 1917 г., с декабря 1917 г. секретарь Вятского Совета РСД.

Горюнов — меньшевик, в 1917 г. работал в железнодорожных мастерских.

Григоровский В. А. — в 1917 г. депутат Вятского городского Совета РСД (доноярского состава).

Григоровский В. С. — солдат вятского гарнизона, заместитель председателя Вятского Совета РСД; в июле 1917 г. добровольцем ушел на фронт.

Груздев И[Ван] Д. — рабочий, член отряда Красной гвардии первого состава и первого состава большевизированного (с конца ноября — начала декабря 1917 г.) Вятского городского Совета РСД. В конце 1917 г. комиссар вятского отделения Госбанка. С февраля 1918 г. заместитель председателя исполкома горсовета А. С. Трубинского. Осенью 1918 г. член губкома РКП(б). С октября 1918 г. член президиума Вятского горсовета, заместитель его председателя (В. И. Лалетина).

Грязев В. А. — выходец из Вятки, харьковский студент; один из основателей вятской большевистской организации летом 1917 г. В июне 1919 г. захвачен в плен в г. Козлове Тамбовской губернии казаками белого генерала Мамонтова К. К. и расстрелян ими.

Грязев — с 22 июня 1918 г. член Вятского горкома РКП(б).

Гусарук — один из командиров Летучего отряда балтийских матросов, прибывшего в Вятку 7 декабря 1917 г.

Гутман-Ган А. Я. — журналист, участник воткинского восстания августа 1918 г.

Гущин В. П. — один из лидеров в 1917 г. вятской организации партии эсеров, из крестьян; бывший учитель, кооператор.

Девятериков Павел — рабочий-железнодорожник станции Вятка-2, большевик с лета — осени 1917 г., член отряда Красной гвардии первого состава.

Деникин Антон Иванович — генерал, в 1917 г. командир дивизии, начальник Генерального штаба, подвергнут аресту за участие в корниловском мятеже. С конца 1917 г., вместе с Л. Г. Корниловым М. В. Алексеевым, создавал белую Добровольческую армию.

Денисенко Г. — рабочий-железнодорожник, с 10 декабря 1917 г. депутат Вятского Совета РСД.

Деньгин Н. — большевик в 1917 г., участник Февральской и Октябрьской революций в Вятке.

Депрейс А. С. — помещик Уржумского уезда, в 1917 г. правительственный комиссар в том же уезде.

Деришев И. И. — «дедушка» вятской организации большевиков. Член партии с 1903 г. В 1905 г. был избран депутатом Вятского Совета РД местными железнодорожниками. Прислан (в конце октября или начале ноября 1917 г.) Петроградским ВРК на укрепление вятской организации РСДРП(б). В ноябре же вошел в состав вятского ВРК. В декабре 1917 г. Вятским горисполкомом направлен в роли комиссара в г. Слободской. С 1921 г. работал в Слободском уездном профсовете, с 1923 г. — в Вятке. В 1927 г. председатель местной коллегии Истпарта. Вятского горкома ВКП(б).

Дмитриев Ф. Н. — летом — осенью 1917 г. депутат Вятского городского Совета РСД. В ноябре от Совета РСД делегирован в Верховный Совет по управлению губернией.

Долгушины — владельцы кожевенных заводов в Бобинской волости Вятского уезда. В 1918 г. подверглись чрезвычайному налогообложению.

Драгунов М. В. — большевик, прапорщик 154-го запасного полка (г. Глазов), с 1917 г. участник глазовской организации РСДРП(б), с Октября того же года член бюро большевистского губкома.

Дрелевский Юрий Антонович — большевик, матрос Балтийского флота, прибывший в Вятку 7 декабря 1917 г. с отрядом моряков, посланных сюда Петроградским ВРК. С конца февраля 1918 г. член Вятского горисполкома и комиссар юстиции Вятского уезда, затем — города Вятки. 16 августа 1918 г., во время поездки в Уржумский уезд, захвачен участниками степановского мятежа и 20 августа, после истязаний, казнен.

Дробинин — прапорщик 106-го запасного полка, весной — осенью 1917 г. начальник вятской городской милиции.

Дробинин К. М. — делегат губернского продовольственного съезда (март 1917 г.) от Сарапульского уезда.

Дыбенко Петр Ефимович — член военно-морской коллегии Совнаркома в конце 1917-го — начале 1918 года.

Евсеев Н. И. — в 1917 г. один из лидеров вятской организации партии эсеров, с марта — заместитель председателя губернского продовольственного комитета, в августе 1918 г. активный участник ижевского восстания, член «Прикомуча».

Евстафиев П. Н. — в первые месяцы 1918 г. нарком по военным делам губернского Совнаркома.

Ежов — осенью 1918 г. член губкома РКП(б).

Елькин А. Ф. — большевик, осенью 1917 г. член Делового совета Белохолуницкого завода, депутат местного Совета РД.

Елкин Н. И. — большевик; в октябре — ноябре 1917 г., находясь в Уржумском уезде, вел переписку с ЦК РСДРП(б). На 2-й губернской партийной конференции избран (в начале августа 1918 г.) членом губкома РКП(б).

Ермолин — меньшевик, в 1917 г. работал в железнодорожных мастерских.

Желваков — в 1917 г. вятский железнодорожник, начальник участка пути, гласный городской Думы.

Жечев В. С. — председатель военного отдела исполкома Ижевского Совета, погиб в августе 1918 г. в ходе ижевского восстания.

Жилин — делегат 2-й губернской конференции РКП(б), избран членом губкома партии.

Жирнов — в 1917 г. гласный губернского земского собрания.

Журавлев М. С. — меньшевик, депутат и казначей Вятского городского Совета РСД в 1917 г.

Журба — балтийский матрос, член присланного в Вятку 7 декабря 1917 г. Петроградским ВРК Летучего отряда; командовал частью этого отряда, перемещенной в г. Котельнич.

Запуск — матрос Балтийского флота, командир отряда моряков, прибывшего 7 декабря 1917 г. в Вятку по заданию Петроградского ВРК.

Захаров Тихон Хр. — большевик, в ноябре 1917 г. вошел в состав вятского ВРК, член исполкома горсовета Вятки с 10 декабря.

Захваткин М. В. — осенью 1917 г. член Делового совета Белохолуницкого завода, депутат местного Совета рабочих депутатов, большевик.

Злобин Д. — рабочий-железнодорожник, с конца ноября 1917 г. депутат Вятского Совета РСД.

Зобнин В. — большевик, в ноябре 1917 г. член вятского ВРК.

Зобнин Дмитрий — рабочий-железнодорожник станции Вятка-2, большевик с 1917 г., член отряда Красной гвардии первого состава.

Зонов Аркадий Александрович — агроном из Слободского. На 20 ноября 1917 г. большевик.

Зотин Г. — летом 1917 г. председатель елабужского КОБа.

Зубарев Василий — рабочий, член отряда Красной гвардии первого состава.

Зубарев Н. И. — помощник комиссара Вятского уезда П. С. Басова, в ноябре — начале декабря 1917 г. правительственный комиссар Котельничского уезда. Смещен с поста Военно-революционным комитетом при местном Совете.

Зубарев П. И. — член городской группы Крестьянского союза.

Зубарева Вера Васильевна — родом из Вятки, студентка медицинских Бестужевских курсов в Петрограде; один из организаторов летом 1917 г. первой в Вятке городской организации большевиков; в Петрограде вела пропаганду на Путиловском заводе и в Волынском полку, участник Февральской революции. В 1918 г. в составе отряда красновардейцев находилась на Донском фронте. Захвачена в плен белоказаками, казнена в Ростове-на-Дону.

Зырин — помещик, владевший имением в Морозовской волости Котельничского уезда.

Иванов Е. И. — летом 1918 г. член исполкома Вятского горсовета; в октябре 1918 г. возглавил хозяйственный отдел Вятского горисполкома, однако вскоре подал в отставку.

Иванов Илья — солдат из Вятской губернии, в 1917 г. воевавший на Кавказском фронте.

Измайловский — с апреля 1918 г. член ГИКа (от Ижевского завода), большевик.

Иконников — последний комиссар Временного правительства в Орловском уезде, после кратковременного ареста большевиками вышел на волю из вятской тюрьмы 24 декабря 1917 г.

Ильинский С. И. — первый комиссар Временного правительства в Вятском уезде.

Ильичев — член коллегии военного отдела исполкома Вятского городского Совета РСД с 18 марта 1918 г.

Иорданский А. Е. — кадет, с июля 1917 г. — заместитель (товарищ) городского головы Н. П. Алеева.

Исаев — с марта 1918 г. председатель губернского Ревтрибунала.

Кабаков — меньшевик, в 1917 г. работал в железнодорожных мастерских.

Казаков И. — член исполкома Вятского городского Совета РСД с 10 декабря 1917 г.

Казенин В. И. — в 1917 г. кадет, с июля 1917 г. член Вятской городской управы.

Калашников Василий Иванович — меньшевик, работник железнодорожных мастерских; в 1917 г. вызван однопартийцами из Архангельска; в 1905 г. был председателем Вятского Совета рабочих депутатов.

Калинин И[Ван] Л. — сотрудник военного отдела исполкома Вятского городского Совета РСД с 10 декабря 1917 г. В марте 1918 г. был замешан в попытке военного переворота в Вятке.

Кальсин — с августа 1918 г. член коллегии социального обеспечения при исполкоме Вятского горсовета.

Каплинский — с августа 1918 г. член коллегии социального обеспечения при исполкоме Вятского горсовета.

Капустин Петр Павлович — большевик, в 1917 г. учащийся Вятского реального училища, изгнан из него за политическую деятельность. В РСДРП(б) с лета того же года. Член отряда Красной гвардии первого состава. С конца 1917 г. депутат Вятского городского Совета РСД, член его исполкома и президиума. Участвовал в работе губернского Ревтрибунала. Летом того же года вошел в состав агитационно-пропагандистской коллегии при горкоме РКП(б). С конца мая 1918 г. первый руководитель губернской ЧК, с июля входил в состав губернского ВРШ, в сентябре назначен губернским военкомом. В ноябре того же года возглавил Вятскую городскую Коммуну, а 3-м губернским съездом Советов введен в члены ГИКа. 3-й губернской партийной конференцией (декабрь 1918 г.) избран членом Вятского губкома РКП(б).

Караваев — в 1917 г. вятский меньшевик.

Карелов Е. А. — инструктор Нолинского уездного военкомата, вместе с Ю. А. Дрелевским захваченный в плен мятежниками-степановцами; зверски замучен ими.

Карпов — большевик с лета 1917 г., журналист, в декабре 1917 г. приглашен на должность первого редактора «Кировской Правды», член исполкома Вятского Совета РСД с декабря 1917 г.

Касаткин М. И. — большевик с сентября 1917 г., рабочий текстильной фабрики Булычева. Член отряда Красной гвардии первого состава. Делегат 2-й губернской конференции РКП(б) (30 июля — 3 августа 1918 г.).

Кассин И. И. — осенью 1917 г. член вятской продовольственной управы.

Кассин Н. П. — весной 1917 г. секретарь учредительного комитета вятского Союза молодежи.

Керенский А. Ф. — юрист, эсер, министр юстиции в первом составе, военный министр во втором и третьем составах Временного правительства, глава 3-го и 4-го кабинетов (июль — октябрь 1917 г.).

Кириллов И. К. — один из командиров отряда балтийских матросов, посланных в Вятку Петроградским ВРК 7 декабря 1917 г. За участие в попытке военного переворота в Вятке в марте 1918 г. расстрелян.

Клабуков Н. И. — вятский предприниматель, домовладелец, обложенный в сентябре 1918 г. чрезвычайным налогом.

Клобуков — в феврале 1918 г. председатель следственной комиссии при губернском Ревтрибунале.

Клячин Сергей — большевик-железнодорожник (станция Вятка-1), делегат 2-й губернской конференции РКП(б).

Князев С. А. — священник прихода Зосимо-Савватьевской церкви села Коршик Орловского уезда, привлеченный в июне 1918 г. к суду Ревтрибунала за распространение антиправительственных воззваний патриарха Тихона.

Князев Ф. С. — меньшевик, в 1917 г. секретарь Вятского Совета РСД, от которого в ноябре делегирован в состав Верховного Совета по управлению губернией.

Ковалев — в 1917 г. гласный губернского земского собрания.

Колеватов Иван Прокопьевич — меньшевик, в 1917 г. работник железнодорожных мастерских.

Колмогоров С. И. — руководитель Ижевского ВРШ, погиб в бою 8 августа 1918 г. во время ижевского восстания.

Колотов Василий — рабочий, член отряда Красной гвардии первого состава.

Колупаев В. М. — в мае 1918 г. член Вятского уездного исполкома крестьянских депутатов.

Коновалов Аркадий Филиппович — род. в 1887 г. в Орлове. 4 класса начального училища. С 12 лет жил своим трудом, с 13 — учеником на судостроительном заводе Т. Ф. Булычева в 7 верстах от Орлова. Затем плавал на Волге до 1907 г. В 1908 г. приехал в Вятку, работал в мастерских по специальности, но вскоре был призван на военную службу в 106-й запасной полк, в качестве мастера в оружейных мастерских. Один из организаторов Красной гвардии в Вятке, снабдил ее оружием из арсенала полка. С декабря 1917 г. сотрудник военного отдела исполкома горсовета.

Коровин Иван — большевик с лета 1917 г., рабочий текстильной фабрики Т. Ф. Булычева, член отряда Красной гвардии первого состава.

Коровкин — с июня 1918 г. член Вятского горкома РКП(б), заведующий партийной школой при этом органе.

Корчемкин М. А. — в мае 1918 г. член Вятского уездного исполкома крестьянских депутатов.

Корякин А. Д. — эсер, в августе 1918 г. один из руководителей ижевского восстания, член «Прикомуча».

Корякин Семен Васильевич — род. в 1898 г., сын рабочего из Нолинска. С 14 лет работал по найму. Мобилизован на фронт. В 1917 г. по болезни вернулся в Вятку. Подлечился, направлен в 106-й запасной полк. В конце 1917 г. солдаты избрали его командиром роты. Активный участник Октябрьской революции. В РКП(б) вступил в марте 1918 г. В качестве помощника

командира 1-го боевого отряда коммунистов, вместе с Уральским полком, отбыл на Восточный фронт. После войны работал на различных руководящих должностях.

Коряков И. — в начале декабря 1917 г. избран секретарем правления профсоюза кондитеров, колбасников, булочников и поваров (г. Вятка).

Косолапов — в 1917 г. гласный Вятской городской Думы, член губернского Комитета общественной безопасности в первые дни его существования.

Котельников Матвей — рабочий, член отряда Красной гвардии первого состава.

Котов И. Н. — летом — осенью 1917 г. депутат Вятского городского Совета РСД.

Кочетков А. Ф. — один из руководителей вятского отделения Крестьянского союза.

Кошкин Андрей Дементьевич — большевик с сентября 1917 г., рабочий железнодорожных мастерских станции Вятка-1; подвергся кратковременному аресту «верховниками»; в ноябре 1917 г. избран депутатом Вятского горсовета РСД. В сентябре 1918 г. вятский комиссар социального обеспечения.

Кошечев — в мае 1918 г. член президиума ГИКа.

Красов А. В. — в 1917 г. эсер, с июля — член вятской городской управы.

Красов (Крассов) — с августа 1918 г. член коллегии социального обеспечения при исполкоме Вятского горсовета.

Кролюницкий Н. А. — журналист, меньшевик, депутат Вятского городского Совета РСД, один из ведущих меньшевистских ораторов Вятки. От Совета РСД делегирован в ноябре в Верховный Совет по управлению губернией; тогда же — уполномоченный представитель в губернии столичного подпольного антибольшевистского «Союза в защиту Родины и революции». В декабре 1917 г. арестован, бежал.

Кропотов А. Е. — бывший депутат 3-й Государственной Думы, на сентябрь 1917 г. председатель Уржумской уездной земской управы. Активный участник степановского мятежа в августе 1918 г.

Кротов — весной 1918 г. комиссар Вятской пристани.

Круль — летом 1918 г. руководитель эстонской секции при Вятском горкоме РКП(б), с июля член губернского ВРШ.

Крутихин В. Х. — крупный землевладелец в Вятском уезде.

Кувалдин Алексей Тимофеевич — рабочий-железнодорожник, большевик с 1917 г. С декабря 1917 г. командовал отрядом Красной гвардии вятских железнодорожников.

Кувалдин И. — большевик, в декабре 1917 г. участвовал в подготовке к печати первого номера «Вятской Правды».

Кувалдин Михаил — рабочий, член отряда Красной гвардии первого состава.

Куварзин И. — рабочий-железнодорожник, с конца 1917 г. депутат Вятского Совета РСД, с января 1918 г. член исполкома Совета.

Кудрин И. — нолинский большевик, делегат 2-й губернской конференции РКП(б), избран членом губкома.

Куклин А. — член исполкома Вятского городского Совета РСД с 10 декабря 1917 г.

Кунахович В. А. — вятский кооператор.

Кунилов Ф. П. — в 1917 г. гласный городской Думы.

Курилов — 19 декабря 1917 г. послан (вслед за Останковым) Вятским горисполкомом в качестве комиссара в Котельнич.

Кучкин А. П. — большевик, солдат запасной пешей дружины (вятский гарнизон), в 1917 г. один из организаторов вятской организации РСДРП(б). С августа 1917 г. работал в Уфимском Совете, затем на Восточном фронте, в составе 2-й армии.

Лаврин А. П. — осенью 1917 г. большевик, депутат Белохолуницкого Совета РД.

Лагунов — в 1917 г. рабочий текстильной фабрики Т. Ф. Булычева, большевик с 1917 г.

Лалетин Василий Иванович — рабочий-железнодорожник, в августе — сентябре 1917 г. председатель вятского комитета РСДРП(б); в ноябре вошел в состав вятского ВРК; с конца ноября того же года член вятского Совета РСД и его президиума. С февраля 1918 г. заместитель председателя исполкома горсовета; с августа 1918 г. председатель Вятского городского Совета РСД. Осенью 1919 г. добровольцем выехал на фронт, но в пути заболел сыпным тифом и умер 10 января 1920 г.

Лалетин Илья Иванович — брат Василия Лалетина. В конце ноября 1917 г. от рабочих железнодорожных мастерских избран депутатом Вятского Совета РСД. Член отряда Красной гвардии первого состава.

Лалетин Григорий — член отряда Красной гвардии первого состава.

Лапин М. Г. — в начале декабря прибыл в Вятку с фронта, с 9 декабря 1917 г. совместно с поручиком Мышкиным, а с 23 февраля 1918 г. единолично начальник гарнизона г. Вятки. 10 марта решением горисполкома арестован за злоупотребления служебным положением. Один из организаторов попытки антибольшевистского переворота в Вятке. Расстрелян.

Лапков — в 1917 г. владелец кинотеатра «Одеон».

Лаптев М. Д. — в 1917–1918 гг. глава вятской торговой фирмы, владелец кожевенных заводов.

Лашкевич И. П. — преподаватель Вятского реального училища, редактор (вместе с И. И. Войтовым) «Крестьянской газеты».

Ларионов — в декабре 1917 г. делегирован вятским горисполкомом в роли военного начальника в г. Слободской.

Левин — член первого большевистского состава исполкома Вятского горсовета с декабря 1917 г., заведующий продовольственным отделом.

Ленин (Ульянов) В. И. — лидер и ведущий идеолог большевистской партии, председатель Совнаркома Республики.

Леонтьев — с 18 марта 1918 г. председатель коллегии военного отдела исполкома Вятского горсовета.

Леушин Д. — в октябре 1918 г. член исполкома Вятского горсовета.

Липинский Н. А. — в 1917 г. заместитель вятского губернского прокурора.

Лихвинцев П. — военком Ижевского завода, погиб в августе 1918 г. в ходе ижевского восстания.

Лобовиков В. А. — в первые месяцы 1918 г. заведующий отделом самоуправления губернского Совнаркома.

Лобовиков Михаил Константинович — в 1918 г. командир продотряда.

Ложкин — прапорщик, упоминаемый «Вятской речью» (6 декабря, с. 4) как член большевистского ВРК. По утверждению газеты, бывший чин царской полиции. В декабре 1917 г. направлен Вятским Советом РСД комиссаром в Орлов.

Лупарев — прибыл в Вятку в ноябре 1917 г. в качестве уполномоченного Совнаркомом комиссара Вятской губернии. Участвовал в установлении здесь советской власти.

Львов Георгий Евгеньевич — князь, глава двух первых кабинетов Временного правительства, министр внутренних дел (март — начало июля 1917 г.).

Максимов В. Е. — в 1917 г. служащий Вятской губернской продовольственной управы. С конца 1917 г. сотрудничал с большевистской властью. Весной — летом 1918 г. — член коллегии городского самоуправления, осенью — заведующий оценочно-статистического отдела исполкома Вятского горсовета.

Макушин В. Н. — журналист, в 1917 г. один из лидеров вятских эсеров, член Вятского губернского Совета крестьянских депутатов.

Макушин С. Н. — агроном Вятского уездного земства, брат В. Н. Макушина.

Малис Ю. А. — в 1917 г. эсер, с июля член Вятской городской управы.

Малыгин Степан Иванович — большевик с мая 1917 г., уроженец деревни Кабак Дебесской волости Сарапульского уезда. В мае — июне 1917 г., отбывая воинскую службу в петроградском гарнизоне, был избран солдатами членом первого состава ВЦИК Советов. Осенью с группой товарищей направлен ЦК большевистской партии в Вятскую губернию для подготовки к взятию власти в регионе. В первые месяцы 1918 г. — председатель губернского Совнаркома (регионального правительства) и его продовольственного бюро. Летом 1918 г. губернский военком, член Вятского ВРШ. Командовал войсками, противостоявшими силам «Прикомуча» в августе — сентябре 1918 г., затем сдал командование А. А. Медведеву. С ноября 1918 г. член ГИКа.

Малышев — весной 1918 г. комиссар «по увеселительным заведениям» Вятки, отстранен от должности за бездеятельность.

Манкевич — вятский меньшевик, освобожденный из заключения Февральской революцией.

Манохин — в 1917 г. гласный Вятской городской Думы.

Марков Василий Никифорович — заведующий отделом труда Вятского горисполкома в 1918 г.

Мартьянов — с октября 1918 г. член президиума Вятского горсовета, заместитель председателя (В. И. Лалетина).

Матвеевы — семейство помещиков Уржумского уезда.

Мацкевич — летом — осенью 1917 г. депутат Вятского городского Совета РСД, в ноябре делегирован им в Верховный Совет по управлению губернией.

Машковцев — осенью 1917 г. начальник милиции Сарапула; по итогам ноябрьского погрома в городе арестован и заменен на Сморгалова.

Менжинский Вячеслав Рудольфович — в 1918 г. нарком финансов в СНК РСФСР, позднее (с 1923 г.) заместитель председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского.

Милюков Павел Николаевич — профессор-историк, лидер партии кадетов, в первом кабинете Временного правительства (март — апрель 1917 г.) министр иностранных дел.

Миронов — владелец гостиницы «Европейской» в Вятке.

Митревич — с лета 1918 г. сотрудник губЧК, осенью 1918 г. член губкома РКП(б).

Михайлов В. Н. — председатель Ревтрибунала Ижевского завода. Погиб в августе 1918 г. в ходе ижевского восстания.

Молчанов — в 1917 г. прапорщик вятского гарнизона, член исполкома губернского КОБа.

Молчанов Г. А. — в марте избран народным судьей (г. Вятка).

Монастырский — левый эсер, летом 1918 г. губернский комиссар продовольствия.

Моралев М. В. — присяжный поверенный, в 1917 г. член исполкома губернского КОБа.

Москвичев — член коллегии военного отдела исполкома Вятского городского Совета РСД с 18 марта 1918 г.

Мошкин А. Н. — в 1917 г. представитель Вятской губернии во Всероссийском Совете Крестьянского союза.

Муралов Александр Иванович — командующий Московским военным округом, в конце 1917 г. организовал реквизиции хлеба силами округа в Воронежской и Курской губерниях.

Мусихин — в октябре 1918 г. заведующий медико-санитарным отделом Вятского горисполкома.

Мышкин М. — в конце 1917 — начале 1918 г. являлся начальником гарнизона г. Вятки. 23 февраля, передав эту должность Лапину, вошел в штат Вятского горисполкома. Член вятского комитета большевиков.

Мясников С. Л. — большевик, рабочий-железнодорожник станции Вятка-1, осенью 1917 г. член вятской организации РСДРП(б). В конце октября подвергся недельному аресту по распоряжению Верховного Совета по управлению губернией. В ноябре того же года избран депутатом Вятского горсовета РСД.

Наумов Г. М. — большевик, с марта 1917 г. заместитель председателя губернского продовольственного комитета. В сентябре 1918 г. сменил на посту губернского комиссара продовольствия левого эсера Монастырского. Покинул этот пост не позднее декабря 1918 г.

Неандер — бывший начальник вятской тюрьмы, убитый в конце весны 1918 г. Костылевым и Порошиным.

Небогатиков — владелец пароходства в Нолинске, экспроприрован в начале весны 1918 г.

Никандр — епископ Вятский и Слободской, в начале марта приветствовал падение монархии и создание Временного правительства.

Никитин А. М. — меньшевик, министр внутренних дел в последнем (4-м) кабинете Временного правительства.

Новоселов Александр Николаевич — один из руководителей Вятской губернии в годы Гражданской войны, автор воспоминаний о событиях 1917—1920 гг. на Вятской земле. На 3-й губернской партийной конференции (декабрь 1918 г.) введен в состав губкома РКП(б).

Носков И. Я. — председатель ГИКа в мае 1918 г.

Носкович — в октябре 1918 г. член исполкома Вятского горсовета.

Овчарук — в первой половине декабря 1917 г. председатель Котельничского ВРК.

Огнев — осенью 1917 г. недолгое время исполнял обязанности губернского комиссара Временного правительства (в промежутке между Саламатовым и Трейтером).

Одегов С. — член губкома РКП(б) после 2-й губернской конференции большевиков.

Осокин — гласный Вятской городской Думы в 1917 г.

Останков П. А. — 7 декабря 1917 г. делегирован в роли комиссара Вятским горисполкомом в Котельнич. В первые месяцы 1918 г. заведовал медицинским отделом и был секретарем губернского Совнаркома.

о. Николай Фаворский — в 1917 г. настоятель свечного завода в Вятке.

Оттендер — с 22 июня 1918 г. член Вятского горкома РКП(б).

Павел — вятский священник.

Павлов — контролер вятской почтово-телеграфной конторы, большевик, депутат первого в 1917 г. большевизированного состава Вятского городского Совета РСД; в конце марта 1918 г. назначен комиссаром местного телеграфа.

Паньков Павел Иванович — до Февральской революции председатель Вятской губернской земской управы, в марте — мае 1917 г. губернский комиссар Временного правительства.

Пастухов И. Д. — председатель (с 1917 г.) Ижевского Совета, руководитель местной организации РКП(б). В августе 1918 г., во время ижевского восстания, захвачен в плен и зверски замучен.

Перевалов — с 22 июня член Вятского горкома РКП(б). До сентября 1918 г. являлся и членом горисполкома, но был выведен из штата за появление на улице в нетрезвом виде.

Перминов Григорий Васильевич — рабочий-железнодорожник депо станции Вятка-1, в 1917 г. сочувствующий большевикам. В декабре 1917 г. участник Всероссийского съезда железнодорожников в Москве, который вынес порицание ВИКЖелю. С осени 1918-го по конец 1919 г. член исполкома горсовета, руководил рядом (квартирный и др.) отделов, входил в президиум город-

ской Коммуны. В 1920—1922 гг. заведовал городской водокачкой.

Перов Г. — большевик с лета — осени 1917 г., рабочий железнодорожных мастерских станции Вятка-2.

Першаков Н. — большевик с лета — осени 1917 г., рабочий железнодорожных мастерских станции Вятка-2.

Петкевич К. К. — осенью 1918 г. председатель Вятского райСНХ.

Петровский Григорий Иванович — большевик из рабочих, депутат 4-й Государственной Думы, с ноября 1917 г. нарком внутренних дел в первом советском правительстве.

Пешехонов А. В. — член Временного правительства, министр продовольствия с мая 1917 г.

Плехов — меньшевик, в 1917 г. работал на железной дороге Вятки, в сентябре 1917 г. член железнодорожного стачкома.

Половниковы Александр и Анисим — члены исполкома Вятского городского Совета РСД с 10 декабря 1917 г.

Попов — меньшевик, в 1917 г. работал на железной дороге Вятки, гласный Вятской городской Думы.

Попов Афанасий — рабочий, член отряда Красной гвардии первого состава.

Попов Иван — рабочий, член отряда Красной гвардии первого состава.

Попов Иван Васильевич — в 1917 г. один из организаторов и руководителей глазовской большевистской организации. Участник 1-й губернской партийной конференции (2—4 октября 1917 г.), член избранного ею губернского бюро РСДРП(б), а затем и губернского комитета, сформированного 2-й губернской конференцией в начале августа 1918 г. Летом 1918 г. — председатель губернского ВРШ. Избран членом ГИКа 3-м губернским съездом Советов в ноябре 1918 г. С осени 1919 г. на партийной и советской работе в Тюменской и ряде других губерний.

Попов Михаил Михайлович — вятский землемер. Летом 1917 г. один из организаторов вятской организации РСДРП(б). В ноябре 1917 г. вошел в состав местного ВРК. В конце 1917-го — начале 1918 г. первый председатель большевизированного Вятского городского Совета РСД. В первые месяцы 1918 г. почетный председатель регионального правительства — губернского Совнаркома. Участвовал в работе губернского Ревтрибунала. С июня входил в состав Вятского горкома большевистской партии (в качестве руководителя) и агитационно-пропагандистской коллегии при нем, председатель губкома РКП(б), избранного 2-й губернской конференцией партии. Член губернского ВРШ. Осенью по совместительству возглавил созданное им при Вятском го-

рисполкоме Информационное бюро. В декабре 1918 г. вновь избран членом губкома РКП(б).

Поскребышев — вятский предприниматель, в апреле 1918 г. обложенный городской властью чрезвычайным налогом.

Поспелов М. И. — эсер, осенью 1917 г. комиссар Временного правительства в Малмыжском уезде.

Поталицын Николай Николаевич — меньшевик. В 1917 г. работал в железнодорожных мастерских.

Потапов Г. — большевик с лета 1917 г., рабочий железнодорожных мастерских станции Вятка-2.

Поярков Виталий — один из вятских уголовных «авторитетов»; в конце 1917-го или в начале 1918 г. расстрелян большевистскими властями города.

Приворотский — в октябре 1918 г. заведующий отделом народного образования исполкома Вятского горсовета. Введен в состав Уральской облЧК, но в декабре того же года — по просьбе городских властей — отозван и назначен заведующим финансовым отделом исполкома Вятского горсовета, доизбран в члены его президиума.

Пристач — с лета 1918 г. один из руководителей интернациональной секции при Вятском горкоме РКП(б).

Прокашев И. — бывший офицер царской армии, организатор антибольшевистского выступления в Нолинске во время наступления на город мятежников-степановцев.

Пузырев — один из командиров Летучего отряда балтийских матросов, прибывшего в Вятку 7 декабря 1917 г.

Рахлин — в сентябре 1918 г. председатель губернского Ревтрибунала.

Репина — вятский предприниматель, домовладелец, чья крупная собственность была экспроприрована в ноябре 1918 г.

Рейтав М. И. — большевик из Ижевска, председатель ГИКа (с перерывами) зимой — летом 1918 г. На 3-м губернском съезде Советов в ноябре того же года вновь избран в состав ГИКа.

Рейтав М. М. — в первые месяцы 1918 г. нарком финансов губернского Совнаркома.

Реутов — осенью 1917 г. председатель елабужского городского продкома.

Рогалев И. И. — начальник милиции Ижевского завода. Погиб в августе 1918 г. в ходе ижевского восстания.

Романов — член ГИКа в мае 1918 г.

Росляков А. Н. — председатель рабочего комитета заводов Долгушинных в Бобинской волости Вятского уезда.

Рудзит — в октябре 1918 г. заведующий квартирным отделом Вятского горисполкома.

Руднев Николай Андреевич — в начале 1917 г. вятский губернатор, 6 марта сдавший власть комиссару Временного правительства П. И. Панькову.

Рыбак — член коллегии военного отдела исполкома Вятского городского Совета РСД с 18 марта 1918 г.

Рыжаков — в 1917 г. меньшевик, вел пропагандистскую работу в железнодорожных мастерских станции Вятка-1, где после Февраля избран председателем профсоюзного комитета. Гласный Вятской городской Думы. Кандидат в члены Верховного Совета по управлению губернией. В 1918 г. в штате Вятского горсовета, затем заведующий столовой для безработных.

Рябинин — в октябре 1918 г. помощник заведующего отделом народного образования Вятского горисполкома.

Рябов Иван — рабочий, член отряда Красной гвардии первого состава (г. Вятка).

Рязанцева Е. — в 1917 г. владелица кинотеатра «Колизей».

Савельев Н. Д. — осенью 1917 г. большевик, член Делового совета Белолуницкого завода.

Саламатов Петр Тимофеевич — эсер, социальное происхождение из крестьян Глазовского уезда, бывший учитель, кооператор; в 1917 г. председатель губернского КОБа, затем губернский комиссар Временного правительства. Член правления губернского отделения Крестьянского союза. Депутат Всероссийского Учредительного собрания.

Салтыков — меньшевик, в 1917 г. работал на железной дороге Вятки.

Сапожников С. — большевик с лета — осени 1917 г., солдат 106-го запасного полка (г. Вятка).

Сах С. О. — председатель учредительного комитета вятского Союза молодежи.

Свердлов Яков Михайлович — в ноябре 1917 — марте 1919 гг. председатель (зимой 1917 г. — весной 1918 г. — сопредседатель) ВЦИК, большевик.

Северехин А. И. — помощник командира 1-го батальона формируемого в июле — августе 1918 г. 19-го Уральского полка В. М. Азина.

Семенов С. С. — член исполкома Вятского горсовета, в январе — марте 1918 г. начальник военного отдела. Замешан в мартовской попытке военного переворота в Вятке.

Силаев — летом — осенью 1917 г. депутат Вятского городского Совета РСД, которым в ноябре делегирован в Верховный Совет по управлению губернией.

Симонов Я. П. — член исполкома Вятского городского Совета РСД с 10 декабря 1917 г.

Ситников Иван — большевик с лета — осени 1917 г., солдат 106-го запасного полка, член отряда Красной гвардии первого состава.

Ситников — вятский предприниматель, в 1918 г. подвергшийся чрезвычайному налогообложению.

Скобелев Матвей Иванович — меньшевик, заместитель председателя Петроградского Совета РСД, министр труда во втором кабинете Временного правительства (май — июнь 1917 г.).

Смольчанский — вятский меньшевик, освобожденный из заключения (губернской тюрьмы) Февральской революцией.

Скопин И. — большевик с лета 1917 г., рабочий железнодорожных мастерских станции Вятка-2.

Соболев — в 1918 г. заместитель председателя Глазовского уездного исполкома Советов, трагически погиб летом, возглавляя продотряд.

Соломин Н. А. — в первые месяцы 1918 г. заведующий отделом призрения губернского Совнаркома.

Сорокожердиев — большевик с лета — осени 1917 г., солдат 106-го запасного полка, с декабря 1917 г. член коллегии военного отдела Вятского Совета РСД.

Софронов — рабочий-большевик, один из депутатов большевизированного Вятского городского Совета РСД с конца ноября 1917 г.

Спиридонова Мария Александровна — лидер партии левых эсеров, зимой 1917 г. — весной 1918 г. сопредседатель ВЦИК.

Спундз Александр Петрович — член Уральского областного комитета РСДРП(б), с осени 1917 г. в Вятке. Участник 2-й губернской конференции РКП(б).

Сталь Людмила Николаевна — в августе 1918 г. командирована ЦК РКП(б) на усиление вятской партийной организации; после 2-й губернской конференции большевиков член Вятского губкома РКП(б). Возглавляла женский отдел губкома, входила в редколлегия «Вятской Правды», «Известий Вятского губисполкома», «Деревенского коммуниста».

Стародумов Иван Петрович — рабочий завода бывш. Зонова. Выдвигенец 1918 г.; четыре месяца работал в горисполкоме помощником заведующего отделом труда Маркова Василия Никифоровича. Ушел по причине «политической слабости», после чего, по рекомендации профсоюза, работал в органах Рабоче-Крестьянской инспекции Вятки.

Стахеев Иван Григорьевич — в 1917 г. глава елабужского рода купцов и предпринимателей-миллионеров.

Степанов — вятский меньшевик, в апреле 1917 г. — член оргкомитета по созданию вятской организации РСДРП.

Степанов А. — капитан бывшей царской армии, командир 1-го Московского продотряда, возглавивший антисоветский мятеж на юге Вятской губернии в августе 1918 г.

Столбов С. Я. — вятский меньшевик, видный оратор.

Столер П. Я. — с конца сентября 1918 г. начальник милиции г. Вятки.

Стругацкий А. З. — с осени 1917 г. представитель ЦК РСДРП(б) в Вятке. Участник 2-й губернской конференции большевиков. В первой половине июля 1918 г. участвовал в реорганизации власти в Котельниче (перевыборы Совета, изгнание из него левых эсеров, создание ВРШ) и в Слободском — в начале августа. Осенью 1918 г. вернулся в Москву.

Суетов — офицер вятского гарнизона, капитан, в 1917 г. член исполкома городского Совета РСД, вошел в состав Верховного Совета в октябре того же года.

Сутоцкий — вятский воинский начальник, арестованный большевистской властью Вятки 8 декабря 1917 г.

Табакон — в 1917—1918 гг. вятский меньшевик.

Тегер — в первые месяцы 1918 г. заведующий отделом народного образования губернского Совнаркома.

Терпелов — осенью 1918 г. член коллегии городской Коммуны.

Титлинов И. С. — член исполкома Вятского городского Совета РСД с 10 декабря 1917 г., член коллегии продовольственного отдела. Организатор и командир первого вятского продовольственного отряда (июль 1918 г.). С октября 1918 г. заведующий продовольственным отделом Вятского горисполкома.

Тихонов — в 1917 г. гласный губернского земского собрания.

Томищ С. Л. — меньшевик, врач, председатель Вятского Совета РСД в конце ноября 1917 г.

Торопов Н. Н. — вятский житель, в 1917 г. член всероссийского Совета Крестьянского союза.

Трейтер Василий Алексеевич — бывший железнодорожный врач станции Мураши, один из активных участников революции 1905 г. После революции отошел от политической деятельности, накануне Февраля 1917 г. занимался врачебной практикой в Вятке. После Февраля — один из руководителей местного профсоюза железнодорожников. В конце ноября сменил П. Т. Саламатова на посту губернского комиссара уже не существующего Временного

правительства, с этого времени возглавлял Верховный Совет по управлению губернией. Арестован большевиками. Привлекался к суду революционного трибунала, но отделался условным наказанием. В 1927 г. еще проживал в Вятке.

Трейтер Г. А. — сестра В. А. Трейтера; осенью 1917 г. приезжала из Петрограда в Вятку, оказать пропагандистскую поддержку местным умеренным социалистам.

Трубинский Андрей Сергеевич — вятский землемер. Летом 1917 г. один из организаторов вятской большевистской организации. С конца ноября того же года член президиума вятского Совета РСД. Летом 1918 г. член агитационно-пропагандистской коллегии при Вятском горкоме РКП(б). С июля 1918 г. входил в состав губернского ВРШ. Во второй половине 1918 г. — руководитель земельного отдела ГИКа. Его членство в этом органе было вновь подтверждено 3-м губернским съездом Советов в ноябре 1918 г.

Тукмачев Н. И. — летом 1918 г. руководитель Омутнинского продотряда. Трагически погиб во время хлебозаготовок.

Тупицын А. Л. — в марте 1918 г. избран народным судьей (г. Вятка).

Тэнс А. Г. — анархист, в первые месяцы 1918 г. нарком почт и телеграфов и заместитель председателя губернского Совнаркома. За участие в попытке военного переворота в марте 1918 г. (так называемая «лапинская авантюра») расстрелян.

Урановский Я. — с осени 1917 г. в Вятке в качестве представителя ЦК РСДРП(б). Участник 2-й губернской конференции большевиков. С июля 1918 г. входил в состав губернского ВРШ. Отличался ораторскими и организаторскими способностями.

Уткин А. — с апреля 1918 г. член ГИКа (делегирован от Ижевского завода), большевик.

Утробин Василий А. — комиссар Красной гвардии в Вятке в конце 1917 г. — начале 1918 г.

Фалалеев Петр Григорьевич — из крестьян деревни Зуянской Куменской волости Вятского уезда, из семьи бедняков, в которой было 7 детей. Образование, даже начальное, получить не удалось. В 1917 г. рабочий-железнодорожник, активный участник революционных событий. Организатор первого в Вятке (железнодорожного) отряда Красной гвардии. В августе — начале октября казначей вятского комитета РСДРП(б); в ноябре вошел в состав вятского ВРК, с конца ноября 1917 г. депутат Вятского Совета РСД, член его президиума. Внес решающий вклад в дело организации выпуска первого номера газеты «Вятская правда». В начале 1918 г. —

комиссар по кинотеатрам города, казначей городского Совета, с марта — член коллегии городского самоуправления. Входил в состав чрезвычайной следственной комиссии и губернского Ревтрибунала; в годы нэпа — комиссар местного отделения Русского для внешней торговли банка, член контрольной комиссии губкома РКП(б) и комиссии по чистке партии, член губернского Совета профсоюзов; возглавлял пожарную городскую службу. Летом 1926 г. являлся комендантом губернского суда и уполномоченным по Испарту 2-го городского райкома ВКП(б). С 1925 г. на пенсии.

Фахрутдинов С. Ш. — мелкий торговец, проживавший в деревне Кугунур Арборской волости Малмыжского уезда.

Фефер Е. Г. — в декабре 1918 г. губернский комиссар продовольствия.

Филиппов — один из посланцев Петроградского ВРК в Вятку в период после свержения Временного правительства.

Харитонов — в 1917 г. владелец частной типографии в Вятке.

Хлебников Петр — железнодорожник станции Вятка-1, член стачкома осенью 1917 г.

Хомак — комиссар 1-го Московского продотряда, активный участник степановского мятежа, фактический диктатор Уржума в июле — августе 1918 г.

Хупоэн — эсер-максималист, с 21 апреля комиссар станции Вятка-1.

Целищев Григорий — матрос, весной 1917 г. проводивший антиправительственную агитацию в Кикнурской волости.

Цыбин Александр — делегат 2-й губернской конференции РКП(б).

Цюрупа Александр Дмитриевич — в феврале 1918 г. сменил А. Г. Шлихтера на посту наркома продовольствия РСФСР, большевик со стажем.

Чарушин Николай Аполлонович — энес, редактор «Вятской речи». С марта 1917 г. председатель оргкомитета вятского отделения всероссийского Крестьянского союза, с конца октября член Верховного Совета по управлению губернией. В этом качестве подвергся кратковременному аресту. Позднее работал в местном отделе Вятской публичной библиотеки имени А. И. Герцена, занимался научной и литературной деятельностью.

Черепанов С. М. — командир Летучего отряда балтийских матросов, объявившегося в конце 1917 г. — январе 1918 г. в Котельниче, затем — в Яранске.

Чернов Виктор Михайлович — эсер, министр земледелия с мая 1917 г.

Черных — весной 1917 г. председатель Кикнурского КОБа.

Чиминев Н. — член Вятского городского Совета РСД с 10 декабря 1917 г., сотрудник военного отдела исполкома Совета.

Чирков П. Н. — в 1917 г. один из лидеров вятской организации партии эсеров, гласный губернского земства, член Верховного Совета по управлению губернией. Активный участник степановского мятежа.

Чирков — с августа 1918 г. член коллегии социального обеспечения при исполкоме Вятского горсовета.

Шевелев Н. А. — помещик, владелец имения в Яранском уезде.

Шер — вятский предприниматель, находившийся в августе 1918 г. под арестом из-за неуплаты чрезвычайного налога.

Шилкин Ф. — в октябре 1918 г. член Вятского горисполкома.

Шингарев Андрей Иванович — кадет, член Временного правительства, министр земледелия весной 1917 г.

Шитов Аркадий — сотрудник военного отдела исполкома Вятского Совета РСД с декабря 1917 г.

Шихов Максим Павлович — рабочий депо станции Вятка-1, большевик с июня 1917 г. Родился в 1898 г. в семье крестьянина деревни Репакки Верхошижемской волости Орловского уезда. Образование начальное, затем работа в частных мастерских г. Вятки, с 1915 г. на железной дороге. Член красногвардейского отряда железнодорожников первого состава. Участвовал в арестах членов Верховного Совета по управлению губернией, в разоружении его дружин. Член губернского Ревтрибунала в 1918—1919 гг. Два месяца воевал на Архангельском фронте. С конца 1919 г. на работе в ЧК на станциях Вятка-1, Мураши, затем в тылу у белых. Не раз попадал в плен к колчаковцам, удавалось бежать, отделавшись побоями. С 1921 г. и до смерти от скоротечной чахотки в 1923 г. на чекистской работе в Барнауле.

Шкляев Павел Николаевич — статский советник, в начале 1917 г. вятский городской голова.

Шлихтер Александр Григорьевич — в конце 1917 г. — начале 1918 г. первый советский нарком продовольствия, большевик; летом 1918 г. в качестве чрезвычайного комиссара возглавил экспедицию за хлебом в Вятскую губернию.

Шубин Н[иколай] Я. — большевик из Глазова, после 1-й губернской конференции большевиков кандидат в члены губернского бюро РСДРП(б). В декабре 1917 г. член редакционной коллегии при исполкоме Вятского горсовета. Летом 1918 г. — военный комиссар г. Глазова.

Шубин С[ергей] Я. — на 2-й губернской конференции РКП(б) представлял глазовскую партийную организацию; избран там же членом губкома партии.

Шубин Иосиф — большевик, в декабре 1917 г. член редакционной коллегии при исполкоме Вятского горсовета.

Шулаков — эсер, в августе 1918 г. активный участник ижевского восстания, член «Прикомуча».

Шульц — в апреле 1918 г. вятский комиссар по сбору налогов.

Шульц А. И. — левый эсер, прапорщик 154-го запасного полка, в 1917 г. председатель Глазовского Совета РСД.

Юмашев Л. В. — кадет, в 1917 г. председатель губернского продкома, в ноябре — декабре член Верховного Совета по управлению губернией, за участие в котором подвергся кратковременному аресту.

Юрьев Г. Н. — штабс-капитан, в августе — ноябре 1918 г. командующий войсками «прикамского Комуча» (Прикомуча).

Юрьевский — в 1917 г. — солдат-большевик вятского гарнизона. В декабре 1917 г. вошел в состав исполкома Вятского Совета РСД в качестве сотрудника военного отдела. Вскоре назначен комиссаром станции Вятка-1.

Яковлев Н. — меньшевик, в сентябре 1917 г. руководитель стачкома вятских железнодорожников.

Якубовский — крупный вятский домовладелец.

Ясницкий — с августа 1918 г. член коллегии социального обеспечения при исполкоме Вятского горсовета.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВРК — Военно-революционный комитет

ВРШ — Военно-революционный штаб

ВСНХ — Высший Совет народного хозяйства (всероссийский орган)

ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов

Вятский горисполком — исполнительный комитет Вятского городского Совета рабочих и солдатских депутатов

ГубСНХ — губернский Совет народного хозяйства (совнархоз)

ГубЧК — губернская чрезвычайная комиссия

ГИК — губернский исполнительный комитет Советов

Горсовет — городской Совет РСД

Исполком Вятского горсовета — исполнительный комитет Вятского городского Совета рабочих и солдатских депутатов

КО — контрольный отряд

КОБ — Комитет общественной безопасности

Наркомпрод — наркомат продовольствия

НКВД — наркомат внутренних дел

Отряд ЧМК — отряд чрезвычайной междоветственной комиссии

ПЛСР — партия левых социалистов-революционеров (эсеров)

ПСР — партия социалистов-революционеров (эсеров)

РайСНХ — районный Совет народного хозяйства (совнархоз)

РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)

РККА — Рабоче-Крестьянская Красная армия

РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков) — с марта 1918 г.

Совет КД — Совет крестьянских депутатов

Совет РД — Совет рабочих депутатов

Совет РСД — Совет рабочих и солдатских депутатов.

Совнарком (СНК) РСФСР — Совет народных комиссаров Российской советской федеративной социалистической республики, правительство страны

Научное издание

Бакулин Владимир Иванович

Драма в двух актах:
Вятская губерния в 1917–1918 гг.

Подписано в печать 19.03.2008 г.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Literaturnaya».

Усл. печ. л. 13,4. Тираж 500 экз. Заказ № 98.

Издательство Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26

Отпечатано с электронной версии в ООО «Лобань»